

PĒTERA STUČKAS LATVIJAS VALSTS UNIVERSITĀTE
ЛАТВИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМ. П. СТУЧКИ

ZINĀTNISKIE RAKSTI
УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ

SĒJUMS 44 * TOM 44

JURIDISKĀS ZINĀTNES
ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

4. LAIDIENS * ВЫПУСК 4.

RĪGĀ, 1962 RĪGA

938
PĒTERA STUČKAS LATVIJAS VALSTS UNIVERSITĀTE
ЛАТВИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМ. П. СТУЧКИ

РЕЗЕРВНЫЙ ФОНД
ЛГУ

ZINĀTNISKIE RAKSTI УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ

ТОМ

44

СЕРИЯ

JURIDISKĀS ZINĀTNES
ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

ВЫПУСК 4

4. ЛАЙДЕНС

KRIMINĀLTIESĪBU UN KRIMINĀLPROCESA JAUTĀJUMI
ВОПРОСЫ УГОЛОВНОГО ПРАВА И ПРОЦЕССА



RĪGĀ, 1962 RĪGA

СТАТУС

44/5759

11001

BE339



ANDLETS
1941 7-62

REDAKCIJAS KOLEĢIJA

Doc. jurid. zin. kandidāts O. Grinbergs
Doc. jurid. zin. kandidāts A. Liede
Doc. jurid. zin. kandidāts E. Jostsons

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Доц., канд. юрид. наук Гринберг О. П.
Доц., канд. юрид. наук Лиеде А. А.
Доц., канд. юрид. наук Иостсон Э. А.

8-62

4171

SATURS СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
Доцент, канд. юрид. наук М. БЛУМ — Вопросы действия советского уголовного закона во времени	7
Доцент, канд. юрид. наук М. БЛУМ — Некоторые вопросы необходимой обороны	41
Доцент, канд. юрид. наук М. БЛУМ — Ответственность за укрывательство и недонесение по уголовным кодексам союзных республик	71
Доцент, канд. юрид. наук А. ЛИЕДЕ — Общественное обвинение и общественная защита	95
Dokcēnts, jur. zin. kand. A. LIEDE — Kriminālprocesa dalībnieki (pēc Latvijas PSR Kriminālprocesa kodeksa)	135
Краткое содержание статьи доцента, канд. юрид. наук А. ЛИЕДЕ — Участники уголовного процесса (по уголовно-процессуальному кодексу Латвийской ССР)	155
Doc. v. i., jurid. zin. kand. I. INDULENS — Krimināllietu izmeklēšanas reakcionārās metodes buržuāziskajā Latvijā	157
Краткое содержание статьи и. о. доцента, канд. юрид. наук И. ИНДУЛЕНА — Реакционные методы расследования уголовных дел в буржуазной Латвии	183
Doc. v. i., jurid. zin. kand. S. GRAUZINIS — Piezīmes par Latvijas PSR prokuratūras izveidošanos un attīstību 1940. un 1941. gadā	185
Краткое содержание статьи и. о. доцента, канд. юрид. наук С. ГРАУЖИНИС — Заметки о создании и развитии прокуратуры Латвийской ССР в 1940 и 1941 гг.	210
Памяти М. Х. Якобсона-Андерсона	202

М. БЛУМ,
Доцент, канд. юрид. наук

ВОПРОСЫ ДЕЙСТВИЯ СОВЕТСКОГО УГОЛОВНОГО ЗАКОНА ВО ВРЕМЕНИ

XXII съезд КПСС уделил большое внимание вопросам государственного строительства и совершенствования социалистической демократии. Программа КПСС по-новому ставит вопрос о перерастании государства диктатуры рабочего класса в общенародное государство, о превращении пролетарской демократии в демократию общенародную.

В период развернутого строительства коммунистического общества важнейшая роль в обеспечении развития все расширяющейся демократии принадлежит дальнейшему укреплению социалистической законности, требующей обеспечения точного и неуклонного исполнения законов всеми государственными учреждениями, должностными лицами и гражданами.

С трибуны XXII съезда КПСС неоднократно звучали слова гнева в адрес враждебных нашему государству элементов, которые в период культа личности Сталина путем произвола и беззакония расправлялись с честными людьми. С трибуны съезда звучало требование бороться за укрепление социалистической законности, добиваться уважения к советскому закону и его соблюдению.

Интересами укрепления социалистической законности и обеспечения правовых гарантий руководствовался законодатель, разрешая в Основах уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик вопрос о действии советского уголовного закона во времени.

В статье 6 Основ указывается, что «преступность и наказуемость деяния определяется законом, действовавшим во время совершения этого деяния.

Закон, устранивший наказуемость деяния или смягчающий наказание, имеет обратную силу, — то-есть распространяется также на деяния, совершенные до его издания.

Закон, устанавливающий наказуемость деяния или усиливающий наказание, обратной силы не имеет».

Это положение дословно воспринято уголовными кодексами всех союзных республик.

I

Таким образом, статья 6 Основ уголовного законодательства утвердила общий принцип установления преступности и наказуемости деяния по закону, действовавшему во время совершения этого деяния. По этому же пути пошло уголовное законодательство стран народной демократии и некоторых капиталистических государств.

Для правильного применения уголовного закона необходимо установить, *какие законы действовали во время совершения преступного деяния*. Для установления, какие законы являются в определенный период действующими, необходимо разрешить ряд вопросов, связанных с определением момента вступления уголовного закона в силу и момента прекращения его силы.

1. В данное время порядок опубликования и вступления в силу законов СССР определен Указом Президиума Верховного Совета СССР от 19 июня 1958 года.

Этим Указом установлено, что законы СССР, постановления и другие акты Верховного Совета СССР, указы и постановления Президиума Верховного Совета СССР подлежат опубликованию в «Ведомостях Верховного Совета СССР» на языках союзных республик не позднее семидневного срока после их принятия.

Важнейшие из этих актов, подлежащие широкому и немедленному обнародованию, публикуются в газете «Известия Советов депутатов трудящихся СССР». Эти акты могут быть также обнародованы по радио или переданы по телеграфу.

Союзными республиками был установлен порядок опубликования и вступления в силу законов союзных республик.

Так, 9 января 1959 года Президиум Верховного Совета Латвийской ССР принял Указ о порядке опубликования и

вступления в силу законов Латвийской ССР, постановлений Верховного Совета Латвийской ССР, указов и постановлений Президиума Верховного Совета Латвийской ССР.

Согласно этому Указу, все законы Латвийской ССР, постановления и другие акты Верховного Совета Латвийской ССР, указы и постановления Президиума Верховного Совета Латвийской ССР подлежат опубликованию в «Ведомостях Верховного Совета и Правительства Латвийской Советской Социалистической Республики» на латышском и русском языках не позднее семидневного срока после их принятия.

Важнейшие из актов нашей республики, подлежащие широкому и немедленному обнародованию, публикуются в газетах «Циня» и «Советская Латвия». Эти акты могут быть обнародованы также по радио или переданы по телеграфу.

Таким образом, вопрос о порядке опубликования законов полностью разрешен.

Такая публикация уголовного закона дает возможность полностью использовать уголовный закон как средство предупреждения, предостережения неустойчивых членов общества от совершения общественно-опасных деяний и одновременно как средство укрепления социалистического правосознания. Советский закон, выражая моральные и правовые воззрения советского народа и политику Коммунистической партии, в то же время и сам способствует укреплению и развитию правосознания и моральных устоев советского общества.

Установленный порядок опубликования уголовных законов обеспечивает каждому гражданину реальную возможность повсеместно ознакомиться с законом, т. е. этим обеспечивается принцип «нельзя отговариваться незнанием закона».

Законы СССР, постановления и другие акты Верховного Совета СССР, указы и постановления Президиума Верховного Совета СССР общенормативного характера вступают в силу на всей территории СССР одновременно по истечении десяти дней после их опубликования в «Известиях» или «Ведомостях», если в самих актах не указан иной срок введения их в действие.

Соответствующие законы и постановления Верховного Совета Латвийской ССР, указы и постановления Президиума Верховного Совета Латвийской ССР общенормативного характера вступают в силу на всей территории Латвийской ССР одновременно по истечении десяти дней после их опубликования в газетах «Циня» и «Советская Латвия» или в «Ведомостях Верховного Совета и Правительства Латвийской ССР»,

если в самих актах не указан иной срок введения их в действие.

Общесоюзные акты общенормативного характера, опубликованные в «Известиях», как и такие же акты Латвийской ССР, опубликованные в газетах «Циня» или «Советская Латвия» до опубликования в «Ведомостях», вступают в силу по истечении десяти дней после опубликования в указанных газетах. Таким образом эти акты общенормативного характера вступают в силу на одиннадцатый день после их опубликования, не считая дня опубликования, если в самих актах не указан иной срок введения их в действие.

Так, Уголовный кодекс Латвийской ССР был утвержден 6 января 1961 года. В законе Латвийской Советской Социалистической Республики об утверждении Уголовного кодекса Латвийской ССР от 6 января 1961 года было указано, что Уголовный кодекс вводится в действие с 1 апреля 1961 года, то есть, в самом законе указан определенный срок введения кодекса в действие.

Указ Президиума Верховного Совета Латвийской ССР «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Латвийской ССР» от 21 августа 1961 г., которым статья 148 УК Латв. ССР была дополнена частью второй, установившей наказание за коммерческое посредничество, был опубликован 31 августа 1961 года в Ведомостях Верховного Совета и Правительства Латвийской ССР. Поскольку в этом законе не указан иной срок введения его в действие, то он вступил в силу 11 сентября 1961 г. Поэтому, если в судебной практике Латвийской ССР возникает вопрос об уголовной ответственности за коммерческое посредничество, то следует иметь в виду, что занятие коммерческим посредничеством, имевшее место еще 11 сентября и позже дает основание для применения этой статьи.

2. Следующим вопросом, который должен быть разрешен для правильного установления действовавшего в определенный период закона, является вопрос о прекращении действия уголовного закона, так как действующим является вступивший в силу закон, который не утратил своей силы.

Порядок и условия прекращения действия уголовного закона вообще не нашли законодательной регламентации. В теории советского уголовного права этот вопрос решается различно, однако большинство теоретиков считает, что условиями прекращения действия уголовного закона являются:

1) отмена закона, 2) изменение закона или его замена другим законом, 3) истечение срока действия закона, 4) от-

падение особых условий и обстоятельств, вызывавших действие этого закона¹.

Некоторые авторы объединяют два последних условия. Однако никто из авторов не приводил ни одного примера, когда в самом законе было бы указано, на какой срок он издан, ибо советские законы никогда не издаются на определенный календарный срок безотносительно к определенным условиям или обстоятельствам, вызвавшим действие этого закона. Но и в том случае, когда действие уголовного закона законодатель обуславливает наличием определенных обстоятельств, неправильно было бы рассматривать отпадение этих условий и обстоятельств как прекращение действия данного уголовного закона. Закон не применяется, когда отсутствуют указанные в законе условия (например, военное время, боевая обстановка и др.), но при наступлении соответствующих обстоятельств закон может быть применен без специального постановления о введении его в действие. Так многие статьи Закона об уголовной ответственности за воинские преступления не могут быть применимы в условиях мирного времени, однако они не могут быть признаны утратившими силу вообще, т. е. несуществующими больше уголовными законами.

Следует иметь также в виду, что не всегда прекращение фактического состояния войны служит основанием для отмены всех законов военного времени.

В течение определенного времени в некоторых республиках и областях может быть сохранено военное положение, поэтому сохраняются и законы военного времени. Значит и в этом случае автоматически не прекращается действие законов военного времени. Для прекращения действия этих законов необходимо специальное основание. Нам представляется, что таким основанием может быть только специальный закон, которым прекращается действие уголовных законов военного времени.

Это относится и ко всем прочим аналогичным случаям, которые приводятся в литературе².

Единственным исключением из этого общего правила является прекращение действия законов, которые определяют порядок введения в действие каких-либо других законов. Так, например, 14 февраля 1959 года был издан Указ Президиума Верховного Совета СССР «О порядке введения в действие

¹ См. Профессор А. А. Герцензон. Уголовное право, часть общая. М., 1948 г., стр. 213.

² См. Уголовное право. Общая часть. М., 1939 г., стр. 138.

Основ уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик и Законов об уголовной ответственности за государственные и воинские преступления». Этим указом был определен порядок пересмотра приговоров, уже вступивших в законную силу, и порядок смягчения наказания или освобождения от наказания лиц, осужденных до вступления в силу новых общесоюзных законов.

В связи с вступлением в силу нового Уголовного кодекса Латвийской ССР 25 марта 1961 года был издан Указ Президиума Верховного Совета Латвийской ССР «О порядке введения в действие Уголовного кодекса и Уголовно-процессуального кодекса Латвийской ССР» и постановление Президиума Верховного Совета Латв. ССР «О применении Указа Президиума Верховного Совета Латв. ССР от 25 марта 1961 года «О порядке введения в действие Уголовного Кодекса и Уголовно-процессуального кодекса Латвийской ССР».

Эти уголовно-правовые акты определили порядок и основание для смягчения наказания или освобождения от наказания лиц, в отношении которых приговор вступил в законную силу до 1 апреля 1961 года. Ими уже установлен порядок признания лиц, осужденных до 1 апреля, особо опасными рецидивистами, а также разрешены другие вопросы, связанные с введением в действие новых уголовного и уголовно-процессуального кодексов.

Характер этих законов таков, что они перестают действовать после пересмотра вступивших в силу приговоров, вынесенных до принятия новых законов.

Поэтому, говоря о прекращении действия советского уголовного закона, следует подчеркнуть две возможности: 1) отмену закона специальным законом или заменяющим его законом и 2) фактическую замену старого закона новым без специального указания об этом.

Вопрос о прекращении действия уголовного закона в результате его полной или частичной отмены не может вызвать никаких коллизий, не зависимо от того, отменяется ли ранее действовавший закон специальным актом или в результате имеющегося указания на его отмену в новом, заменяющем его законе.

Таковыми специальными актами являются, например, Указ Президиума Верховного Совета СССР от 11 марта 1955 г. «О замене уголовной ответственности за самовольный проезд в товарных поездах мерами административного воздействия», Указ Президиума Верховного Совета СССР от 5 августа 1954 г. «Об отмене уголовной ответственности беременных женщин за

производство аборта» и Указ Президиума Верховного Совета СССР от 23 ноября 1955 г. «Об отмене запрещения аборт». ».

Примером отмены уголовного закона в результате имеющегося указания на его отмену в заменяющем его законе может служить Указ Президиума Верховного Совета СССР от 9 июня 1947 г. «Об ответственности за разглашение государственной тайны и за утрату документов, содержащих государственную тайну», в котором перечислены все законы, утратившие силу в связи с изданием настоящего Указа.

В связи с принятием Уголовного и Уголовно-процессуального кодексов Латвийской ССР 13 марта 1961 года был принят специальный Указ Президиума Верховного Совета СССР «О признании утратившими силу законодательных актов СССР в связи с принятием Уголовного и Уголовно-процессуального кодексов Латвийской ССР»³.

31 марта 1961 года был принят Указ Президиума Верховного Совета Латвийской ССР «О признании утратившими силу законодательных актов в связи с вступлением в силу Уголовного кодекса и Уголовно-процессуального кодекса Латвийской ССР»⁴.

В этих указах были перечислены все законодательные акты СССР и Латв. ССР, утратившие силу с 1 апреля 1961 г.

Значительные затруднения в судебной практике могут возникнуть в случаях фактической замены ранее действовавшего уголовного закона новым законом, если нет указания об отмене предыдущего закона в самом тексте нового закона. Фактическая замена действовавшего закона новым может быть установлена только путем сопоставления содержания соответствующих законов, что во многих случаях весьма затруднительно, о чем свидетельствует практика применения Указа Президиума Верховного Совета СССР от 4 июня 1947 г. «Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества». Этот Указ не содержал специального перечня законов, утративших силу в результате вступления в силу данного Указа, что привело к ошибочному толкованию Указа.

Постановлением Пленума Верховного Суда СССР от 22 августа 1947 года без всяких оснований была фактически отменена ч. 2 ст. 169 УК РСФСР 1926 г. и соответствующие

³ См. «Ведомости Верховного Совета и Правительства Латвийской Советской Социалистической Республики», № 12, 3 марта 1961 года, стр. 378.

⁴ См. «Ведомости Верховного Совета и Правительства Латвийской Советской Социалистической Республики», № 14, 6 апреля 1961 года, стр. 446.

статьи уголовных кодексов других союзных республик. Эта ошибка была исправлена последующими постановлениями Пленума Верховного Суда Союза ССР. Была восстановлена ч. 2 ст. 169 УК РСФСР 1926 г. (и соответствующие статьи уголовных кодексов других союзных республик), однако в течение почти 5 лет она считалась утратившей силу.

Такая «отмена» постановлением Пленума Верховного Суда СССР действующего уголовного закона — нормативного акта верховной власти, обладающего высшей юридической силой, — не способствует стабильности законов и уважению к ним граждан, принижает роль Советского уголовного закона.

Поэтому следует в законе, регламентирующем порядок опубликования и вступления в силу законов СССР, указать, что *вступивший в силу закон действует до его отмены специальным законом или заменяющим его законом.*

Это положение обязывало бы законодателя, издавая новые уголовные законы, указывать в самом законе, какие из ранее действовавших законов утратили силу. Закон от 19 июня 1958 г. мог бы быть дополнен указанием на порядок отмены вступивших в силу законов.

Четкое определение порядка вступления закона в силу и утраты им силы является необходимой предпосылкой для правильного установления *действовавшего в определенный отрезок времени уголовного закона.*

3. Чтобы применить закон, действительно имевший силу во время совершения преступного деяния, необходима еще одна предпосылка: *правильно определить время совершения преступного деяния.* Этот вопрос не может вызвать разногласий в тех случаях, когда преступный результат наступает непосредственно после совершения общественно-опасного действия или после допущенного общественно-опасного бездействия.

Значительный разрыв во времени между совершением преступного действия или преступного несовершения определенных действий, с одной стороны, и наступлением вследствие этого предусмотренных в законе последствий, с другой стороны, может привести к известному затруднению в установлении времени совершения этого деяния.

Так, например, недоброкачественный ремонт транспортных средств может иметь место во время действия старого закона, а несчастные случаи с людьми в результате такого ремонта могут наступить во время действия нового закона.

Или же: выстрел с целью убийства человека и его ранение

имеет место во время действия старого закона, а смерть человека в результате ранения наступила во время действия нового закона.

Какой же закон следует считать действовавшим во время совершения этих преступлений?

Это не единственный случай, когда в связи с принятием нового закона, необходимо решать вопрос о времени совершения преступления. Вопрос об определении времени совершения преступления возникает в отношении всех преступлений, для которых характерны два действия или система действий. Так, например, при спекуляции скупка может иметь место во время действия старого закона, а перепродажа — во время действия нового закона. При взяточничестве могут быть случаи, когда взятка отправлялась по почте и была сдана на почту во время действия старого закона, а получена взяточполучателем уже во время действия нового закона. Какой закон должен быть применен к взяточдателю?

Такой же вопрос может возникнуть при совершении длящегося или продолжаемого преступления. Он может возникнуть и в случае совершения преступления в соучастии, когда действия соучастников совершаются в различное время.

Этот вопрос, имеющий не только теоретическое, но и большое практическое значение, в нашей уголовно-правовой литературе почти обойден. Даже проф. Шаргородский, автор монографии об уголовном законе, вопросу об установлении времени совершения преступления уделил всего несколько строк. Проф. Шаргородский отмечает, что для определения момента совершения преступления различные авторы и практика разных стран за основу принимают различные обстоятельства: момент совершения деяния, момент наступления результата и, наконец, смешанная теория считает возможным исходить и из момента совершения деяния и из момента наступления результата⁵.

При этом проф. Шаргородский имеет в виду только криминалистов и практику зарубежных капиталистических стран различных периодов.

В буржуазных государствах этот вопрос различно разрешался в начале XX века и по сей день разрешается различно.

Проф. Таганцев считал, что к преступным деяниям, требующим для полноты состава наличия известных последствий,

⁵ Проф. М. Д. Шаргородский, Уголовный закон. Юридическое Издательство Министерства юстиции СССР, 1948, стр. 230.

должен применяться закон момента наступления последствий, так как тогда только преступление считается оконченным⁶.

Проф. Б. Хонкасало полагает, что решающее значение имеет момент окончания действия или бездействия, а не момент наступления последствий. Эта точка зрения является господствующей в Финляндии⁷.

Проф. Ганс Феликс Пфенninger, комментирующий действующее Швейцарское уголовное право, считает, что временем совершения преступного деяния следует рассматривать «как время, в которое виновный совершил преступное деяние, так и время, в которое наступил результат»⁸. Если же совершение деяния имело место при действии старого права, а результат наступил лишь при действии нового права, то подлежит применению новое право, если оно является для виновного более мягким⁹. Таким образом, проф. Пфенninger приходит практически к тем же выводам, что и проф. Ханкасало, хотя и исходит из других теоретических предпосылок.

Решение вопроса об установлении времени совершения преступления для науки советского уголовного права представляет не меньший теоретический интерес, а также имеет большое практическое значение для правильного применения советского уголовного закона судебными органами нашего государства. Однако этот вопрос полностью обойден советскими криминалистами.

Представляется правильным считать действовавшим во время совершения преступления тот закон, который действовал во время совершения последнего из общественно-опасных действий, образующих объективную сторону конкретного преступления. В случае общественно-опасного бездействия действовавшим во время совершения преступления следует считать тот закон, который был в силе во время окончательного срока, предусмотренного для выполнения обвиняемым конкретных обязанностей. Так, в случае уклонения от очередного призыва на действительную военную службу, в случае уклонения от призыва по мобилизации, уклонения в военное время от выполнения повинностей или уплаты налогов, а также в других случаях бездействия, следует руководствоваться тем

⁶ Н. С. Таганцев, Русское уголовное право, часть общая, С.-Петербург, 1902 г., том I, стр. 277.

⁷ Современное зарубежное уголовное право, том второй, Изд-во Иностранной литературы, Москва, 1958, стр. 51.

⁸ Там же, стр. 309.

⁹ Там же.

законом, который действовал во время, установленное органами власти для выполнения соответствующих обязанностей.

Во всех случаях спекуляции, совершенных одним лицом, следует применять закон, действовавший в момент перепродажи товаров.

Если во время совершения последнего из общественно-опасных действий, составляющих единое преступление, уже вступил в действие новый закон, он и должен применяться. Так, народный суд Московского района 28 декабря 1961 г. совершенно правильно квалифицировал действия Г. по части 2 ст. 151 УК Латвийской ССР. Г. с июня 1957 года по май 1961 года занимался коммерческим посредничеством по заключению торговых сделок в пользу различных торгующих организаций. За указанное время он заключил всего 51 торговую сделку на общую сумму 1.243.360 рублей.

За это время ответственность за коммерческое посредничество определялась несколькими законами. С 1957 по 1 апреля 1961 года ответственность предусматривалась ст. 99 УК РСФСР 1926 г. С 1 апреля 1961 г. до 11 сентября 1961 г. ст. 151 УК Латв. ССР, с 11 сентября по сей день, то есть к моменту привлечения Г. к уголовной ответственности, ст. 148 ч. II УК Латв. ССР.

Народный суд Московского района правильно применил закон, который действовал во время конечного момента реализации им последней торговой сделки 3 мая 1961 года. Таким законом была статья 151 часть II УК Латвийской ССР¹⁰.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Латвийской ССР 5 февраля 1962 г. оставила приговор в силе.

В случае длящегося преступления должен быть применен тот уголовный закон, который действовал во время конечного момента длящегося преступления. Конечным моментом длящегося преступления может быть момент задержания преступника, явка с повинной, прекращение тех отношений, в связи с которыми возникло длящееся преступление и др. Например, злостное уклонение родителей от уплаты средств на содержание несовершеннолетних детей является длящимся преступлением. Преступное состояние прекращается в момент задержания злостного неплательщика алиментов или же в момент добровольной уплаты алиментов, или его явки с повинной, или же в момент смерти ребенка.

Объективная сторона продолжаемого преступления складывается из нескольких однородных преступных действий,

¹⁰ Московский район, Дело № 1—1368/10, 1961.



1941-7-62

направленных на достижение одной и той же цели. Конечным моментом продолжаемого преступления является последний из актов, образующих его объективную сторону. Так, например, реализация имущества, заведомо добытого преступным путем, может состоять из одного акта продажи этого имущества, а может состоять из нескольких актов, совершенных в течение более длительного времени. В последнем случае временем совершения этого преступления следует считать время последнего акта реализации имущества. Точно также в тех случаях, когда наличие оконченного состава преступления определяется наступлением конкретных последствий, временем совершения преступления следует считать время совершения последнего из действий (невыполнения определенных обязанностей), повлекших эти последствия.

Поэтому в случае, когда к моменту наступления предусмотренных в законе последствий вступил в действие новый закон, он не может быть применен к преступнику (за исключением случаев обратного действия уголовного закона).

Мы полностью согласны с Н. Ф. Кузнецовой, что «последствие не является элементом самого действия, что, с одной стороны, всякое преступное действие есть *воплощение преступной воли лица, его вины* (субъективная общественная опасность), а с другой — действие-причина *общественно вредных изменений* в охраняемых уголовным законодательством социалистических общественных отношениях (объективная общественная опасность)»¹¹.

Права Н. Ф. Кузнецова и в том, что в основе всякого преступного действия лица лежит подконтрольное сознанию, мотивированное физическое телодвижение или воздержание от него, что лицо может в любой момент прекратить или изменить свое поведение, однако не может изменить последствия, относящегося к сфере внешнего мира¹².

Поэтому, если умышленное причинение тяжких телесных повреждений имело место до 1 апреля 1961 года, то, хотя оно и повлекло за собой смерть потерпевшего после 1 апреля 1961 года, действия виновного следует квалифицировать не по части второй статьи 105 УК Латвийской ССР, а по части второй ст. 142 действовавшего на территории Латвийской ССР УК РСФСР 1926 г.

Таким образом нам представляется правильным считать

¹¹ Н. Ф. Кузнецова, *Значение преступных последствий*. Госюриздат, 1958, стр. 14.

¹² Там же, стр. 15.

временем совершения преступления момент выполнения преступного действия или бездействия.

Этим же соображением следует руководствоваться, устанавливая время совершения преступления соучастниками. Временем совершения преступления для каждого из соучастников следует считать момент воплощения в преступное действие (бездействие) его преступной воли, время совершения им последнего из действий, являвшихся причиной общественно-вредных последствий. Для организатора временем совершения преступления является время совершения прочими соучастниками всех действий, приведших к желаемому общественно-опасному результату, ибо он организовал преступление и руководил им. Для исполнителя время совершения преступления определяется последним из его действий, приведших к преступному результату. Для подстрекателя временем совершения преступления является момент, когда он склонил исполнителя к совершению преступления, то есть, когда он путем подкупа, убеждения, угрозы, просьбы, обещания вознаграждения или иным путем возбудил в исполнителе решимость совершить преступление. В этих действиях находит воплощение преступный умысел подстрекателя. Поэтому его действия должны квалифицироваться по закону, действующему в этот момент. Однако в тех случаях, когда подстрекатель сознает, что действия исполнителя, образующие состав преступления, будут совершены во время действия нового закона, желает этого или сознательно допускает такую возможность, то его действия должны быть квалифицированы по соответствующей статье нового закона, действующего в момент совершения преступления исполнителем. Это может иметь место в случаях, когда в момент склонения лица к совершению преступления новый закон уже обнародован, но не вступил в силу, однако действия, к совершению которых лицо склоняется, должны быть совершены только после вступления нового закона в силу.

Для пособника время совершения преступления должно быть определено по такому же принципу. Временем совершения преступления пособником является время совершения им действий, способствовавших совершению исполнителем преступления, то есть время предоставления средств или устранение препятствий, а также момент дачи обещания сокрытия преступления.

Действия пособника по времени могут совпасть с действиями исполнителя, — когда пособник содействует преступлению в момент его совершения, но могут и не совпасть по

времени, когда действия пособника осуществляются до совершения преступления исполнителем. Действия пособника должны квалифицироваться по тому закону, который был в силе во время совершения им действий, направленных на содействие выполнению исполнителем преступления. Однако если пособник предвидит, что преступление будет осуществлено только во время действия нового закона, желает этого или сознательно допускает такую возможность, то его действия должны быть квалифицированы по тому новому закону, по которому квалифицируются действия исполнителя, даже если новый закон более строгий. Для пособника, заранее обещавшего скрыть преступника, орудия и средства совершения преступления, следы преступления либо предметы, добытые преступным путем, временем совершения преступления является момент обещания скрыть преступление, — если лицо это обещание не осуществило, а в случае осуществления обещанного, — момент сокрытия преступления.

В этом последнем случае момент сокрытия преступления может даже не совпасть по времени и с моментом совершения преступления исполнителем, а потому не исключена возможность квалификации действий исполнителя по старому закону, а действия укрывателя, заранее обещавшего скрыть это преступление, по новому закону, вступившему в силу к моменту совершения действий, направленных на сокрытие преступника, орудий и средств совершения преступления, следов преступления либо предметов, добытых преступным путем.

Только разрешив вопрос о том, какие уголовные законы действовали во время совершения преступления, можно правильно определить преступность и наказуемость деяния.

II

Наибольший теоретический интерес и практическую значимость представляет вопрос об обратном действии уголовного закона. Этот вопрос по существу слагается из двух вопросов:

1) об обратной силе закона, устраняющего наказуемость деяния или смягчающего наказание, 2) об обратной силе закона, устанавливающего наказуемость деяния или усиливающего наказание. Каждый из этих вопросов нуждается в самостоятельном рассмотрении. Начнем с первого из них.

1. В части второй статьи 6 Основ уголовного законодательства записано: «Закон, устраняющий наказуемость деяния или смягчающий наказание, имеет обратную силу, то есть

распространяется также на деяния, совершенные до его издания».

Речь идет безусловно о том, что закон, устраняющий наказуемость деяния, как и более мягкий закон, распространяются на деяния, совершенные до их вступления в силу, а не до их издания.

Так же вопрос об обратном действии более мягкого уголовного закона решен в уголовных кодексах всех стран народной демократии.

Это положение кодексов стран народной демократии неуклонно выполняется органами правосудия в случае возникновения коллизий по вопросу о применении старого или нового закона¹³.

Положение части второй статьи 6 Основ уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик об обратной силе более мягкого уголовного закона не предусматривает никаких исключений. Требование закона является категорическим.

В теории советского уголовного права правильность такого положения закона никогда не подвергалась сомнению и оно безусловно соблюдалось судебной практикой.

Поэтому некоторое недоумение вызывает утверждение авторов научно-практического комментария к Основам уголовного законодательства, что «иногда... специальным указанием не придается новому закону обратная сила несмотря на то, что новый закон по сравнению с ранее действовавшим законом смягчает наказание за те или иные общественно опасные деяния»¹⁴.

Нам представляется, что исключения из общего правила об обратной силе более мягкого закона недопустимы, ибо противоречат Основам. Для противоположного утверждения нет никаких оснований и никакого оправдания. Как мы попытаемся ниже показать, такой вывод авторов основан на некотором недоразумении¹⁵.

2. Вопрос об обратной силе закона, устанавливающего наказуемость деяния или усиливающего наказание, разрешался в советском законодательстве различно.

До принятия Основ уголовного законодательства в самом законе — «Основах судопроизводства Союза ССР и союзных

¹³ См. М. А. Краснополина. Основные вопросы уголовного права Народной Республики Болгарии, Госюриздат, Москва, 1960, стр. 53.

¹⁴ Научно-практический Комментарий к Основам уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик. Госюриздат, 1961, стр. 26.

¹⁵ См. стр. 32 настоящей работы.

республик» и УПК РСФСР 1923 г. ничего не было сказано в отношении обратной силы уголовного закона, устанавливающего наказуемость деяния или усиливающего наказание. Недопустимость обратной силы более строгого закона (как общий принцип) вытекала из содержания статьи 2 УПК РСФСР о применении закона, действующего в момент совершения преступления, однако закон категорически не воспрещал придание обратной силы более строгому закону.

Как известно, в исключительных случаях законодатель придавал отдельным законам, усиливающим наказание или устанавливающим наказуемость деяния, обратную силу, о чем непосредственно указывал в законе. Указание на обратную силу этих законов исторически оправдано и диктовалось соответствующими этапами классовой борьбы и построения первого в мире социалистического общества. Совершенно оправдано придание обратной силы Указу от 19 апреля 1943, который установил уголовную ответственность немецко-фашистских захватчиков и их пособников за совершенные ими злодеяния. Этот Указ распространялся на преступления, совершенные до его издания на временно оккупированной гитлеровцами территории СССР.

Так же этот вопрос разрешен в странах народной демократии.

Законы о наказании военных преступников, принятые в странах народной демократии в период 1944—1945 годов, предусматривали уголовную ответственность лиц за деяния, совершенные ими в период временной оккупации.

Придание обратной силы этим законам диктовалось требованием справедливого возмездия за совершенные тяжчайшие преступления против человечества, за миллионы невинно загубленных жизней.

Что же нового в регулировании вопроса об обратной силе более строгого уголовного закона внесли Основы уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик 1958 года?

По нашему мнению, Основы в отличие от ранее действовавшего законодательства не допускают даже в виде исключения придания обратной силы закону, вновь устанавливающему наказуемость деяния или усиливающему наказание. По этому вопросу мы полностью согласны с авторами практического комментария к Основам уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик — М. И. Ковалевым, Е. А. Фроловым и М. А. Ефимовым, — которые полагают, что статья 6 Основ уголовного законодательства содержит кате-

горническое запрещение применять к деянию, которое в момент его совершения не наказывалось или наказывалось менее тяжким наказанием, новый закон, предусматривающий наказуемость этого деяния или усиливающий таковую¹⁶.

Прав и А. Сахаров, когда указывает на абсолютную недопустимость назначения наказания более тяжкого, чем установлено законом, действовавшим в момент совершения преступления.

Это положение закона А. Сахаров справедливо причисляет к важнейшим принципам советского уголовного законодательства¹⁷.

Однако, к сожалению, по вопросу толкования части третьей статьи 6 Основ уголовного законодательства имеется и другое мнение. Авторы научно-практического комментария к Основам уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик, составленного коллективом работников кафедры уголовного права юридического факультета МГУ, полагают, что указание статьи 6 Основ уголовного законодательства о том, что закон, устанавливающий наказуемость деяния или усиливающий наказание, обратной силы не имеет, вовсе не исключает возможности придания обратной силы конкретному закону, усиливающему наказание.

Авторы этого комментария утверждают, что из общего правила (более суровый закон не имеет обратной силы) делается исключение, когда деяние представляет особую общественную опасность или имеет широкую распространенность. «В этих редких случаях, указывают авторы комментария, — новому, более суровому уголовному закону придается обратная сила, т. е., он распространяется и на те деяния, которые были совершены до его издания»¹⁸.

В качестве обязательного условия, по мнению авторов научно-практического комментария, требуется, чтобы в тексте закона было специально указано, что он имеет обратную силу¹⁹.

Такое толкование статьи 6 Основ уголовного законода-

¹⁶ И. И. Ковалев, Е. А. Фролов, М. А. Ефимов. Основы уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик. Практический комментарий. Учебно-практическое пособие. Свердловск, 1960, стр. 22.

¹⁷ См. А. Сахаров, Ответственность за деяния, совершенные до вступления в силу нового Уголовного кодекса РСФСР, Социалистическая Законность, 1961 г., № 6, стр. 28.

¹⁸ Научно-практический комментарий к Основам уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик (второе издание), Госюриздат, Москва, 1961, стр. 25.

¹⁹ Там же, стр. 25—26.

тельства Союза ССР и союзных республик, противоречит и букве и духу этой статьи.

Действительно, что дало основание авторам научно-практического комментария придти к выводу о том, что статья 6 Основ уголовного законодательства допускает исключения в отношении придания обратной силы более суровому закону? В самом тексте закона (Основ) отсутствует указание на допустимость такого исключения.

Как правильно указывает А. С. Шляпочников, «границей толкования советского уголовного закона является обнародованный текст закона, взятый в его полном логическом объеме, основанном на единстве его социально-политического содержания и словесной формулы. Переход этой границы неизбежно ведет к нарушению гарантированных Конституцией СССР законных прав и интересов личности, ибо граждане обязаны руководствоваться в своем поведении опубликованным текстом советских законов.

Установление в качестве границы толкования советского уголовного закона его текста, взятого в полном логическом объеме, точное соблюдение воплощенной в законе воли советского законодателя являются важнейшим условием реальности социалистической законности, обеспечивающим единообразное понимание законов Советского государства и правильное их применение»²⁰.

Авторы комментария, желая ограничить возможность придания обратной силы более суровому уголовному закону, указывают, что «в качестве обязательного условия требуется, чтобы в тексте закона было специально указано, что он имеет обратную силу»²¹.

Однако не случайно авторы комментария не ссылаются на закон, выдвигающий такое требование. Такого закона нет, ибо в действующем законодательстве никаких исключений из положений статьи 6 Основ уголовного законодательства не существует и не может существовать. Они противоречили бы не только статье 6, но и статье 3 Основ уголовного законодательства, утвердившей основной принцип социалистической законности в области уголовного права. Ни один частный уголовный закон не может устанавливать положение, противоречащее Основам.

Однако нельзя не указать, что в советской уголовно-правовой теории имеются различные высказывания по вопросу о

²⁰ А. С. Шляпочников. Толкование советского уголовного закона. Госюриздат, Москва, 1960, стр. 228.

²¹ Там же, стр. 25—26.

допустимости придания обратной силы закону, устанавливающему наказуемость деяния или усиливающему наказание. Так проф. Герцензон в отличие от большинства советских криминалистов считает, что более строгому закону может быть придана обратная сила, ибо «законодатель усиливает наказуемость преступления не по каким-либо абстрактным соображениям, а в связи с изменением общественной опасности данного вида преступлений, например, в связи с большим их распространением, в связи с изменением форм совершения преступлений, в связи с изменением социально-политической обстановки, например, в связи с войной». «В этих условиях, — по мнению проф. Герцензона, — было бы нецелесообразно применять старый закон, предусматривающий более мягкое наказание за преступление, ставшее более общественно-опасным»²².

По мнению проф. Герцензона, «то обстоятельство, что преступник при совершении преступления не мог предполагать изменения наказания в сторону его усиления, не может иметь существенного значения для решения данного вопроса»²³.

Проф. Герцензон признает принципиально правильным не только допущение обратной силы более суровых законов, но и законов, вновь устанавливающих преступность и наказуемость деяния. «С общей точки зрения допущение обратной силы закона в этих случаях, утверждает проф. Герцензон, оправдывается тем, что раз законодатель признает данное деяние преступным, то нет оснований отказываться от наказуемости тех деяний, которые были совершены до издания закона, но были обнаружены после его издания». Проф. Герцензон, правда, несколько ограничивает допустимость обратной силы закона, вновь устанавливающего преступность и наказуемость деяния, полагая, что «следует все же ограничить это правило требованием, чтобы оно было распространено лишь по отношению к тяжким противогосударственным преступлениям, и, с другой стороны, чтобы сам законодатель в каждом отдельном случае оговаривал это правило в законе»²⁴.

Такую точку зрения законодатель не признал приемлемой для советского уголовного законодательства периода развернутого строительства коммунистического общества.

На данном этапе развития нашего государства нет

²² Проф. А. А. Герцензон, Уголовное право. Общая часть. Учебное пособие для слушателей ВЮА, Издание РНО ВЮА, Москва, 1948 г., стр. 218.

²³ Там же.

²⁴ Там же, стр. 219.

никакого основания для допущения обратного действия уголовного закона, вновь устанавливающего преступность и наказуемость деяния или усиливающего тяжесть наказания. На это указано в Основах уголовного законодательства Союза ССР и в уголовных кодексах союзных республик. Следует согласиться с мнением автора учебника Общей части Уголовного права Германской Демократической Республики Х. Фриче о том, что придание обратной силы более строгому уголовному закону «противоречило бы демократическому принципу законодательной определенности наказания»²⁵.

Принцип уголовного права — *nullum crimen sine lege, nulla poena sine praevia lege poenalis*», провозглашенный много десятилетий тому назад представителями идущей к власти буржуазии и никогда не нашедший полного воплощения в законодательстве буржуазных государств из-за классовой ограниченности буржуазного права и его служебной роли, нашел воплощение в советском социалистическом праве периода развернутого строительства коммунистического общества и должен безусловно соблюдаться.

Этот принцип нашел воплощение в статье 3 Основ уголовного законодательства. С ним непосредственно связано положение ст. 6 Основ. Он не может и не должен рассматриваться как препятствие в борьбе с преступностью. Неослабная борьба с преступностью путем применения всех мер, в том числе и сурового наказания преступников, должна вестись только в рамках советского закона, как этого требуют документы XXII съезда КПСС.

Дореволюционный криминалист проф. Н. С. Таганцев, на которого ссылается проф. Герцензон, обосновывая целесообразность придания обратной силы более суровому закону, утверждал, что законы пишутся не для преступников, а для борьбы с ними, что можно говорить только о правах, которые рождаются из преступления для государства и пострадавшего, а нельзя говорить о правах преступника, «так как для него существует только *obligationes ex delicto*».²⁶

Разве такая точка зрения приемлема для науки советского уголовного права?

Проф. Шаргородский совершенно справедливо указывает, говоря о специфике уголовных правоотношений, что субъек-

²⁵См. «Lehrbuch des Strafrechts der Deutschen Demokratischen Republic», Allgemeiner Teil, Berlin 1959, стр. 224.

²⁶ Н. С. Таганцев, Русское уголовное право. Лекции. Часть общая, том I, С.-Петербург, 1902 г. стр. 270—271.

том, с одной стороны, является гражданин, а с другой стороны, государство. Государство выступает здесь как носитель права применять наказание и носитель обязанности ограничивать применение наказания пределами, установленными в законе, а гражданин обязан подчиняться этой мере наказания и имеет право на то, чтобы она не превышала установленного в законе предела и применялась лишь при совершении общественно-опасного деяния²⁷.

Таково же мнение проф. Строговича, утверждающего, что нормам уголовного права также соответствуют субъективные права и обязанности участников правоотношений и «лицо, совершившее преступление и подвергающееся заслуженному наказанию, в Советском государстве вовсе не является бесправным объектом, а продолжает оставаться человеком, несущим ответственность по закону, в установленных законом пределах, и получающим возможность искупить свою вину, исправиться и вернуться в нормальные условия трудового общежития»²⁸.

Положение, высказанное Карлом Марксом, что государство в правонарушителе «должно видеть... человека, живую частицу государства, в которой бьется кровь его сердца, солдата, который должен защищать родину... члена общины, исполняющего общественные функции, главу семьи, существование которого священо и, наконец, самое главное — гражданина государства», также должно ориентировать на разработку проблемы субъективных прав, которая под влиянием культа личности в науке советского уголовного права не разрабатывалась.

В Программе КПСС записано, что в условиях социализма каждый выбившийся из трудовой колеи человек может вернуться к полезной деятельности²⁹, а это обязывает со всей серьезностью и ответственностью подумать о гарантии субъективных прав субъекта преступления, что вовсе не означает послабления борьбы с преступниками.

Обосновывая свою позицию по вопросу о придании обратной силы более строгому уголовному закону, проф. Таганцев писал также, что «ссылка на общие требования гуманности и справедливости, на здравый смысл и т. д., слишком

²⁷ Советское уголовное право. Часть общая. Издательство Ленинградского Университета, 1960, стр. 4.

²⁸ Советское государство и право, 1956 г., № 4, стр. 23.

²⁹ См. Программа Коммунистической партии Советского Союза, принятая XXII съездом КПСС, Госполитиздат, М., 1961 г., стр. 106.

неуловима, чтобы служить юридическим основанием института»³⁰.

Для советского криминалиста, как и любого другого гражданина, понятие социалистической гуманности и справедливости наполнено вполне определенным содержанием, основано на социалистическом правосознании, на глубоких принципах коммунистической сознательности и морали.

Принцип о недопустимости придания обратной силы закону, устанавливающему наказуемость деяния или усиливающему наказание, сформулированный в части третьей ст. 6 Основ уголовного законодательства, является подлинно демократичным, подлинно гуманным, способствующим укреплению социалистической законности.

В оценке проблемы законности следует присоединиться к мнению А. Бовина о том, что «проблема законности это в конечном счете проблема человека, его воспитания, культуры, его мировоззрения. Настоящий коммунист, убежденный ленинец, человек чести, высоких моральных принципов никогда не станет на путь беспринципности, беззакония», что «большая правовая проблема — всегда политическая проблема. Идет ли речь об истине, о юридических гарантиях, о правильном понимании законности, мы неизбежно переступаем относительно узкие рамки юриспруденции и выходим на широкую арену политической жизни. Вот почему социалистическая законность и социалистическая демократия неотделимы друг от друга. Вот почему дальнейшее развитие демократии включает в себя и укрепление законности. Вот почему, наконец, полное преодоление вредных взглядов в теории права — непременное условие совершенствования демократии и укрепления законности»³¹.

III

В связи с тем, что закон, смягчающий наказание распространяется на деяния, совершенные до его вступления в силу, а закон, усиливающий наказание, не распространяется на деяния, совершенные до его вступления в силу, необходимо разрешить вопрос о том, какой закон смягчает наказание и какой усиливает наказание, иными словами, какой из двух законов должен быть признан менее суровым и, таким образом, более благоприятным для совершившего преступление лица.

³⁰ Русское уголовное право. Лекции Таганцева, том 1, 1902 г., стр. 271.

³¹ Известия, № 34, за 1962 г.

Этот вопрос вовсе не является бесспорным, а в некоторых случаях его разрешение даже весьма затруднительно.

Однако в советской уголовно-правовой литературе этому вопросу не уделялось должного внимания. Он не затронут даже в монографиях, специально посвященных вопросам применения советского уголовного закона. Впервые этот вопрос упоминается И. И. Солодкиным в учебном пособии для юридических институтов и факультетов 1960 года³².

Некоторые соображения по этому вопросу в последнее время высказали В. Кудрявцев³³ и А. Сахаров³⁴.

Следует согласиться с В. Кудрявцевым, что соотношение норм нового и старого закона разнообразно и довольно сложно, что поэтому вопрос о том, имеет ли та или иная норма обратную силу или не имеет, необходимо ставить конкретно, принимая во внимание не только сравнительную наказуемость рассматриваемых деяний по старому и новому закону, но и различия в условиях уголовной ответственности за совершение конкретного преступления.

В тех случаях, когда новый уголовный закон сужает сферу уголовной репрессии, т. е., отказывается вовсе от наказуемости деяний, которые старый закон считал наказуемыми, или устанавливает наказание только при наличии определенных условий (например, при наличии систематичности или повторности действий, при наступлении определенных последствий, при совершении общественно-опасных действий из корысти или иных низменных побуждений, при наличии определенных признаков субъекта), то он всегда имеет обратную силу.

Лицо не может быть привлечено к уголовной ответственности и наказано, если оно совершило деяние во время действия старого закона, за которое новый закон не предусматривает уголовной ответственности. Так, например, УК Латвийской ССР вовсе отказался от привлечения к уголовной ответственности за присвоение находки, являющейся личным имуществом граждан. За понуждение к аборту УК Латвийской ССР (статья 114) предусмотрел уголовную ответственность только в случае, если аборт был произведен. За самоуправство УК Латвийской ССР (статья 195) предусмотрел

³² Советское уголовное право, часть общая. Издательство Ленинградского Университета, 1960, стр. 174.

³³ В. Кудрявцев, Обратная сила нового уголовного кодекса. Советская Юстиция, 1961 г., № 3, стр. 4—7.

³⁴ А. Сахаров, Ответственность за деяния, совершенные до вступления в силу нового Уголовного кодекса РСФСР. Социалистическая законность, 1961 г., № 6, стр. 27—28.

уголовную ответственность, если оно сопряжено с причинением значительного ущерба.

Это означает, что лицо, понудившее до 1 апреля 1961 года женщину к производству аборта, если аборт не был произведен, или лицо, совершившее самоуправные действия до 1 апреля 1961 года, если они не причинили значительного ущерба, не может быть привлечено к уголовной ответственности и наказано после вступления в силу УК Латвийской ССР.

Если новый уголовный закон расширяет сферу уголовной репрессии, то есть, вновь устанавливает наказуемость деяния, которое старый закон не считал наказуемым, или для наказуемости деяния не требует установления условий, наличие которых требовал старый закон, то он не имеет обратной силы.

Так, например, УК Латвийской ССР (статья 205) предусмотрел уголовную ответственность за угрозу убийством, нанесением тяжких телесных повреждений или уничтожением имущества путем поджога, что не было предусмотрено в ранее действовавшем на территории Латвийской ССР законодательстве. УК Латвийской ССР (статья 115, часть I) предусмотрел наказание за неоказание необходимой помощи лицу, находящемуся в опасном для жизни состоянии, хотя виновный и не был обязан иметь о нем заботу и не поставил его в опасное для жизни состояние. Наличие этих условий требовал ранее действовавший УК. УК Латвийской ССР (статья 104, часть I) предусмотрел также наказание за доведение до самоубийства лица, не находившегося в материальной или иной зависимости от виновного, как этого требовал ранее действовавший на территории Латвийской ССР УК. Поэтому упомянутые статьи нового УК Латвийской ССР не могут быть применены к этим действиям, совершенным до вступления в силу УК Латвийской ССР.

В то же время при сопоставлении новых и старых законов следует иметь в виду, что отсутствие каких-либо конкретизированных составов преступления в новом законодательстве или, наоборот, введение новых конкретизированных составов преступления в новое законодательство не всегда означает фактическую отмену наказуемости этих деяний или установление наказуемости деяния вновь.

В качестве примера можно привести наличие таких составов в УК Латвийской ССР как надругательство над могилой (статья 207), уничтожение или повреждение памятников (статья 206), незаконный угон средств механического транспорта (статья 197), привлечение к уголовной ответственности

заведомо невиновного (статья 168) и др. Аналогичные составы преступления отсутствовали в ранее действовавшем на территории Латвийской ССР уголовном кодексе, однако эти деяния всегда были преступными и наказуемыми. Они наказывались на основании более общих составов преступления. Поэтому неправильно поступил народный суд Московского района гор. Риги, осудив 4 апреля 1961 года М. по части 2 статьи 74 УК РСФСР 1926 г. за то, что он 2 сентября 1960 г., находясь в нетрезвом состоянии, угнал автобус рижского автобусного парка.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Латвийской ССР в своем определении от 8 мая 1961 года переквалифицировала действия М. на статью 197 УК Латвийской ССР³⁵.

Только правильное сопоставление норм ранее действовавшего закона с нормами нового закона, точный учет всех признаков, ограничивающих и расширяющих сферу уголовной репрессии, дает возможность правильно решить вопрос об обратной силе уголовного закона³⁶.

Если правильно сопоставлены диспозиции старого и нового закона, вопрос о том, какой из законов является более мягким, решается путем сопоставления наказания, предусмотренного старым и новым законами.

Вопрос об установлении более мягкого закона не вызывает затруднений в случаях: 1) когда в новом законе по сравнению со старым понижаются низший или высший пределы наказания или одновременно понижаются низший и высший пределы; 2) когда, не изменяя низшего и высшего пределов основного вида наказания, новый закон отказался от одного или нескольких дополнительных наказаний, которые были предусмотрены старым законом; 3) когда, не изменяя основного и дополнительных видов и мер наказания, новый закон предусмотрел альтернативно менее строгие виды основного наказания, которых не предусматривал старый уголовный закон; 4) когда в новом законе по сравнению со старым повышаются низший или высший пределы наказания или одновременно повышаются низший и высший пределы; 5), когда, не изменяя низшего или высшего пределов основного вида наказания, новый закон предусмотрел одно или несколько дополнительных наказаний, которые не были предусмотрены

³⁵ Определение по Делу № 1112 за 1961 г.

³⁶ См. подробнее в цитированных статьях А. Сахарова и В. Кудряцева.

в старом законе; б) когда, не изменяя основного и дополнительных видов и мер наказания, новый уголовный закон отказался от менее строгих видов основного наказания, которые альтернативно были предусмотрены в старом законе.

В первых трех случаях новый закон является бесспорно более мягким; в последних трех случаях новый закон является столь же бесспорно более суровым. *Иными словами: закон, уменьшающий максимальный или минимальный предел основного наказания или же отказывающийся от дополнительных наказаний, не меняя пределов основного наказания, во всех случаях смягчает наказание.*

В качестве закона, смягчающего наказание, должен рассматриваться также закон, устанавливающий альтернативно новые менее строгие виды наказаний, ранее законом не предусмотренные.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Латвийской ССР, рассматривая в кассационном порядке уголовные дела, изменяет приговоры народных судов республики во всех случаях, когда неправильно применяется новый уголовный закон, усиливающий наказуемость деяния, или же, наоборот, не применяется новый уголовный закон, смягчающий наказуемость деяния, совершенного до вступления в силу нового закона.

Так, 17 июня 1961 года народным судом Пролетарского района гор. Риги был осужден Т. по части 2 статьи 105 УК Латвийской ССР за то, что он 1 января 1961 года из хулиганских побуждений причинил тяжкие телесные повреждения гражданину Н.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Латвийской ССР своим определением от 6 июля 1961 года изменила приговор, переквалифицировав преступление Т. на часть I статьи 142 УК РСФСР 1926 года, действовавшего на территории Латв. ССР во время совершения преступления³⁷.

Судебная коллегия правильно изменила квалификацию преступления, потому что часть 2 статьи 105 УК Латвийской ССР предусматривает лишение свободы на срок от трех до десяти лет, а часть I статьи 142 УК РСФСР 1926 г. — лишение свободы на срок от одного года до восьми лет, то есть, старый закон был менее строгим.

Народным судом Пролетарского района гор. Риги 16 мая 1961 года Л., ранее судимый за разбой, был осужден по ча-

³⁷ Дело № 1583 за 1961 г.

сти II статьи 142 УК Латвийской ССР за то, что он путем мошенничества 1 февраля 1961 года получил от Б. 100 рублей.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Латвийской ССР, рассмотрев это дело 1 июня 1961 года в кассационном порядке, в своем определении указала на то, что поскольку по статье 142 части II УК Латвийской ССР наказание является более строгим, чем по статье 169 части I УК РСФСР 1926 года, суду следовало руководствоваться законом, действовавшим в момент совершения преступления.

Поэтому Судебная коллегия переквалифицировала действия Л. со статьи 142 ч. II УК Латвийской ССР на ст. 169 ч. I УК РСФСР 1926 г. и снизила наказание³⁸.

Однако остается много случаев, когда решение вопроса о том, какой из двух уголовных законов — действовавший во время совершения преступления или вновь принятый — является более мягким, вовсе не бесспорно.

Спорными являются те случаи, когда старый закон предусматривал более высокий минимальный предел наказания, но в то же время устанавливал более низкий максимальный предел наказания по сравнению с новым законом (или наоборот). Например, старый закон устанавливал лишение свободы на срок от пяти до шести лет, а новый закон — от трех до восьми лет (или наоборот).

Какой закон считать более мягким? Чем следует руководствоваться?

На этот вопрос советская уголовно-правовая литература не дает определенного ответа. И. И. Солодкин в учебнике 1960 года указал, что «лучше сопоставлять законы не по низшему, а по высшему пределу их санкций: более мягким является закон, устанавливающий санкцию с менее высоким максимальным пределом»³⁹.

Однако почему такое решение лучше и почему оно более правильно, И. И. Солодкин не пытался обосновать.

Примерно так же решает этот вопрос и А. Сахаров, который полагает, что в тех случаях, когда санкция статьи нового закона по сравнению с санкцией сходной статьи прежнего закона одновременно и усилена и смягчена, должен быть применен тот закон, который предусматривает менее высокий и тяжкий максимум наказания. А. Сахаров, правда, не настаивает на таком решении этого вопроса, но полагает, что такое

³⁸ Дело Верховного Суда Латвийской ССР № 1288 за 1961 год.

³⁹ Советское уголовное право, Часть общая. Издательство Ленинградского Университета, 1960, стр. 174.

решение будет более правильным. А. Сахарову такое решение представляется правильным потому, что «при таком решении не исключается возможность учесть снижение законодателем минимума прежней санкции путем назначения наказания ниже низшего предела или перехода к более мягкой, чем предусмотрено в применяемом законе, мере наказания»⁴⁰.

С таким обоснованием, однако, трудно согласиться. Назначить более мягкое наказание, чем предусмотрено законом, суд может только, учитывая исключительные обстоятельства дела и личность виновного, с обязательным указанием мотивов. В тех случаях, когда исключительные обстоятельства дела отсутствуют, а личность виновного не характеризуется положительно, назначение более мягкого наказания, чем предусмотрено законом, недопустимо.

Более мягким может быть признан только тот закон, который дает возможность суду назначить менее строгое наказание подсудимому и при отсутствии исключительных обстоятельств.

Поэтому нам представляется, что если новый закон снижает минимальный предел наказания или устанавливает альтернативно менее строгий вид наказания, такой закон должен рассматриваться как смягчающий наказание, хотя одновременно с этим в новом законе повышается максимальный предел наказания. Иными словами: *более мягким является закон, устанавливающий санкцию с более низким минимальным пределом наказания.*

Однако суд, применяя этот закон в отношении деяний, совершенных до его введения в действие, не вправе выходить за пределы максимального наказания, предусмотренного санкцией старого закона. Это вытекает из общего смысла статьи 6 Основ уголовного законодательства.

Так, например, часть 2 статьи 151 Уголовного кодекса Латвийской ССР предусматривает за занятие запрещенным промыслом при отягчающих обстоятельствах лишение свободы на срок до четырех лет (т. е., от 3 месяцев до 4 лет) с конфискацией имущества или без таковой.

Ст. 99 ранее действовавшего на территории Латвийской ССР УК РСФСР 1926 г. за занятие запрещенным промыслом предусматривала лишение свободы на срок до двух лет (т. е., от одного года до двух лет) с конфискацией имущества и запрещением права торговли.

⁴⁰ См. А. Сахаров, Ответственность за деяния, совершенные до вступления в силу нового Уголовного кодекса РСФСР, Социалистическая законность, 1961, № 6, стр. 28.

Наказание за занятие запрещенным промыслом, совершенное до введения в действие УК Латвийской ССР — до 1 апреля 1961 г., должно определяться по новому кодексу, однако суд не вправе назначить лишение свободы на срок свыше 2 лет, т. е., превысить максимальный предел наказания, предусмотренного старым уголовным законом.

Если новый закон увеличивает минимальный предел наказания или устанавливает дополнительное наказание, такой закон должен рассматриваться как усиливающий наказание, хотя одновременно понижается максимальный предел наказания. Однако суд, применяя старый закон в отношении деяний, совершенных до введения в действие нового закона, не вправе выходить за максимальные пределы основного наказания, предусмотренного санкцией нового закона.

Так, например, обман покупателей согласно части 2 статьи 150 УК Латвийской ССР наказывался лишением свободы на срок от двух до семи лет с конфискацией имущества или без таковой и с запрещением занимать должности в торговых предприятиях или предприятиях общественного питания на срок до пяти лет.

Ст. 128 «в» в ранее действовавшем на территории Латвийской ССР УК РСФСР 1926 г. за это же деяние предусматривала лишение свободы на срок до 10 лет (т. е., от 1 года до 10 лет), но не предусматривала конфискации имущества.

За обман покупателей, совершенный до введения в действие УК Латвийской ССР, наказание должно определяться по ст. 128 «в» ранее действовавшего уголовного кодекса, однако суд не вправе назначить лишение свободы на срок свыше 7 лет, т. е., превысить максимальный предел наказания, предусмотренный новым уголовным законом.

Предложенное нами решение вопроса дает возможность суду в каждом конкретном случае коллизии между старым и новым законом обеспечить подсудимому более благоприятный для него исход рассмотрения дела. Этот вывод вытекает из смысла части II и части III статьи 6 Основ уголовного законодательства.

Вопрос об установлении более мягкого закона пытались разрешить и криминалисты стран народной демократии.

Так Ганс Фриче утверждает, что более мягким должен быть признан тот закон, который в отношении конкретного, предстоящего разрешению случая допускает наименьшее наказание, т. е., тот закон, применение которого в конкретном случае может обеспечить виновному наиболее благоприятные последствия.

Ганс Фриче считает, что, определяя, какой уголовный закон является менее строгим, следует принимать во внимание не только различие в предусмотренных мерах наказания, но и все обстоятельства, имеющие уголовно-правовое значение⁴¹. С таким положением принципиально следует согласиться.

IV

Особого внимания заслуживает вопрос о том, распространяется ли обратная сила нового, более мягкого закона на деяния, в отношении которых приговор вступил в законную силу до принятия этого нового, более мягкого закона.

В советской уголовно-правовой теории последних лет этому вопросу не уделялось должного внимания.

По этому вопросу высказали свое мнение профессор Шаргородский⁴² и доцент Солодкин. Они считают, что обратное действие более мягких уголовных законов распространяется на все не рассмотренные дела и на приговоры, не вступившие в законную силу. В отношении приговоров, вступивших в законную силу, по мнению проф. Шаргородского, изменения могут быть внесены только органами законодательной власти⁴³.

Такое решение вопроса является единственно правильным. Нам представляется, что об этом следовало указать и в самом законе, как это сделано в законодательстве большинства стран народной демократии.

Так в статье 3 УК Румынской Народной Республики прямо говорится, что новый более мягкий уголовный закон имеет обратную силу только в отношении деяний, приговор о которых не вступил в законную силу.

В части 2 § 2 Уголовного кодекса ГДР говорится о применении менее сурового закона в случаях расхождения в законах, действовавших в момент совершения деяния, и в законах, действующих к моменту вынесения приговора.

Этот вопрос аналогично решен в УК Народной Республики Болгарии.

Как разрешен вопрос об обратном действии нового, более мягкого уголовного закона в отношении дел, приговор по ко-

⁴¹ «Lehrbuch des Strafrechts der Deutschen Demokratischen Republic», Allgemeine Teil, Berlin 1959, стр. 224

⁴² Проф. Д. Шаргородский, Уголовный закон, Юрид. издат. Министерства Юстиции СССР, 1948 г., стр. 226.

⁴³ Там же.

торым вступил в законную силу, в советском законодательстве?

Статья 6 Основ уголовного законодательства прямо не решает его. Однако, целый ряд других законов, в том числе и Закон от 25 декабря 1958 года «Об утверждении Основ уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик», Указ Президиума Верховного Совета СССР от 14 февраля 1959 года «О порядке введения в действие Основ уголовного законодательства, Основ уголовного судопроизводства и Законов об уголовной ответственности за государственные и за воинские преступления» дают основание считать, что статья 6 Основ уголовного законодательства имеет в виду обратную силу более мягкого уголовного закона только в отношении деяний, приговор о которых не вступил в законную силу. Вопрос об обратной силе более мягкого уголовного закона в отношении дел, приговор по которым вступил в законную силу, разрешен самостоятельно упомянутыми выше уголовными законами.

Эти законы установили сокращение срока наказания различным категориям приговоренных к лишению свободы в соответствии со статьей 23 Основ, однако не распространили это положение на лиц, осужденных за перечисленные в этих законах особо опасные и тяжкие преступления, если приговор в отношении этих лиц вступил в законную силу до введения в действие Основ.

Однако авторы научно-практического комментария к Основам уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик без должного основания рассматривают положение упомянутых законов о том, что снижение наказания не распространяется на некоторые категории преступлений, как исключение из общего положения, изложенного в части 2 статьи 6 Основ, и приходят к выводу, «что иногда специальным указанием новому закону не придается обратная сила, несмотря на то, что новый закон по сравнению с ранее действовавшим законом смягчает наказание за те или иные общественно опасные деяния»⁴⁴.

Такая точка зрения впервые высказывается в нашей уголовно-правовой литературе и согласиться с ней нельзя⁴⁵.

⁴⁴ Научно-практический комментарий к Основам Уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик (второе издание). Госюриздат, Москва, 1961 г., стр. 26.

⁴⁵ А. А. Пионтковский, Вопросы Общей части Уголовного права в практике судебно-прокурорских органов. Госюриздат, Москва, 1954, стр. 31.

Основы уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик являются основополагающим законом, и ни один другой закон, даже изданный тем же законодательным органом, не может противоречить Основам.

Основы уголовного законодательства, как известно, не предусмотрели никаких исключений из положения о том, что закон, устраняющий наказуемость деяния или смягчающий наказание, имеет обратную силу, и поэтому ни один другой закон такого исключения не может предусмотреть и не предусматривает.

Уже ранее упомянутые законы — Закон от 25 декабря 1958 года «Об утверждении Основ уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик» и Указ Президиума Верховного Совета СССР от 14 февраля 1959 года, утвердивший порядок введения в действие Основ уголовного законодательства, — вовсе не установили исключения из общего положения об обратной силе менее строго закона, а самостоятельно разрешили вопрос об отбывании наказания лицами, в отношении которых приговоры вступили в законную силу во время действия старых законов.

Вопрос о применении новых уголовных законов к лицам, отбывающим наказание по приговорам, вступившим в законную силу, аналогично разрешен общесоюзными законами и законами союзных республик в связи с принятием ими новых уголовных кодексов.

13 марта 1961 г. было принято постановление Президиума Верховного Совета СССР «О мероприятиях, связанных с введением в действие Уголовного и Уголовно-процессуального кодексов Латвийской ССР», согласно которому меры наказания лицам, осужденным за преступления, совершенные на территории Латвийской ССР, — должны быть приведены в соответствие с Уголовным кодексом Латвийской ССР от 6 января 1961 года, если этим Кодексом предусматриваются более мягкие меры наказания.

В то же время было разрешено Президиуму Верховного Совета Латвийской ССР установить, что при введении в действие Уголовного кодекса Латвийской ССР от 6 января 1961 года смягчение мер наказания не распространяется на лиц, осужденных за определенную категорию преступлений, если приговоры в отношении этих лиц вступили в силу по 1 апреля 1961 года⁴⁶.

⁴⁶ Ведомости Верховного Совета и Правительства Латвийской Советской Социалистической Республики № 12, 23 марта 1961 года, стр. 380—381.

В соответствии с этим постановлением 25 марта 1961 года были приняты Указ Президиума Верховного Совета Латвийской ССР «О порядке введения в действие Уголовного кодекса и Уголовно-процессуального кодекса Латвийской ССР» и постановление Президиума Верховного Совета Латвийской ССР «О применении Указа Президиума Верховного Совета Латвийской ССР от 25 марта 1961 года «О порядке введения в действие Уголовного кодекса и Уголовно-процессуального кодекса Латвийской ССР».

На основании этих законодательных актов следовало: освободить всех лиц, отбывающих наказания за деяния, которые согласно Уголовному кодексу Латвийской ССР не признаются преступными; снизить наказание лицам, осужденным по законам, действовавшим на территории Латвийской ССР до 1 апреля 1961 г., если установленное соответствующей статьей Уголовного кодекса Латвийской ССР наказание более строгое, чем предусмотренное соответствующей статьей Уголовного кодекса Латвийской ССР. Снижение наказания производилось судами, однако только до максимального предела наказания, установленного соответствующей статьей нового Уголовного кодекса Латвийской ССР от 6 января 1961 года.

Снижение наказания не распространялось на лиц, осужденных за особо опасные государственные преступления, бандитизм, умышленное убийство при отягчающих обстоятельствах, хищение государственного или общественного имущества в крупных размерах и разбой, а также на особо опасных рецидивистов.

Таким образом, уголовными законами о порядке введения в действие Уголовного кодекса Латвийской ССР разрешены все вопросы, связанные с применением новых законов к лицам, приговоры в отношении которых вступили в силу до 1 апреля 1961 года, т. е., до введения в действие Уголовного Кодекса Латвийской ССР.

В том, что законодатель признал необходимым пересмотреть приговоры, вступившие в законную силу, с тем, чтобы снизить наказание, проявляется гуманность советского уголовного законодательства.

Это закономерно и соответствует принципам, записанным в статье 6 Основ уголовного законодательства, однако не должно быть истолковано как требование статьи 6 Основ.

Если встать на такую точку зрения, то нельзя не усмотреть наличия противоречий между статьей 6 Основ и положениями законов о введении в действие Основ и уголовных кодексов союзных республик.

Так, например, требование снизить наказание лицам, приговоры в отношении которых вступили в законную силу, до максимальных пределов, указанных в соответствующих статьях новых уголовных кодексов, вовсе не соответствует статье 6 Основ, согласно которой следовало бы полностью пересмотреть приговор и, возможно, установить более мягкое наказание в пределах санкции нового закона, а вовсе не максимальный ее предел.

Поэтому нам представляется, что, разрешая самостоятельный вопрос о пересмотре в порядке надзора приговоров, вступивших в законную силу, в связи с принятием новых уголовных законов, законодателю вовсе не следовало ссылаться на статью 6 Основ уголовного законодательства, ибо это может привести к неправильному толкованию этой статьи, якобы допускающей исключения из положения об обратной силе более мягкого закона. По этому вопросу мы не согласны с В. Кудрявцевым, не проводящим нужной грани между обратной силой менее строгого закона в отношении деяний, по которым не вынесен приговор, и деяний, приговор в отношении которых вступил в законную силу⁴⁷.

Таким образом, мы приходим к выводу о том, что в статье 6 Основ уголовного законодательства закреплены принципиальные положения об обратном действии более мягкого уголовного закона только в отношении преступлений, приговор о которых не вступил в законную силу.

О распространении нового, более мягкого уголовного закона на дела, по которым приговор вступил в законную силу или по которым виновный уже отбывает наказание, должно быть указано особо в законе о введении в действие нового закона или в другом законе.

* *
*

В данной работе подняты некоторые вопросы, связанные с действием уголовного закона во времени.

Правильное разрешение этих вопросов должно способствовать единообразному применению уголовного закона и укреплению социалистической законности.

⁴⁷ См. В. Кудрявцев, Обратная сила нового Уголовного кодекса, Советская Юстиция, 1961 г., № 3, стр. 4—7.

*М. БЛУМ,
Доцент, канд. юрид. наук*

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ НЕОБХОДИМОЙ ОБОРОНЫ

1. В новой Программе КПСС указывается, что главным направлением в развитии социалистической государственности в период строительства коммунизма является всестороннее развертывание и совершенствование социалистической демократии, активное участие всех граждан в управлении государством, в руководстве хозяйственным и культурным строительством, в усилении народного контроля над деятельностью государственного аппарата. «Каждый советский человек должен стать активным участником в управлении делами общества! — вот наш лозунг, наша задача», — говорил товарищ Н. С. Хрущев в Отчете Центрального Комитета КПСС XXII съезду партии¹.

В связи с развитием социалистической демократии ширится участие советских граждан в охране общественного порядка.

В этой связи понятно внимание, которое советские юристы в последние годы уделяют вопросам необходимой обороны.

Партия и правительство всеми средствами воспитывают нашу общественность в духе активной борьбы с нарушителями общественного порядка, в духе борьбы за предотвращение преступлений и их искоренение, призывая граждан не проходить мимо правонарушений.

Н. С. Хрущев в докладе на XXII съезде КПСС указал: «Борьба против расхитителей общественного добра, против туеядцев и хулиганов будет еще более эффективной, так как она становится делом всех трудящихся и их организаций»².

¹ Н. С. Хрущев, Отчет Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза XXII съезду партии, Гос. изд. п. лит. литер., М., 1961, стр. 102.

² Н. С. Хрущев, О Программе Коммунистической партии Советского Союза, Гос. изд. полит. литер., М., 1961, стр. 84.

В обстановке все возрастающей активности советских граждан в борьбе за предотвращение и пресечение правонарушений вопрос о праве на самозащиту и о рамках этого права не может не интересовать и широкие слои советской общественности. В этих условиях особенно нетерпимы ошибки некоторых прокурорских и судебных органов, приводящие к извращению закона о необходимой обороне и ограничению права граждан на самозащиту от нападения.

В центральной и местной печати на протяжении многих лет советская общественность сигнализирует о фактах нарушения советского закона о необходимой обороне, об ущемлении прав граждан на самооборону.

На значительные ошибки в практике судебных органов по применению законодательства о необходимой обороне было справедливо указано в постановлении Пленума Верховного Суда Союза ССР от 23 октября 1956 года «О недостатках судебной практики по делам, связанным с применением законодательства о необходимой обороне»³.

В этом постановлении приводится целый ряд примеров, из которых следует, что органы прокуратуры и суды в ряде случаев неосновательно привлекали граждан к уголовной ответственности, когда они использовали свое право на самозащиту и их действия содействовали укреплению социалистического правопорядка. В постановлении Пленума указывалось на неосновательность ограничения предоставленного гражданам права активной защиты от хулиганов, грабителей, бандитов и иных преступников. Однако и после принятия Пленумом Верховного Суда СССР данного руководящего постановления имеют место отдельные непростительные ошибки и искажения законодательства о необходимой обороне и тем самым нарушения прав граждан на самозащиту.

Эти факты не могут способствовать повышению активности общественности в борьбе с хулиганами, грабителями и прочими правонарушителями. Они находятся в резком противоречии с социалистическим правосознанием советских граждан.

Нельзя игнорировать того неоспоримого факта, что от применения и соблюдения закона о необходимой обороне органами суда и прокуратуры во многом зависит реальность гарантий предусмотренного этим законом права граждан на самозащиту.

2. Как справедливо отмечалось в нашей юридической ли-

³ Судебная практика Верховного суда СССР, 1956 г., № 6, стр. 4.

тературе, соблюдение и исполнение действующих законов зависит в свою очередь от состояния этих законов, от их разработанности, от того, регламентируют ли они достаточно полно отношения людей, обеспечивают ли они достаточными гарантиями права граждан⁴.

Говоря о нарушениях советского законодательства о необходимой обороне, нельзя не отметить неполноту закона о необходимой обороне, действовавшего до принятия Основ уголовного законодательства СССР и союзных республик в декабре 1958 года. Ст. 9 ранее действовавших Основных начал, как и ст. 13 УК РСФСР 1926 г. и соответствующие статьи УК других союзных республик того периода только гарантировали *ненаказуемость* предусмотренных уголовными законами действий, совершенных в состоянии необходимой обороны от посягательства на Советскую власть, либо на личность и права обороняющегося или другого лица, если при этом не было допущено превышения пределов необходимой обороны.

Закон не определял границ необходимой обороны, не описывал признаков превышения пределов необходимой обороны, предоставив разрешение этих вопросов суду. В самом законе указывалось, что наказание не применяется к лицам, если судом будет признано, что они действовали в состоянии необходимой обороны. Суд, не будучи связан никакими указаниями закона, в каждом конкретном случае сам устанавливал рамки допустимой защиты. Закон, таким образом, не обеспечивал единообразного понимания состояния необходимой обороны и превышения ее пределов, не ограждал в достаточной мере граждан от неосновательного привлечения к уголовной ответственности за причинение вреда нападающему в состоянии необходимой обороны.

Новые Основы уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик внесли весьма существенные изменения в законодательство о необходимой обороне, восполнив пробелы в ранее действовавшем законодательстве.

Законодатель внес следующие новые положения в определение института необходимой обороны: 1) указал на правомерность действий, совершенных в состоянии необходимой обороны; 2) подчеркнул активный характер обороны, показав, что сущность его состоит в дозволенном причинении вреда нападающему; 3) уточнил объекты защиты; 4) указал

⁴ Ст. М. С. Строгович, Теоретические вопросы советской законности, Советское государство и право, 1956 г., № 4, стр. 23.

пределы дозволенной защиты, определив понятие превышения пределов необходимой обороны.

Все эти вопросы дискутировались на протяжении длительного времени в уголовно-правовой литературе.

Сегодня их можно считать полностью разрешенными статьей 13 Основ, которая дословно воспроизведена в статье 13 У КЛатвийской ССР и в соответствующих статьях уголовных кодексов других союзных республик.

3. В ранее действовавшем законодательстве указывалось, что действия, совершенные в состоянии необходимой обороны, не влекут применения мер наказания. Это положение не раскрывало сущности института необходимой обороны, его общественной полезности, ибо дело не только в освобождении от наказания.

Наш уголовный закон знает несколько случаев освобождения от уголовного наказания. Во всех этих случаях речь идет о совершении лицом преступных и заслуживающих порицаний действий, за которые оно не подлежит наказанию лишь в силу того, что отпала необходимость в его применении. Поэтому в случае прекращения уголовного дела за истечением давности, вследствие акта амнистии или помилования за обвиняемым сохраняется право возражать против прекращения дела по указанным мотивам и требовать продолжения производства дела с целью полной реабилитации (ст. 5 Основ уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик и ст. 5 УПК Латвийской ССР)⁵.

Иное правовое положение возникает в случае совершения предусмотренных уголовным законом действий в состоянии необходимой обороны.

В этом случае речь идет о полезных для общества действиях, направленных на защиту правоохраненных объектов и способствующих искоренению преступлений и укреплению правопорядка.

Действия лица, защищающего интересы Советского государства и общественные интересы, свидетельствуют о высоком сознании общественного долга, нетерпимости к нарушениям общественных интересов, а защита им личности и прав других граждан — о коллективизме и товарищеской взаимопомощи. Эти нравственные принципы включены Программой партии в моральный кодекс строителей коммунизма. Лицо,

⁵ Нам представляется, что такое же право должно быть признано за обвиняемым в случае прекращения дела по мотивам, изложенным в ст. 43 Основ уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик и соответственно ст. 45 УК Латвийской ССР.

осуществляющее самозащиту, выполняет свой моральный долг гражданина и заслуживает соответствующей оценки его действий.

Новые Основы внесли этот существенный корректив в законодательство о необходимой обороне. Они указали, что действие, подпадающее под признаки необходимой обороны, *не является преступным*. В этом существенное отличие нового закона о необходимой обороне от ранее действовавших Основных начал. Оценка законодателем действий, совершенных в состоянии необходимой обороны, помогает раскрыть сущность института необходимой обороны.

Возникает вопрос — достаточно ли указания в законе на то, что действия, совершенные в состоянии необходимой обороны, не являются преступными?

Не следовало ли идти дальше и указать в самом законе на то, что действия, совершенные при отражении общественно опасного посягательства на государственные и общественные интересы, на личность и права обороняющегося или других лиц, являются общественно полезными?

Таково было предложение И. Тишкевича⁶. Мы полностью согласны с И. Тишкевичем в том, что наказуемые во всех прочих случаях действия, если они совершены при необходимой обороне, являются правомерными вследствие их общественной полезности, однако полагаем, что уголовный закон должен определять только круг преступных деяний и обстоятельств, при которых запрещенные уголовным законом действия перестают быть общественно опасными и преступными. Уголовный закон не может и не должен определять общественно полезные деяния. Поэтому, с нашей точки зрения, законодатель полностью отразил общественную полезность действий, совершенных в интересах самозащиты.

4. В нашей уголовно-правовой литературе вопрос об общественной полезности действий, направленных на защиту государственных, общественных и личных интересов граждан, никогда не вызывал возражений. Право необходимой обороны всеми криминалистами расценивалось как неотъемлемое право человека и моральный долг советского гражданина.

Различные мнения высказывались лишь о том, какие объекты вправе защищать лицо от посягательств, с какого момента возникает это право и каким может быть характер защиты этих объектов.

⁶ Обсуждение проектов Основных начал уголовного законодательства. Советская Юстиция, 1958 г., № 10, стр. 37—38.

Круг объектов, защита которых допустима, определен с предельной ясностью статьей 13 Основ уголовного законодательства. Этими объектами являются как интересы Советского государства и общественные интересы, так и личность и права обороняющегося или другого лица. Закон допускает защиту любых государственных и общественных интересов, а также интересов личности — имущественных и неимущественных.

В. Ф. Кириченко полагает, что круг объектов, защита которых допустима в состоянии необходимой обороны, не должен быть уже, чем при определении понятия преступления, ибо, по его мнению, это может создать неправильное представление о том, что не всякое общественно опасное посягательство создает право необходимой обороны⁷.

Для такого опасения нет никаких оснований. Нельзя признать правильным предложение В. Ф. Кириченко о том, чтобы круг объектов, защита которых допустима в состоянии необходимой обороны, совпал с кругом объектов, указанных при определении понятия преступления, ибо не все указанные в этом определении объекты могут подвергаться нападению и тем самым породить право на самозащиту. Так, например, посягательства на трудовые права граждан и др. не порождают права на самозащиту. Следует разграничить понятие причинения ущерба правоохраненному объекту от понятия нападения на него. Мы полностью разделяем точку зрения В. Ф. Кириченко⁸ и проф. Шаргородского⁹ о том, что только активная преступная деятельность является нападением, с точки зрения теории необходимой обороны. Это означает, что многие посягательства, хотя и являющиеся преступными, не создают права необходимой обороны, ибо не могут быть признаны нападением. Посягательства на объекты, на которые нельзя «напасть», не порождают права необходимой обороны.

Есть ли необходимость в самом законе, определяющем институт необходимой обороны, перечислять все объекты, посягательства на которые порождают право необходимой обороны (например, социалистическую собственность, общественный порядок и др.)?

Нам представляется, что такой необходимости нет. Под

⁷ В. Ф. Кириченко, *Обстоятельства, исключающие уголовную ответственность*. «Советское государство и право», 1958 г., № 8, стр. 90.

⁸ Там же, стр. 18.

⁹ М. Д. Шаргородский, *Вопросы общей части уголовного права*. Законодательство и судебная практика. Издательство Ленинградского Государственного университета, 1955 г., стр. 87.

защитой интересов Советского государства и общественных интересов ст. 13 Основ несомненно понимает также и защиту социалистической собственности и социалистического правопорядка.

Таким образом ст. 13 Основ гарантирует гражданину право защиты любых охраняемых законом интересов, которые могут быть подвергнуты общественно опасному нападению.

Признавая право защиты любых правоохраненных объектов, многие советские криминалисты отрицают допустимость необходимой обороны чести и достоинства.

И. И. Слуцкий считает, что теоретически возможна оборона против словесного или символического оскорбления, однако сомневается в практической возможности обороны при посягательстве на достоинство личности, ибо «возможные при этом способы защиты не могут рассматриваться в качестве таких, которые могут пресечь посягательство (взаимное оскорбление) или по своей интенсивности не будут соответствовать посягательству на честь»¹⁰.

Представляется неправильным отказаться от признания правомерности обороны при посягательстве на достоинство личности. И. И. Слуцкий считает неправомерной попытку зажать рот лицу, чтобы прекратить поток ругательств, или вытолкнуть лицо из комнаты.

В этих опасениях И. И. Слуцкого в отношении соразмерности способов защиты при посягательстве на честь и достоинство человека можно усмотреть некоторую недооценку опасности такого посягательства, излишнюю боязнь, как бы вред, причиненный посягающему, не был больше вреда, причиненного обороняющемуся.

Такое ограничение права самозащиты не вытекает из закона о необходимой обороне и противоречит духу новых уголовных кодексов союзных республик, установивших более строгое наказание за посягательство на честь и достоинство человека.

Всякая попытка лишить советского гражданина права защищать свою честь и достоинство или достоинство другого лица находится в противоречии с нормами коммунистической морали, социалистическим правосознанием и чувством справедливости советского гражданина.

Право необходимой обороны возникает у любого гражданина в связи с активным общественно опасным посягательством на любые правоохраненные общественные или личные интересы.

¹⁰ И. И. Слуцкий. Обстоятельства, исключающие уголовную ответственность. Изд. ЛГУ, 1956 г., стр. 66.

5. Только *общественно опасное* посягательство, выражающееся в нападении на правоохраненные интересы, порождает право на самозащиту. Это право не ограничено ни возможностью уйти от нападающего, ни возможностью обратиться к органам власти. В самом законе указывается, что необходимая оборона может быть только при защите от общественно опасного посягательства. Самозащита от действий, лишенных общественно опасного характера, недопустима. Поэтому недопустима, например, оборона от действий должностного лица, выполняющего возложенные на него законом обязанности, или оборона от законных действий представителя общности, выполняющего обязанности по охране общественного порядка, или оборона от действий, совершаемых в состоянии необходимой обороны или крайней необходимости.

Различные точки зрения высказываются в отношении правомерности защиты против общественно опасного нападения, не являющегося преступным и наказуемым. Речь идет о случаях общественно опасного нападения со стороны невменяемых, малолетних, лиц, действующих под влиянием извинительной ошибки и т. п.

В. Ф. Кириченко утверждает, что «здесь мы имеем обычный случай необходимой обороны, ничем не отличающейся для защищающегося от других ее случаев»¹¹.

Аналогичная точка зрения высказана автором учебника для высших заведений проф. Пионтковским, который утверждает, что «общественно-опасное посягательство не должно быть непременно таким, которое влечет применение наказания. Оно должно быть объективно общественно-опасным»¹². Эта точка зрения вызывает сомнение.

Институт необходимой обороны должен способствовать активной борьбе общественности с преступными посягательствами; в этом его общественно полезная роль.

Если с револьвером своего отца на балкон вышел ребенок и стреляет в находящихся на дворе людей, то лишение его жизни или причинение ему тяжкого телесного повреждения не могут быть признаны правомерными, если была возможность спрятаться, убежать или унять его другими средствами. Это относится и ко всем прочим случаям невиновных посягательств, если лицу, осуществляющему оборону правоохраненных интересов, об этом известно.

¹¹ В. Ф. Кириченко, Основные вопросы учения о необходимой обороне в советском уголовном праве. Изд-во АН СССР, М., 1948, стр. 28.

¹² Советское уголовное право. Общая часть. Гос. Юр. Издат, Москва, 1959 г., стр. 188.

Другое положение имеет место в том случае, когда лицо не знает о невиновном характере общественно опасного нападения; лицо не знает, что общественно опасное нападение совершено душевно-больным, из-за темноты не заметило, что нападающим является ребенок, не подразумевало, что нападающее лицо действует под влиянием извинительной ошибки.

В этих случаях лицо полагает, что правоохраненные интересы подвергаются преступному посягательству и потому вправе их защищать путем причинения вреда нападающему.

6. В юридической литературе справедливо выдвигается в качестве необходимого посягательства, порождающего право на оборону, наличный характер посягательства. Вопрос о том, какое посягательство следует считать наличным, представляет значительный интерес, ибо от его решения непосредственно зависит вопрос о границах правомерности обороны во времени. Оба эти вопроса взаимобусловлены.

Как показывает анализ судебной практики, наиболее спорным является вопрос о том, с какого момента возникает право на необходимую оборону и в течение какого времени оборона является правомерной. Этот вопрос в законе не разрешен, однако это не может быть рассмотрено как пробел в законодательстве. Закон говорит о правомерности обороны от общественно опасного посягательства.

Как известно, закон считает общественно опасным посягательством не только оконченное преступление, но также покушение на преступление и приготовление к преступлению. Исходя из этого и следует определить начальный момент посягательства и соответственно и момент возникновения права на необходимую оборону.

Мнения советских криминалистов по этому вопросу в целом сводятся к тому, что посягательство должно быть признано наличным в том случае, когда его осуществление должно уже начаться или непосредственная угроза его осуществления настолько очевидна, что охраняемые права и интересы поставлены в непосредственную опасность¹³.

В. И. Кириченко полагает, что приготовительные к преступлению действия «не могут считаться нападением, так как они не создают непосредственной опасности нарушения правоохраненных интересов; покушение же, которое является действием, непосредственно направленным на совершение преступления, уже может рассматри-

¹³ См. Советское уголовное право. Общая часть. Госюриздат, 1959 г, стр. 188.

ваться как нападение, создающее право необходимой обороны, так как действие, составляющее покушение, вызывает опасность нарушения правоохранных интересов»¹⁴.

И. И. Слуцкий под наличным нападением понимает как нападение, которое уже началось, но еще не кончилось, так и покушение на преступление и приготовление к совершению преступления, а иногда и обнаружение умысла¹⁵.

Нам представляется, что В. Ф. Кириченко без достаточных оснований сужает право на оборону. Однако мы не можем согласиться с признанием правомерной обороны при обнаружении умысла даже в исключительных случаях¹⁶.

Закон говорит о защите от общественно опасного посягательства, т. е. только от определенного общественно-опасного действия, каким, как мы уже указывали, может быть не только осуществляемое преступление до момента его окончания, но и покушение на совершение преступления и приготовление к его совершению.

Наличным нападением считается в течение всего времени, пока осуществляется состав преступления нападающим, однако, как правильно указывают советские криминалисты¹⁷, нападение не всегда завершается моментом осуществления состава преступления. Оно продолжается до окончательного достижения общественно-опасного результата, поэтому право необходимой обороны сохраняется до фактического завершения преступления.

Так следует понимать наличное общественно-опасное посягательство, порождающее право необходимой обороны.

7. Многие авторы выдвигают еще дополнительное требование для признания обороны правомерной — нападение, которое порождает право необходимой обороны, должно быть *действительным*¹⁸.

Хотя и не подлежит сомнению, что право на защиту может породить только действительное, а не воображаемое нападение, это не является самостоятельным признаком нападения, поскольку речь идет о наличном общественно-

¹⁴ В. Ф. Кириченко, цитир. произв., стр. 32.

¹⁵ И. И. Слуцкий, цитир. произв., стр. 54.

¹⁶ См. И. С. Тишкевич, Понятие превышения пределов необходимой обороны по советскому уголовному праву, Цитир. сборник, стр. 44.

¹⁷ Ст. В. Ф. Кириченко, цитир. произв., стр. 34. И. И. Слуцкий, цитир. произв., стр. 59.

¹⁸ Ст. «Советское уголовное право», Общая часть. Госюриздат. М., 1959 г., стр. 190.

опасном нападении. Наличное общественно-опасное нападение не может быть недействительным, т. е. воображаемым. В последнем случае не может быть речи ни о состоянии необходимой обороны, ни о превышении ее пределов. Поэтому нет никакой необходимости указывать, что самостоятельным условием правомерности необходимой обороны, относящимся к посягательству, является действительность посягательства, ибо это условие охватывается уже указанием на то, что посягательство должно быть наличным. На бесполезность такого условия правомерности необходимой обороны уже указывалось в нашей уголовно-правовой литературе¹⁹.

Вопрос о так называемой мнимой обороне должен разрешаться на общих основаниях, т. е. исходя из влияния фактической ошибки на уголовную ответственность. Поэтому мы не считаем возможным согласиться с И. И. Тишкевичем в том, что вопрос о мнимой обороне должен быть разрешен в законодательстве особо²⁰.

Если вся обстановка происшествия давала лицу основание полагать, что оно подвергается реальному нападению, то такая фактическая ошибка исключает уголовную ответственность. В действиях лица, обороняющегося от мнимого нападения, в этом случае отсутствует состав преступления, ибо его действия являются невиновными.

Поэтому по делу Чуднова, который, не разобравшись ночью в обстановке, произвел из револьвера два выстрела по деревянной будке, в результате чего Соколов был легко ранен, а его жена убита, Пленум Верховного Суда Союза ССР в постановлении от 24 мая 1956 г. указал: «Чуднов применил оружие в тревожной обстановке, в районе поиска бежавших опасных преступников, причем это было сделано в ответ на произведенный Соколовым обстрел, который в создавшейся обстановке был Чудновым воспринят как реальное вооруженное нападение со стороны лиц, подлежащих задержанию.

Чуднов не предвидел и по обстоятельствам дела не должен был предвидеть, что ему и другим, находившимся вместе с ним, не грозит самая непосредственная опасность. Он не может нести уголовной ответственности за совершенный акт мнимой обороны в силу своего добросовестного заблуждения, вызванного поведением потерпевших»²¹.

Такова же точка зрения Генерального Прокурора СССР по делу Киминюс.

¹⁹ См. В. Ф. Кириченко, цитир. произв., стр. 35—36.

²⁰ Ст. Советская Юстиция, 1958 г., № 10, стр. 38.

²¹ Судебная практика Верховного суда СССР, 1956 г., № 5, стр. 2.

Ночью в дом Киминюса, где находились он, его жена, трое малолетних детей и Бараускас, начал ломиться Каяускас, требуя, чтобы ему открыли дверь. Когда Каяускасу предложили уйти, он заявил, что дом сейчас будет взорван. В этот день Киминюс получил крупную сумму денег, у него возникла мысль, что в дом пытается проникнуть грабитель. В это время стук послышался с другой стороны дома. Бараускас открыл дверь, а Киминюс ударил Каяускаса по голове. Впоследствии выяснилось, что Каяускас, будучи в нетрезвом состоянии, заблудился и стучался в дом, желая там переночевать.

Генеральный прокурор СССР в своем протесте указал, что при указанных обстоятельствах действия Киминюса, считавшего, что он подвергся нападению грабителей, не являются преступными.

Президиум Верховного Суда Литовской ССР согласился с протестом, отменил приговор народного суда и определение судебной коллегии, прекратив дело ввиду отсутствия состава преступления²².

8. Наибольшие затруднения возникают в судебной практике при раскрытии содержания права необходимой обороны. В ранее действовавшем законодательстве ничего не было сказано в отношении содержания права необходимой обороны. Большинство советских криминалистов совершенно правильно понимало смысл института необходимой обороны, заключающейся в дозволенном причинении вреда нападающему для пресечения преступного посягательства с его стороны. Были и другие высказывания, которые сужали право необходимой обороны и несколько искажали его сущность, требуя, чтобы защита была единственно возможным в данных условиях средством отвращения нападения²³.

В статье 13 Основ уголовного законодательства прямо указывается, что под необходимой обороной следует понимать защиту правоохраненных интересов путем *причинения посягающему вреда*.

В самом законе подчеркивается активный характер защиты, право не только парировать нападение, но и самому наступать, причинять вред, в свою очередь посягать на интересы нападающего. Закон не ограничивает права активной обороны, не требует, чтобы условием правомерности активной борьбы была невозможность устранить опасность другими

²² См. Социалистическая законность, № 12, 1957 г., стр. 81.

²³ Ст. проф. А. А. Герцензон, Уголовное право, часть общая. М., 1958 г., стр. 270. Н. Н. Паше-Озерский, Основные вопросы учения о необходимой обороне, автореферат, 1947, стр. 13.

средствами, как это имеет место в отношении действий в состоянии крайней необходимости.

К. Маркс отвергал как принципиально неправильную и лишенную диалектики позицию тех людей, которые не признают активного характера обороны. «Таким образом, — указывал К. Маркс в письме к Ф. Энгельсу, — если какой-либо негодяй производит нападение на меня на улице, то я могу лишь парировать его удары, но не смею побить его, потому что превращаюсь тогда в нападающего»²⁴.

Ограничение права самозащиты в этой плоскости противоречит закону и интересам пресечения преступных нападений. Закон предоставляет гражданину право на самозащиту «без оглядки», не прибегая к возможности укрыться от нападающего или к помощи граждан или представителя власти.

В Программе КПСС записано, «что партия будет поощрять все формы сознательной самодисциплины граждан, ведущие к закреплению и развитию основных правил коммунистического общежития»²⁵.

9. Некоторую сложность представляет вопрос о пределах правомерности необходимой обороны. Ранее действовавшее законодательство этого вопроса вообще не разрешало. Ст. 9 Основных начал (как и ст. 13 УК РСФСР 1926 г.) указывала только, что действия, совершенные в состоянии необходимой обороны, не влекут уголовной ответственности, если при этом не было допущено превышения пределов необходимой обороны. Поскольку никаких критериев для определения пределов необходимой обороны закон не указывал, этот вопрос всецело разрешался теорией и судебной практикой.

Следует отметить, что в работах советских криминалистов этот вопрос нашел в целом правильное разрешение. Все советские криминалисты указывали на два основных критерия для установления пределов необходимой защиты: интенсивность нападения и характер защищаемого интереса.

Проф. Шаргородский и В. Ф. Кириченко для правомерной обороны выдвигают два требования: 1) чтобы отсутствовало резкое несоответствие между угрожаемым вредом и вредом, причиненным нападающему; 2) чтобы интенсивность защиты соответствовала интенсивности нападения²⁶.

²⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XXIV, стр. 385.

²⁵ Программа Коммунистической партии Советского Союза, Госполитиздат, 1961, стр. 119.

²⁶ М. Шаргородский, Вина и наказание в советском уголовном праве, М., 1945 г., стр. 17. В. Ф. Кириченко, Основные вопросы учения о необходимой обороне в советском уголовном праве, М.—Л., 1948 г., стр. 50.

По существу такова же точка зрения И. И. Слуцкого, который выдвигает один основной критерий правомерности защиты — соответствие интенсивности защиты интенсивности посягательства, но под интенсивностью посягательства понимает степень его опасности, определяемую прежде всего объектом посягательства, а также силу и стремительность нападения, иными словами способ действия, применяемого преступником²⁷.

Однако в целом правильное требование о соответствии интенсивности защиты интенсивности нападения многие суды стали истолковывать как требование соразмерности в отношении средств защиты и в отношении наступивших последствий, что приводило к неоправданному ограничению прав граждан на законную защиту.

Некритически восприняв тенденцию некоторых судов к ограничению прав граждан на самозащиту, некоторые авторы оправдывали такую позицию, выдвинув требование, «чтобы вред, причиненный обороняющимся нападающему, был минимально возможным, необходимым для прекращения нападения», утверждая, что «в противном случае, если обороняющийся причиняет нападающему не минимально возможный вред, достаточный вместе с тем для прекращения нападения, а более серьезный, интенсивность защиты будет превышать интенсивность нападения. Поэтому здесь будет иметь место превышение пределов необходимой обороны»²⁸.

Такое требование в значительной степени ущемляет право граждан на самозащиту, если учесть реальную обстановку нападения, в которой в большинстве случаев весьма затруднительно определить, каким должен быть тот минимальный вред, причинение которого будет достаточным для отражения нападения.

Поэтому в руководящем постановлении Пленума указывалось, что суды не должны механически исходить из требования соразмерности средств защиты и средств нападения, а также соразмерности интенсивности защиты и нападения. Судам давалось указание учитывать не только степень и характер опасности, угрожавшей обороняющемуся, его силы и возможности по отражению нападения, но и состояние душевного волнения, вызванного нападением, его внезапностью, лишающими обороняющегося возможности точно взвесить ха-

²⁷ И. И. Слуцкий, *Обстоятельства, исключающие уголовную ответственность*, Изд-во Ленинградского университета, 1956 г., стр. 76.

²⁸ Г. Мендельсон, Ю. Ткачевский, *О пределах необходимой обороны*, Социалистическая законность, 1956 г., № 7, стр. 31.

рактер опасности и избрать соразмерные средства защиты, что может повлечь и более тяжкие последствия.

Совершенно правильную позицию, с нашей точки зрения, занял Верховный Суд Латвийской ССР по делу Ж.

Ж., его жена Мария и ее брат С. после выпивки возвращались к себе домой в деревню Кошкино, Яуногрского сельсовета Дагдского района.

Приехав домой, Ж. Мария с братом С. сразу зашли в квартиру, а Ж. Демьян остался на дворе распрягать лошадь. Ж. Мария начала упрекать брата в том, что он мало помогает родителям. С. толкнул ее ногой, нанес ей побои, схватил за грудь. Ж. Мария упала на пол. С. навалился на нее, топтал ее коленями и выкручивал ей руки. Мария кричала и плакала. В это время в комнату зашел муж Марии — Ж. Демьян. Он услышал плач, а затем хрип и стоны жены и увидел, что его жена лежит на полу, а С. мнет ее ногами. Ж. крикнул С., чтобы тот опомнился, что Мария беременна. С. не реагировал на его уговоры. Тогда Ж. схватил лежащее тут же у плиты полено и нанес им удар по голове С. С. после удара поднялся, схватил со стола нож и замахнулся ножом на Ж. Тогда Ж. нанес второй удар по голове С. Доставленный в больницу, С. умер.

Народный суд Дагдского района Латвийской ССР пришел к выводу, что Ж. превысил пределы необходимой обороны, так как Ж. для обороны своей жены мог принять другие меры, в частности, ударить С. кулаком, а если и поленом, то не обязательно по голове. Поэтому Ж. был народным судом осужден по ст. 139 УК РСФСР 1926 г.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда Латвийской ССР 22 февраля 1957 года, рассмотрев дело в кассационном порядке, приговор народного суда отменила и прекратила производство по делу, так как не усмотрела в действиях Ж. превышения пределов необходимой обороны.

4-го апреля 1957 года Президиум Верховного Суда Латвийской ССР своим постановлением отклонил протест Прокурора Латвийской ССР и указал, что нападение С. было весьма интенсивным, о чем свидетельствует врачебная справка о наличии у Ж. Марии подкожных кровоизлияний на обоих бедрах и в области грудных желез. Степень тяжести насилия должна определяться и с учетом того, что она находилась в состоянии беременности. С. был в нетрезвом состоянии, которое вызывало в нем вспышки необузданной ярости и приводило к безрассудным поступкам, что было хорошо известно

Ж., а поэтому, услышав стон и хрип жены, он полагал, что его жене грозит смертельная опасность.

Президиум не согласился с выводом протеста о том, что средства обороны несоразмерны со средствами нападения лишь потому, что имелась объективная возможность применить другие меры для отражения нападения.

Ж. находился в состоянии сильного душевного волнения, вызванного неожиданностью и характером нападения, поэтому схватил полено и ударил по голове С.

Президиум согласился с выводом определения Судебной коллегии по уголовным делам о том, что в действиях Ж. нет состава преступления.

Однако многие народные суды нашей республики до сих пор необоснованно ограничивают право граждан на самозащиту, неправильно понимая соразмерность защиты и нападения. Эти ошибки народных судов последовательно исправляются Верховным Судом Латвийской ССР.

При решении вопроса о правомерности мер обороны суды допускают серьезные ошибки в большинстве случаев потому, что исходят лишь из тяжести наступивших последствий и не учитывают реальную ситуацию и опасность грозящего нападения. Такие ошибки, имевшие место до постановления Пленума Верховного Суда СССР от 23 октября 1956 г., встречаются и до сих пор.

Так народный суд Вилянского района Латвийской ССР 21 апреля 1958 г. приговорил Р. по ст. 137 УК РСФСР 1926 г. к лишению свободы на 8 лет за убийство Яниса Г., которое произошло при следующих обстоятельствах.

Сестра Р. — Янина являлась женою Г. Владислава. Проживали они вместе с братом мужа — Г. Янисом. Янис преследовал Янину своими предложениями оставить брата и сойтись с ним. На этой почве между братьями бывали скандалы. После одного из таких скандалов, когда Янис с ножом бросился на своего брата и Янину, Янина оставила дом мужа и ушла жить к своему брату Р., хотя Янис ее и предупредил, что он ее убьет, если она уйдет.

В доме мужа остались двое детей, за которыми Янина приехала на следующий день вместе с братом. Муж согласился отдать детей и начал их одевать. Янис требовал, чтобы Янина осталась и угрожал, что не даст ей уехать.

Когда Янис убедился, что его угрозы не останавливают Янину, он выбежал в кухню, возвратился с топором в руках и кинулся на Янину, которая успела спрятаться за спиной брата. Тогда Янис с топором кинулся на Р., но не успел его

ударить топором, так как Р. выстрелил из одноствольного охотничьего ружья, которое он взял с собой, зная, что Янис может напасть на него и Янину, так как угрожал ей неоднократно. Выстрелом Янис был убит.

Защитник в кассационной жалобе просил отменить приговор народного суда и дело производством прекратить, так как в действиях Р. отсутствует состав преступления.

Верховный Суд Латвийской ССР своим постановлением от 12 мая 1958 года отменил приговор и направил дело на новое рассмотрение.

Дело вторично рассматривалось 12 июня 1958 года в народном суде Карсавского района и по делу был вынесен оправдательный приговор.

Основы уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик восполнили имевшийся пробел в законодательстве, установив пределы правомерной защиты. В ст. 13 Основ указывается, что превышением пределов необходимой обороны является *явное* несоответствие защиты характеру и опасности посягательства.

Разрешение этого весьма важного вопроса в законодательстве обеспечивает возможность избежать многочисленные судебные ошибки, вызываемые неправильным толкованием закона о необходимой обороне.

10. Какой же критерий устанавливает закон для определения правомерности обороны? Таким критерием является, как указано в законе, соответствие защиты характеру и опасности посягательства.

Опасность посягательства определяется, главным образом, объектом посягательства (жизнь, здоровье, неприкосновенность личности, социалистическая или личная собственность, общественный порядок и т. д.), но в значительной мере и способом посягательства при посягательстве на один и тот же объект (например: разбой, грабеж, кража), как и стадией посягательства (приготовление, покушение).

Под характером посягательства мы склонны понимать средства и способы, применяемые нападающим, а также обстановку нападения — количество нападающих, время, место нападения.

Все эти моменты законодатель требует учесть при оценке правомерности защиты, т. е. он требует, чтобы средства и методы защиты, иными словами интенсивность защиты соответствовала бы как опасности посягательства, так и характеру посягательства.

В этом отношении известный интерес представляет дело Т., рассмотренное народным судом Пролетарского района гор. Риги.

После выпивки в ночь с 1 на 2 декабря 1958 года Т. со своим товарищем У. проходили мимо группы юношей и девушек, стоявших на углу. У. задел плечом и толкнул одного из группы — П., после чего пошел дальше. П. обругал Т. и У. У. остановился, ответил нецензурными словами и пошел вслед за Т.

П. и трое его товарищей — С., Е. и Ф. побежали за У. и Т. и догнали их.

Ф. напал на У. Последний ударил его ногой, но был им сброшен на землю. П. и остальные приближались к Т. Тогда Т. достал из кармана складной нож и предупреждал, что он никого не трогал, чтобы к нему не подходили.

Несмотря на предупреждение, П. приблизился к Т., который держа в левой руке нож, размахивал им. П. получил удар в правый глаз, в результате чего глаз был выбит.

Т. был предан суду по ч. I ст. 142 УК РСФСР 1926 г. за причинение П. тяжкого телесного повреждения.

Народный суд 28 января 1959 года, рассмотрев это дело, пришел к выводу, что Т. находился в состоянии необходимой обороны и не превысил ее пределов, так как к самозащите ножом он прибегнул после того, как У. был сбит с ног, и он предупредил о том, чтобы к нему не приближались. Суд учел как то, что нападающих было четверо, так и то, что Т. имел возможность защищаться только левой рукой, ибо с правой руки был снят гипс всего за 3 дня до этого нападения и ею он не владел в достаточной степени.

За отсутствием состава преступления в его действиях Т. был оправдан.

Следует полностью согласиться с выводами народного суда Пролетарского района о том, что несоответствие средств защиты — нож — не свидетельствуют в данном случае о несоответствии интенсивности защиты, если учесть некоторые другие моменты — возможность защищаться только левой рукой, и характер нападения — количество нападающих.

Сам по себе объект посягательства тоже не может полностью характеризовать опасность нападения и служить критерием правомерности средств и методов самозащиты. Нельзя, правда, не согласиться с автором учебника о том, что «случай явного несоответствия между серьезностью повреждения, причиненного обороной, и характером защищаемого блага могут иметь место, главным образом, при защите малоценных иму-

щественных интересов путем причинения серьезного вреда нападающему»²⁹. Но посягательства на малоценный объект могут в отдельных случаях осуществляться с такой интенсивностью, что свидетельствуют о значительной опасности нападения и оправдывают применение более интенсивных мер самозащиты, чем это диктовалось бы, исходя лишь из ценности правоохраненного объекта. Это имеет место в основном в тех случаях, когда в процессе нападения виновный посягает и на другие объекты.

В учебниках в качестве примера явного несоответствия интенсивности защиты опасности нападения приводится кража яблок и выстрел из ружья. Следует признать, что учебники правильно ориентируют практических работников.

Применение огнестрельного оружия с целью пресечения незначительной кражи является превышением пределов необходимой обороны, а расправа за такую кражу — умышленным убийством.

Однако, и кража яблок может быть совершена таким способом, что она, перерастая в нападение на лицо, их охраняющее, оправдывает более интенсивные методы защиты.

Только учитывая всю совокупность обстоятельств: ценность правоохраненного объекта, способы посягательства на него и характер посягательства, можно определить характер дозволенной защиты.

11. Следует иметь в виду, что закон ограждает оборонящегося от ответственности и в случае применения несоизмеримых средств защиты и причинения более тяжких последствий, если лицо субъективно при сложившейся ситуации считало эти методы и средства соразмерными.

Мы полагаем, что законодатель под *явным* несоответствием защиты характеру и опасности посягательства понимает не только объективный, но и субъективный признак, т. е. наличие сознания у самого обороняющегося, что его действия явно не вызываются необходимостью и не соответствуют характеру и опасности посягательства.

Пленум Верховного Суда СССР, прекратив дело в отношении Челидзе Г. А. за отсутствием в его действиях состава преступления, в своем постановлении указал: «Осужденный Челидзе, не отрицая убийства Генелидзе, виновным себя и предъявленном обвинении не признал и утверждал, что он, защищая свою сестру и себя от нападения Генелидзе и его

²⁹ Советское уголовное право, часть общая, Госюриздат, М., 1952 г., стр. 256.

приятеля, вынужден был стрелять. Вся обстановка нападения и действия Генелидзе в отношении его давало ему основание считать, что Генелидзе имеет при себе оружие, так как, наступая с угрозами на него, держал правую руку в кармане, Генелидзе не испугался ни направленного на него ружья, ни предупредительного выстрела вверх. Опасаясь за свою жизнь и жизнь своих близких, он произвел выстрел в Генелидзе»³⁰.

Указание закона на то, что только *явное* несоответствие защиты характеру и опасности посягательства может быть рассмотрено в качестве превышения пределов необходимой обороны, дает возможность прийти к выводу, что закон под превышением пределов необходимой обороны понимает только умышленные действия лица.

Явным несоответствием защиты характеру и опасности посягательства является тогда, когда оно совершенно очевидно, ясно для всех³¹. Значит, в этом случае несоответствие совершенно ясно и для обороняющегося.

Общественная опасность превышения пределов необходимой обороны состоит в том, что обороняющийся сознает, что превышает пределы необходимой обороны, предвидит, что вследствие этого причиняет более тяжкие последствия, чем это диктуется необходимостью (смерть, тяжкие телесные повреждения) и сознательно допускает наступление таких последствий, а иногда и желает их наступления.

Однако поскольку мотивом действия лица, превысившего границы необходимой обороны, является защита правоохраненных благ от преступного нападения, то общественно-опасные действия, совершенные в результате превышения пределов необходимой обороны, справедливо рассматриваются советским законодательством в качестве менее опасных.

В пункте 5 ст. 33 Основ, как и в пункте 5 ст. 36 УК Латвийской ССР в качестве обстоятельства, смягчающего ответственность, указано совершение преступления при защите от общественно-опасного посягательства, хотя и с превышением пределов необходимой обороны.

Поэтому мы не можем согласиться с точкой зрения В. Ф. Кириченко, который утверждает, что превышение пределов необходимой обороны может рассматриваться как смягчающее наказание обстоятельство только в тех случаях, когда оно совершается неумышленно. При умышленном пре-

³⁰ Бюллетень Верховного Суда СССР, 1957 г., № 6, стр. 12.

³¹ См. Толковый словарь русского языка, под редакцией проф. Л. Н. Ушакова, том IV, М., 1940 г., стр. 1453.

вышении пределов необходимой обороны В. Ф. Кириченко не усматривает оснований для смягчения наказания³².

Мы полностью согласны с проф. М. Д. Шаргородским³³ и проф. А. А. Пионтковским³⁴, что преступление, совершенное при превышении пределов необходимой обороны, может быть только умышленным.

Законодатель под убийством, совершенным при превышении пределов необходимой обороны (ст. 102 УК Латвийской ССР), а также под причинением тяжкого или средней тяжести телесного повреждений при превышении пределов необходимой обороны (ст. 108 УК Латв. ССР) имел в виду безусловно только умышленное совершение этих действий. Такой вывод вытекает из указаний, содержащихся в пункте восьмом статьи 99 УК Латв. ССР в отношении убийства, совершенного при превышении пределов необходимой обороны, и в статье 10 УК Латв. ССР в отношении причинения телесных повреждений при превышении пределов необходимой обороны.

В пункте восьмом статьи 99 УК Латв. ССР указывается, что отягчающим убийство признаком является совершение его лицом, ранее совершившим умышленное убийство, за исключением убийства, совершенного в состоянии сильного душевного волнения или при превышении пределов необходимой обороны. Такова же позиция уголовных кодексов всех прочих союзных республик. Иными словами законодатель всех союзных республик относит убийство, совершенное при превышении пределов необходимой обороны, к категории умышленных убийств.

В статье 10 УК Латв. ССР перечисляются преступления, за совершение которых привлекаются к уголовной ответственности лица в возрасте от четырнадцати лет. В этой статье предусматривается ответственность в возрасте от четырнадцати лет в числе других преступлений и за умышленное нанесение телесных повреждений, причинивших расстройство здоровья.

К умышленному нанесению телесных повреждений в ст. 10 причислено также нанесение телесных повреждений при превышении пределов необходимой обороны (ст. 108 УК Латв. ССР).

³² В. Ф. Кириченко, цитир. произв., стр. 76.

³³ М. Шаргородский, Вопросы общей части уголовного права, Изд. ЛГУ, 1955, стр. 90.

³⁴ А. А. Пионтковский, В. Д. Меньшагин. Курс советского уголовного права, 1955, стр. 553, также А. А. Пионтковский, Учение о преступлении по советскому уголовному праву, Госюриздат, 1961, стр. 50.

Такова же позиция большинства уголовных кодексов союзных республик (УК РСФСР, УССР, БССР, Груз. ССР, Эст. ССР, Лит. ССР и др.).

Таким образом уголовные кодексы большинства союзных республик не оставляют места для сомнения в том, что законодатель этих республик и под причинением телесного повреждения при превышении пределов необходимой обороны понимает только умышленное его причинение.

Следует отметить, что в судебной практике прежних лет, когда в уголовных кодексах союзных республик не было специальной нормы, предусматривающей ответственность за причинение тяжкого телесного повреждения при превышении пределов необходимой обороны, эти действия квалифицировались только как умышленное причинение тяжких телесных повреждений (по ст. 142 УК РСФСР и соответствующим статьям УК других союзных республик).

Такова же позиция Пленума Верховного Суда СССР по делу Исаева. В этом постановлении от 9 января 1953 года сказано, «что ст. 139 УК РСФСР (1926 г.) карает за убийство с превышением пределов необходимой обороны при наличии умысла на лишение жизни. Поэтому, отвергая наличие такого умысла, суд не мог квалифицировать действия Исаева как убийство с превышением пределов необходимой обороны по ст. 139 УК»³⁵.

Иную точку зрения высказали авторы комментария к УК РСФСР 1926 г.³⁶, а также И. И. Слуцкий³⁷ и В. Ф. Кириченко³⁸.

Они считают возможным совершение преступлений при превышении пределов необходимой обороны при наличии как умышленной вины, так и неосторожной.

М. И. Якубович полагает, что преступления, совершаемые в результате превышения пределов необходимой обороны, могут быть только неосторожными³⁹.

С точкой зрения М. И. Якубовича нельзя согласиться. Она неприемлема для нашей судебной практики, так как ставит обороняющегося в очень тяжелые условия и может привести

³⁵ Судебная практика Верховного Суда СССР, 1953, № 3, стр. 2.

³⁶ УК РСФСР, Комментарий, 1946 г. 189 стр.

³⁷ И. И. Слуцкий, *Обстоятельства, исключают уголовную ответственность*, Изд-во Ленингр. Универ., 1956 г., стр. 82, также: *Советское уголовное право. Часть общая*. Изд-во Ленинградского Госуд. университета, 1960 г., стр. 347—348.

³⁸ В. Ф. Кириченко, цитир. произв., стр. 76—77.

³⁹ Доц. М. Н. Якубович, *Вопросы теории и практики необходимой обороны*, Москва, 1961, стр. 147.

к ограничению права на защиту, хотя в этом нет никакой необходимости.

Мы полагаем, что в ст. 102 и в ст. 108 УК Латв. ССР и в соответствующих статьях УК других союзных республик следует указать на умышленную форму вины. Статья 13 Основ должна быть истолкована таким образом, что преступление, совершенное в результате превышения пределов необходимой обороны, является только умышленным преступлением.

12. Наибольшие разногласия вызывает вопрос о том, может ли эксцесс обороны иметь место только в результате явного несоответствия защиты характеру и опасности посягательства, или же эксцесс обороны может иметь место также и в результате несвоевременности обороны. Проф. А. Герцензон, проф. А. Пионтковский, проф. Меньшагин, проф. Шаргородский и др. считают, что превышение пределов необходимой обороны может быть и в случае несвоевременности обороны и что этот вопрос заслуживает самостоятельного рассмотрения⁴⁰.

Так в вышедшем в 1959 году учебном пособии по Советскому уголовному праву также говорится и о несвоевременности обороны. Под несвоевременностью обороны автор соответствующего раздела проф. Пионтковский понимает совершение оборонительных действий уже после окончания посягательства или после отказа от посягательства, если оборонительные действия не вызывались необходимостью задержать преступника⁴¹. Далее проф. Пионтковский указывает, что при несвоевременной обороне имеет место превышение пределов необходимой обороны в том случае, когда причинение нападавшему вреда следовало непосредственно за посягательство и обороняющийся находился под непосредственным впечатлением посягательства. Однако убийство преступника после совершенного посягательства, когда подвергшийся нападению уже полностью осознал отсутствие грозящей опасности, по мнению проф. Пионтковского, должно рассматриваться как убийство без отягчающих обстоятельств, или как убийство в состоянии аффекта, или даже как квалифицированное убийство⁴².

⁴⁰ Проф. А. А. Герцензон, Уголовное право, часть общая, 1948 г., стр. 270. А. Пионтковский, В. Меньшагин, Курс советского уголовного права, часть особенная, т. 1, 1955 г., стр. 555—556. Советское уголовное право, Общая часть, Госюриздат, 1959 г., стр. 194—195.

⁴¹ Советское уголовное право, Общая часть, Госюриздат, 1959 г., стр. 194.

⁴² Советское уголовное право, Общая часть, Госюриздат, 1959 г., стр. 195.

Большинство авторов, которые признают возможность эксцесса обороны во времени, приходит к выводу, что решающим при разграничении превышения пределов необходимой обороны из-за несвоевременной обороны и случаями, не подпадающими под понятие превышения пределов необходимой обороны, является вопрос о времени осуществления акта обороны. Значительный разрыв во времени между окончанием нападения и причинением вреда нападавшему лишает основания признать такие действия совершенными при превышении пределов необходимой обороны⁴³.

Совершенно противоположную точку зрения по вопросу о возможности несвоевременной обороны отстаивают авторы монографий, посвященных вопросам необходимой обороны — И. И. Слуцкий⁴⁴, В. Ф. Кириченко⁴⁵, проф. Н. Н. Паше-Озерский⁴⁶, авторы комментария к уголовному кодексу РСФСР 1926 г.⁴⁷ и др.

К этой же группе ученых следует причислить и проф. Утевского, автора соответствующего раздела учебного пособия для юридических институтов и юридических факультетов государственных университетов 1958 года, который, говоря об убийстве с превышением пределов необходимой обороны, даже не упоминает запоздалую защиту в качестве одной из форм превышения пределов необходимой обороны⁴⁸.

В. Ф. Кириченко и И. И. Слуцкий считают, что причинение вреда посягавшему при несвоевременной защите должно влечь ответственность на общих основаниях за умышленное или неосторожное преступление⁴⁹.

По мнению Г. Мендельсона и Ю. Ткачевского, с окончанием нападения (вследствие пресечения нападения, достижения преступного результата или отказа от нападения) у оборонявшегося прекратилось право на дальнейшую оборону.

⁴³ Ст. М. И. Якубович, Вопросы необходимой обороны, «Советское государство и право», 1957 г., № 2, стр. 103. И. С. Тишкевич, Понятие превышения пределов необходимой обороны по советскому уголовному праву, В Сборнике «Вопросы уголовного права и процесса», Минск, 1958 г., стр. 51.

⁴⁴ И. И. Слуцкий, цитир. произв.

⁴⁵ В. Ф. Кириченко, стр. 74, цитир. произв., стр. 86—87.

⁴⁶ Н. Н. Паше-Озерский, Мнимая оборона по советскому уголовному праву, Ученые записки, том IX, Труды юридического факультета Ростова на Дону, 1957 г., выпуск 3, стр. 128.

⁴⁷ Уголовный кодекс РСФСР, Комментарий, изд. 2, М., 1946, стр. 18.

⁴⁸ Ст. Советское уголовное право. Особенная часть, Госюриздат, 1958 г., стр. 146—147.

⁴⁹ В. Ф. Кириченко, цитир. произв., стр. 86. И. И. Слуцкий, цитир. произв., стр. 74, также Советское уголовное право, часть особенная, 1959, стр. 153.

В этом случае причинение вреда нападавшему должно рассматриваться как преступление без ссылки на превышение пределов необходимой обороны⁵⁰.

Проф. Н. Н. Паше-Озерский указывает на полную несостоятельность понятия «превышения пределов необходимой обороны во времени» (т. н. «преждевременная» или «запоздавшая» оборона). По мнению проф. Паше-Озерского, такое превышение пределов необходимой обороны вовсе не увязывается с сущностью самого понятия необходимой обороны⁵¹.

В постановлении Пленума Верховного Суда СССР «О недостатках судебной практики по делам, связанным с применением законодательства о необходимой обороне» уделяется внимание и разрешению вопроса о несвоевременности обороны. Здесь указано, что состояние необходимой обороны наступает не только в самый момент нападения, но и когда налицо реальная угроза нападения, а также когда акт самозащиты последовал непосредственно за актом оконченного нападения, но «по обстоятельствам дела для обороняющегося не был ясен момент окончания нападения»⁵².

Нам представляется, что в постановлении Пленума Верховного Суда СССР идет речь о том случае, когда обороняющийся находился под непосредственным впечатлением посягательства и потому не мог правильно оценить ситуацию, однако Пленум в отличие от проф. Пионтковского признает такое лицо действующим в состоянии необходимой обороны.

Однако постановление Пленума не признает понятия превышения пределов необходимой обороны во времени. Если причинение тяжкого вреда нападающему имело место после того, как нападение было предотвращено или окончено и необходимость в применении средств защиты уже явно миновала, то такие действия постановление Пленума не рассматривает в качестве преступления, совершенного при превышении пределов необходимой обороны. Эти действия влекут ответственность на общих основаниях как умышленное преступление, ибо расцениваются в постановлении как акт мести — самочинной расправы⁵³.

О возможности превышения пределов необходимой обо-

⁵⁰ Г. Мендельсон, Ю. Ткачевский, «Социалистическая законность», 1956 г., № 7, стр. 34—35.

⁵¹ Н. Н. Паше-Озерский, Мнимая оборона по советскому уголовному праву. Ученые записки, том IX, Труды юридического факультета, Ростов-на-Дону, 1957 г., выпуск 3, стр. 128.

⁵² Судебная практика Верховного Суда СССР, 1956 г., № 6, стр. 7.

⁵³ Там же, стр. 8.

роны во времени, в частности о запоздалой обороне как об одном из видов превышения пределов необходимой обороны, в постановлении ничего не сказано. Поэтому вряд ли можно согласиться с И. С. Тишкевичем в том, что Верховным Судом СССР и после принятия руководящего постановления Пленума от 23 октября 1956 года признана возможность эксцесса обороны во времени⁵⁴.

Постановление Пленума только справедливо учитывает субъективный момент при решении вопроса о правомерности и неправомерности самозащиты. Обороняющийся не всегда по обстоятельствам дела в состоянии взвесить и правильно оценить, что необходимость в применении средств защиты уже миновала, а поэтому возможны случаи, когда запоздалый акт самозащиты субъективно оправдан. И. Тишкевич причисляет преждевременную и запоздалую защиту, как и мнимую оборону, к случаям причинения вреда вследствие добросовестного заблуждения о наличии состояния необходимой обороны, исключаяющей его вину⁵⁵.

Представляется, что вопрос о допустимости или недопустимости превышения пределов необходимой обороны во времени и, в частности, вопрос о запоздалой защите тем более не может рассматриваться в качестве спорного после принятия новых Основ уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик.

В статье 13 Основ дается исчерпывающее понятие превышения пределов необходимой обороны. Законодатель не рассматривает запоздалую защиту в качестве одной из форм превышения пределов необходимой обороны и, конечно, не случайно, если учесть имевшую место дискуссию по этому вопросу в нашей юридической литературе и различное разрешение этого вопроса в проектах Основ уголовного законодательства СССР и союзных республик.

Признание несвоевременной защиты одной из форм превышения пределов необходимой обороны вовсе не вытекает из закона о необходимой обороне.

Разрешая практически вопрос об оценке акта самозащиты, последовавшего непосредственно за актом оконченного нападения, следует руководствоваться постановлением Пленума Верховного Суда СССР от 23 октября 1956 года, которое находится в соответствии с текстом и смыслом новых Основ.

⁵⁴ И. С. Тишкевич, Понятие превышения пределов необходимой обороны по советскому уголовному праву, цитир. сборник, стр. 50.

⁵⁵ Ст. «Советская Юстиция», 1958 г., № 10, стр. 37—38.

Следует признать наличие состояния необходимой обороны, если для обороняющегося по обстоятельствам дела не был ясен момент окончания нападения. Действие лица, подвергшегося нападению, повлекшее тяжкие последствия для нападающего, если они были совершены уже после того, как нападение было явно предотвращено или окончено, следует рассматривать как соответствующее умышленное преступление. В большинстве случаев речь может быть о преступлении, совершенном в состоянии внезапно возникшего сильного душевного волнения, вызванного насилием со стороны потерпевшего⁵⁶, однако возможны случаи совершения этих преступлений и при отсутствии смягчающих вину обстоятельств.

13. Самостоятельного рассмотрения заслуживает вопрос об оценке действий лица, направленных на задержание преступника. Этот вопрос представляет значительный интерес и его правильное разрешение имеет большое практическое значение. Нельзя упустить из виду, что намеченные XXI съездом КПСС мероприятия по передаче некоторых функций по охране общественного порядка самой общественности привели к широкому участию общественности в борьбе с преступностью.

Тысячи лучших производственников вступают в добровольные народные дружины по охране общественного порядка и включаются в борьбу с преступностью. Это диктует необходимость строго регламентировать права дружинников и других граждан по задержанию преступников и прочих правонарушителей.

Участие граждан в задержании преступников должно поощряться Советским законодательством, в особенности необходимо обеспечить права потерпевшего и других лиц на задержание преступника во время совершения им преступления или непосредственно после его совершения.

Задержание преступника на месте совершения преступления во многих случаях совпадает с предотвращением нападения с его стороны и потому не выходит за пределы проблемы необходимой обороны. Самостоятельное разрешение этого вопроса требуется во всех случаях, когда задержание преступника выходит за рамки необходимой обороны.

В большинстве случаев задержание преступника имеет место непосредственно после совершения им нападения; однако оно может иметь место и спустя некоторое время после совершения им нападения.

⁵⁶ См. ст. 102 и 108 УК Латвийской ССР и соответствующие статьи УК других союзных республик.

Вопрос о правомерности мер, направленных на задержание преступника, в Основах уголовного законодательства и в УК Латвийской ССР не решен. Основы уголовного законодательства, как и ранее действовавшее законодательство о необходимой обороне, не касаются вопроса о правомерности действий, направленных на задержание преступника. Основы не предусмотрели разрешения этого вопроса и законодательством союзных республик. Однако, как мы ниже покажем, в УССР этот вопрос решен в самом уголовном кодексе.

В практике вопрос о правомерности и допустимости мер, направленных на задержание преступника, вызывал значительные затруднения. Поэтому Постановление Пленума Верховного Суда СССР от 23 октября 1956 г. разъяснило судам, что действия, предпринятые потерпевшим или другими лицами по задержанию преступника с целью доставления его в распоряжение соответствующих органов власти, как правомерные, приравниваются к необходимой обороне. Это не означает, конечно, что Пленум считает действия по задержанию преступника состоянием необходимой обороны, а лишь то, что для правомерности действий по задержанию преступника необходимо соблюдение тех же условий, которые законодателем предусмотрены для правомерности необходимой обороны. С этой точки зрения, действия по задержанию преступника, связанные с причинением ему вреда, правомерны, если не были применены такие средства и методы задержания, которые явно не вызывались ни характером преступления, ни реальной обстановкой задержания и без необходимости причинялся преступнику тяжкий вред.

В связи с разработкой проектов Основ многими советскими криминалистами предлагалось разрешить этот вопрос в самом законодательстве. Все предложения сводились в целом к тому, чтобы в законе было записано, что правила о необходимой обороне распространяются также на случаи принятия мер для задержания преступника с целью передачи его соответствующим органам власти⁵⁷.

Большинство советских криминалистов считает, что правила по задержанию преступника следует приравнивать к соответствующим правилам о необходимой обороне⁵⁸.

⁵⁷ Советская юстиция, 1958 г., № 10, стр. 38. Советское государство и право, 1958 г., № 8, стр. 91.

⁵⁸ В. Ф. Кириченко, цитир. произв., стр. 71. Учебник по советскому уголовному праву, 1959 г., стр. 194. Г. Мендельсон и Ю. Ткачевский, Социалистическая законность, 1956 г., № 7, стр. 36.

Однако единой точки зрения по этому вопросу нет. И. И. Слуцкий считает, что «применение к преступнику насилия, не выходящего за пределы необходимых для его задержания мер, представляет собой самостоятельное обстоятельство, исключающее уголовную ответственность»⁵⁹. По мнению И. И. Слуцкого, причинение тяжкого вреда преступнику при его задержании можно признать обстоятельством, исключающим ответственность при наличии условий, относящихся к крайней необходимости⁶⁰.

Нам представляется, что этот вопрос должен различно разрешаться в зависимости от того, когда и при каких условиях были предприняты шаги к задержанию преступника.

Причинение преступнику вреда при его задержании потерпевшим от нападения или иным лицом во время совершенного им нападения или непосредственно после совершенного им нападения под влиянием этого нападения, с нашей точки зрения, по своим правовым последствиям должно приравниваться к необходимой обороне. Для правомерности этих действий требуется, чтобы не были превышены пределы необходимости, т. е. средства и методы задержания преступника не были таковыми, применение которых явно не вызывалось ни характером и опасностью преступления, совершенного задерживаемым преступником, ни реальной обстановкой.

В этом случае, по нашему мнению, нельзя ограничивать права гражданина по задержанию преступника добавочными требованиями: 1) чтобы причиненный задержанному вред был бы менее значительным по сравнению с характером и опасностью совершенного им преступления и 2) чтобы иными средствами невозможно было задержать преступника. Необходимо учесть, что лицо при задержании преступника во время совершения им нападения или непосредственно после нападения не всегда в состоянии точно взвесить характер и степень опасности совершенного преступником посягательства и избрать соразмерные средства задержания, а также правильно оценить все прочие возможности задержания преступника.

Поэтому только причинение тяжкого вреда преступнику при его задержании, если таковое для лица, осуществляющего задержание, явно не вызывалось необходимостью, должно рассматриваться как уголовно-наказуемое деяние и по своей общественной опасности приравниваться к преступлению,

⁵⁹ И. И. Слуцкий, цитир. произв., стр. 60.

⁶⁰ Там же.

совершенному при превышении пределов необходимой обороны.

Нельзя согласиться с проф. Паше-Озерским, который считает, что действия лица, направленные к задержанию преступника, если они не являются необходимыми для его задержания, должны влечь уголовную ответственность на общих основаниях как за соответствующее умышленное или неосторожное преступное деяние⁶¹.

Следует иметь в виду, что мотивом действия лица является желание выполнить свой гражданский долг и оказать содействие органам милиции в задержании преступников.

Лишение жизни или причинение телесного повреждения преступнику при его задержании должны рассматриваться как менее опасные виды соответствующих преступлений. На общих основаниях они могут рассматриваться только в том случае, когда эти действия являлись результатом акта мести — самочинной расправы.

Этот вопрос был разрешен в первом УК РСФСР 1922 г., но остался неразрешенным в последующих УК большинства союзных республик. Нам представляется, что разрешение этого вопроса в Особой части уголовных кодексов, как это имело место в УК РСФСР 1922 г., вполне приемлемо и для ныне действующего законодательства⁶².

Так в ст. 145 УК РСФСР 1922 г. «убийство застигнутого на месте преступления преступника с превышением необходимых для его задержания мер», а в ст. 152 «нанесение тяжкого телесного повреждения застигнутому на месте преступления преступнику с превышением необходимых для его задержания мер» рассматривались как совершение этих преступлений при смягчающих вину обстоятельствах. За эти действия предусматривались те же меры наказания, что и за совершение их с превышением пределов необходимой обороны.

В последующем законодательстве этот вопрос вообще не разрешался, однако нет никаких оснований полагать, что правила, относящиеся к правомерности необходимой обороны не применимы к действиям, направленным к задержанию преступника, застигнутого на месте преступления. Законодательное разрешение этого вопроса необходимо. Как правильно указал В. Ф. Кириченко, законодательное разрешение вопроса

⁶¹ Н. Н. Паше-Озерский, О юридической квалификации действий, направленных к задержанию преступника, Ученые записки, том IX, Труды Юридического факультета, выпуск 3, Ростов-на-Дону, 1957, стр. 163.

⁶² Ст. также Д. М. Могильницкая, Ответственность за умышленное убийство в советском уголовном праве, Автореферат, 1955 г., стр. 13.

об условиях правомерности задержания преступника создаст, с одной стороны, определенные гарантии от неосновательного привлечения к ответственности за вред, причиненный преступнику при его задержании, с другой стороны, явится гарантией для преступника от возможного самосуда и расправы⁶³.

Таким образом мы приходим к выводу, что вопрос о правомерности причинения вреда преступнику при задержании на месте совершения преступления или непосредственно после совершения преступления должен быть решен в тех же рамках, в каких законодатель разрешил вопрос о правильности необходимой обороны.

Позиция нового Уголовного кодекса Украинской ССР по этому вопросу представляется совершенно правильной. В ст. 15 УК УССР 1961 г. сказано, что «действия, совершенные потерпевшим и другими лицами непосредственно после совершения посягательства с целью задержания преступника и доставления его соответствующим органам власти как правомерные приравниваются к необходимой обороне, если они были необходимы для задержания и соответствовали опасности посягательства и обстановке задержания преступника».

Этот вопрос должен быть разрешен и в уголовных кодексах других союзных республик. Он вытекает из жизни, диктуется интересами борьбы с преступностью.

Иные требования следует предъявлять к лицам, применяющим насилие к преступнику с целью его задержания и передачи органам власти при значительном разрыве во времени между окончанием нападения и его задержанием. Субъектом задержания может быть в этом случае как потерпевший, освободившийся от душевного волнения, вызванного нападением и предпринятыми мерами самозащиты, так и любое третье лицо, даже не присутствовавшее при нападении.

В этом последнем случае необходимо, конечно, чтобы лицо, предпринявшее меры к задержанию преступника достоверно знало о совершенном им преступлении и о характере этого преступления.

Верховный Суд Латвийской ССР 3 октября 1959 года совершенно правильно признал в действиях К. и И. наличие умышленного убийства, хотя их действия и были направлены на задержание братьев Т., в которых они подозревали злоумышленников.

⁶³ В. Ф. Кириченко, Обстоятельства, исключющие уголовную ответственность. «Советское государство и право», 1958 г., № 8, стр. 91.

Убийство братьев Т. произошло при следующих обстоятельствах: Жители села «Тали» Эстонской ССР братья Альберт и Кальо Т. купили в Риге аккордеон и возвращались поездом из Риги в Айнажи. Так как они на станции Валмиера не компостировали своих билетов до станции Айнажи, то были контролерами высажены из поезда, не доезжая до станции Айнажи. Они отправились домой пешком. Когда они проходили по территории села «Розени», их заметил житель села И. и сообщил об этом по телефону участковому уполномоченному, от которого получил указание проверить у неизвестных граждан документы.

И. и К., вооружившись винтовками, сели на велосипеды и поехали догонять прошедших по дороге граждан. Они догнали братьев Т. на окраине села. Находясь на расстоянии 50 м от братьев Т. И. и К. слезли с велосипедов и приказали братьям Т. поднять руки вверх. Братья Т. подняли руки вверх, но когда убедились в том, что их преследуют двое вооруженных лиц в частной одежде, они решили, что их хотят ограбить и поэтому пустились бежать. К. и И. без всякого предупреждения открыли огонь по убегающим братьям Т. К. убил наповал Альберта Т., а И. ранил Кальо Т. в левое бедро, причинив ему тяжкие телесные повреждения.

Верховный Суд Латвийской ССР усмотрел наличие состава убийства, предусмотренного ст. 137 УК РСФСР, в действиях К. и наличие состава покушения на убийство, предусмотренного ст. 19 и ст. 137 УК РСФСР, в действиях И.⁶⁴

Верховный Суд Латвийской ССР совершенно справедливо оценил создавшуюся ситуацию, хотя подсудимые И. и К. и утверждали, что, стреляя в убегающих граждан, они имели в виду задержать преступников. Братья Т. не совершали никакого нападения в тот момент, когда в них стреляли И. и К. Не было никаких данных у И. и К. о том, что они ранее совершили преступление, что могло бы оправдать действия, направленные на задержание преступников.

Если же в действительности имело место преступление, но меры по задержанию преступника приняты не непосредственно после его совершения, т. е. при наличии разрыва во времени между преступлением и актом задержания, условия правомерности таких мер должны быть иными.

В этом случае мы склонны согласиться с И. И. Слуцким, что причинение тяжкого вреда преступнику при его задержании можно признать обстоятельством, исключаящим ответ-

⁶⁴ См. дело № К-79 за 1959 г.

ственность, лишь при наличии условий, относящихся к правомерности крайней необходимости⁶⁵, т. е. применительно к задержанию преступника следует выполнить два требования: 1) чтобы задержание преступника при данных обстоятельствах не могло быть осуществлено другими средствами и 2) чтобы причиненный преступнику в связи с его задержанием вред являлся бы менее значительным, чем вред, причиненный его преступлением.

Иными словами, мы выдвигаем требование, чтобы причиненный задержанному вред был бы менее опасным по сравнению с опасностью совершенного им преступления.

Если эти условия не соблюдены, причинение тяжкого вреда преступнику является преступлением.

* * *

Правильное применение законодательства о необходимой обороне и дальнейшее его совершенствование будет способствовать укреплению социалистического правопорядка, пресечению преступных посягательств и выполнению советскими людьми гражданского долга по охране общественного порядка.

Это один из путей к искоренению нарушений правопорядка, к предотвращению преступлений и повышению роли общественности в борьбе за ликвидацию преступлений.

⁶⁵ И. И. Слуцкий, цитир. произв., стр. 61.

М. БЛУМ,

Доцент, канд. юрид. наук

ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА УКРЫВАТЕЛЬСТВО И НЕДОНЕСЕНИЕ ПО УГОЛОВНЫМ КОДЕКСАМ СОЮЗНЫХ РЕСПУБЛИК

В новой Программе КПСС записано, что «в обществе, строящем коммунизм, не должно быть места правонарушениям и преступности»¹.

В связи с этим перед наукой советского уголовного права поставлена наиболее важная задача — способствовать полному искоренению преступности в нашей стране. С этих позиций следует подходить советским ученым к разработке любого уголовно-правового института. Любое предложение, направленное на усовершенствование уголовного законодательства, должно быть подвергнуто критическому анализу именно с точки зрения способствования достижению этой конечной цели.

Программа КПСС, указав на необходимость принять строгие меры наказания к лицам, совершающим опасные для общества преступления, подчеркнула, что «главное внимание должно быть направлено на предотвращение преступлений»².

В данной статье мы пытаемся показать значение правильного решения вопроса об уголовной ответственности за заранее не обещанное укрывательство и недонесение в законодательстве союзных республик для предупреждения преступности и успешной борьбы с различными категориями преступлений.

1. Основы уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик, отражая задачи дальнейшего укрепления

¹ Программа Коммунистической партии Советского Союза, Госполитиздат, 1961, стр. 106.

² Там же.

социалистической законности в период развернутого строительства коммунистического общества, дают не только исчерпывающее понятие соучастия, но и вносят полную ясность в спорный вопрос об ответственности укрывателей и недоносителей, не допуская впредь неосновательного расширения круга лиц, подлежащих уголовной ответственности как соучастников в преступлении.

Таким образом новые Основы уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик создали необходимую предпосылку для правильного и единообразного применения закона о соучастии. Кроме того, Основы дали четкое определение видов соучастников, установив, что пособниками являются, наряду с лицами, содействовавшими совершению преступления советами, указаниями, предоставлением средств или устранением препятствий, также и лица, заранее обещавшие скрыть преступника, орудия и средства совершения преступления, следы преступления либо предметы, добытые преступным путем (ст. 17 Основ).

Таким образом Основы оставили все действия, не находящиеся в причинной связи с наступлением преступных последствий, за рамками соучастия, четко разграничили заранее обещанное укрывательство, как форму пособничества в совершении преступления, ответственность за которое определяется по всем правилам об ответственности соучастников, и заранее не обещанное укрывательство, находящееся вне рамок соучастия (ст. 18 Основ).

Разграничение укрывательства, заранее обещанного, как вида пособничества и укрывательства, заранее не обещанного, как самостоятельного преступления, способствует укреплению социалистической законности, а потому должно встретить единодушное одобрение.

Принципиально правильное и единообразное решение Основами уголовного законодательства вопроса о заранее необещанном укрывательстве следует одобрить и потому, что таким образом ликвидирован существовавший разницей в решении этого вопроса в законодательстве союзных республик³.

Как известно, в вопросе о соучастии вредную позицию занимал А. Я. Вышинский, который считал, что «для понятия

³ Уголовный кодекс РСФСР 1926 г., как и большинство уголовных кодексов союзных республик, рассматривал любое укрывательство как пособничество в преступлении. Уголовные кодексы Украинской ССР 1927 г. и Грузинской ССР 1928 г. заранее не обещанное укрывательство рассматривали как самостоятельные преступления.

соучастия необходимо наличие не причинной связи, а связи вообще данного лица с совершенным преступлением»⁴.

Это положение А. Я. Вышинского подверглось справедливой критике на страницах нашей печати. Даваемая А. Я. Вышинским трактовка соучастия отвергается как порочная, служившая теоретическим оправданием незаконных репрессий.

Совершенно справедливо отмечается в юридической печати, что необходимо глубоко, всесторонне и правильно разобратся в вопросах соучастия, потому что и сейчас еще встречается неверный подход к их решению⁵.

Необоснованно расширял рамки соучастия и П. Мишунин, указывая, что «причинная связь между деятельностью соучастников и наступившим от деятельности исполнителя преступным результатом не является теоретической основой для конструкции соучастия в советском уголовном праве. Для понятия соучастия необходимо наличие минимальной субъективной связи между соучастниками»⁶. Поэтому он возражал против деления укрывательства на заранее обещанное и ранее не обещанное.

Против деления укрывательства на «зачем обещанное» и на «зачем не обещанное» высказывались на страницах юридической печати также М. Меркушев и И. Павлиашвили. М. Меркушев утверждал, что выделение особого понятия заранее не обещанного укрывательства защищает укрывателей тяжких преступлений, что деление укрывательства на «зачем обещанное» и на «зачем не обещанное» затрудняет работу органов следствия, обязывая их доказывать трудно доказуемое⁷.

И. Павлиашвили несостоятельность формулы заранее обещанного и заранее не обещанного укрывательства усматривал главным образом в том, что отрыв заранее не обещанного укрывательства от понятия соучастия ведет на практике к благодушному отношению к укрывателям⁸.

Эта последняя позиция менее всего может претендовать

⁴ А. Я. Вышинский, Вопросы теории государства и права, Госюриздат, М., 1949 г., стр. 119.

⁵ См. Советское государство и право, 1962, № 4, стр. 9.

⁶ П. Мишунин, Институт прикосновенности к преступлению в советском уголовном праве, «Социалистическая законность», 1956 г., № 11, стр. 9—10.

⁷ М. Меркушев, Ответственность за укрывательство, «Социалистическая законность», 1955 г., № 1, стр. 19—24.

⁸ И. Павлиашвили, Ответственность за укрывательство по делам о хищении социалистической собственности, «Социалистическая законность», 1951 г., № 5, стр. 34.

на признание ее принципиальной. Вопрос о мерах наказания за заранее не обещанное укрывательство, безусловно, не может влиять на разрешение вопроса о характере и природе соучастия и отграничение понятия соучастия и прикосновенности. Однако предостережение о недопустимости благодушного отношения к укрывателям следует учесть при определении круга уголовно-наказуемого укрывательства и при установлении санкций за это преступление в уголовных кодексах союзных республик.

2. Основами уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик принципиально разрешен и вопрос об уголовной ответственности за недонесение. Недонесение о достоверно известном готовящемся преступлении, наравне с недонесением о достоверно известном совершенном преступлении, рассматривается Основами в качестве самостоятельного преступления и лишь в случаях, специально предусмотренных уголовным законом. Этот вопрос так же разрешался и в ранее действовавших уголовных кодексах союзных республик.

Казалось бы, что действовавшее на протяжении свыше тридцати лет законодательство не давало оснований для причисления недонесительства, заранее не обещанного, к соучастию. Однако в юридической литературе и этот вопрос разрешался различно. Так, В. Г. Смирнов полагал, что недонесение о готовящемся преступлении, в отличие от недонесения об уже совершенном преступлении, всегда является соучастием, ибо «недонеситель о готовящемся преступлении своим бездействием создает условия для совершения преступления. Его бездействие находится в причинной и виновной связи с результатом деяния других лиц»⁹. Ранее аналогичную точку зрения, хотя не столь категорически, высказывал проф. Трайнин¹⁰.

С таким мнением нельзя согласиться, так как только заранее обещанное недонесение о готовящемся или совершенном преступлении является пособничеством. Оно является одной из форм устранения препятствий к совершению преступления и тем самым содействием его совершению.

Совершенно справедливо указывает М. И. Ковалев, что в причинной связи с преступлением может стоять только заранее обещанное недонесение, ибо оно укрепляет решимость совершить преступление и порождает реальную надежду на

⁹ В. Г. Смирнов, Понятие прикосновенности по советскому уголовному праву, Издательство Ленинградского университета, 1957 г., стр. 88.

¹⁰ Проф. А. Н. Трайнин, Учение о соучастии, М., 1944, стр. 159—160.

безнаказанность. «Недоносительство или попустительство, о котором неизвестно исполнителю, никак не может оказать влияние на его сознание, он действует на свой страх и риск, без надежды на помощь со стороны. Поэтому умолчание о готовящемся преступлении не может служить причиной действий исполнителя и преступного результата. Оно является всего лишь условием благополучного доведения преступления до конца, о котором исполнитель и не ведает¹¹.

К сожалению, в Основах об этом не сказано со всей определенностью, как это сделано в отношении заранее обещанного укрывательства. Нам представляется, что в самом законе (ст. 17 Основ) следовало бы указать, что пособником признается также лицо, заранее обещавшее не донести о готовящемся или совершенном преступлении. В статье 19 Основ следовало указать, что только заранее не обещанное недонесение о достоверно известном готовящемся или совершенном преступлении влечет уголовную ответственность лишь в случаях, специально предусмотренных уголовным законом.

3. Основы уголовного законодательства установили, что специальному уголовному закону надлежит разрешить вопрос, в каких случаях укрывательство и недонесение, не являющиеся видами соучастия, влекут уголовную ответственность. Право устанавливать уголовную ответственность за заранее не обещанное укрывательство и недонесение предоставлено уголовному законодательству Союза ССР в отношении государственных и военных преступлений, а также и иных преступлений, направленных против интересов Союза ССР, и законодательству союзных республик в отношении всех прочих преступлений.

Законодатель Союза ССР воспользовался этим правом только в отношении государственных преступлений. Закон об уголовной ответственности за государственные преступления в ст. 26 предусмотрел уголовную ответственность за недонесение о государственных преступлениях. Указ Президиума Верховного Совета СССР 24 февраля 1961 г. «О внесении дополнений к Закону об уголовной ответственности за государственные преступления» дополнил этот Закон статьей 27, предусматривающей ответственность за заранее не обещанное укрывательство государственных преступлений.

Правильное разрешение вопроса об уголовной ответственности за заранее не обещанное укрывательство и недонесение

¹¹ М. И. Ковалев, К вопросу о понятии соучастия в советском уголовном праве, «Правоведение», 1959 г., № 4, стр. 104.

является одной из важных задач уголовного законодательства союзных республик.

Уголовный закон, предусматривающий ответственность за укрывательство и недонесение, должен способствовать соблюдению морального кодекса строителя коммунизма, включившего и такой нравственный принцип как непримиримость к несправедливости, туеядству, нечестности, карьеризму, стяжательству¹².

4. Прежде чем определить круг преступлений, заранее не обещанное укрывательство которых и недонесение о которых должно влечь уголовную ответственность, следует определить место специальных норм, устанавливающих уголовную ответственность за заранее не обещанное укрывательство и недонесение в системе Особенной части уголовных кодексов союзных республик. Этот вопрос в теории советского уголовного права не находит единообразного разрешения.

Так, В. Г. Смирнов считает, что уголовная ответственность за укрывательство — прикосновенность — должна быть определена в Общей части УК, где должно быть дано определение понятия укрывательства и указано, что мера наказания за укрывательство преступления определяется в пределах санкции статьи, которая предусматривает уголовную ответственность за укрываемое преступление с предоставлением права суду понизить наказание до половины наименьшего срока наказания, предусмотренного в кодексе за укрываемое преступление¹³.

Что касается конструкции уголовной ответственности за недонесение о готовящемся или совершенном преступлении, то, по мнению В. Г. Смирнова, в Общей части УК должна быть помещена статья с указанием на условия ответственности за недонесение. В ней должно быть отражено, что недонесение о готовящемся преступлении является деянием, более общественно-опасным, чем недонесение о совершенном преступлении. В Особенной части УК статьи об ответственности за недонесение, по мнению В. Г. Смирнова, должны быть помещены в тех же главах (разделах), что и статьи об ответственности за преступления, в связи с которыми наказуемо недоносительство¹⁴.

¹² Программа Коммунистической партии Советского Союза, Госполитиздат, 1961 г., стр. 120.

¹³ См. В. Г. Смирнов, Понятие прикосновенности по советскому уголовному праву, Издательство ЛГУ, 1957 г., стр. 87.

¹⁴ Там же, стр. 111.

В. Г. Смирнов не случайно не предусмотрел в Особенной части уголовного кодекса специальной нормы, предусматривающей ответственность за укрывательство, и разместил нормы, предусматривающие ответственность за недонесение, в различных разделах Особенной части. Это положение вытекает из данного автором определения объекта посягательства общественно-опасных деяний, прикосновенных к преступлению. По мнению В. Г. Смирнова, «определяющим объектом посягательства лиц, прикосновенных к преступлению, следует признавать тот объект, на который было направлено укрываемое преступление или преступление, о совершении которого не было сообщено своевременно органам власти»¹⁵.

Однако с этой точкой зрения нельзя согласиться, ибо она приводит к вменению укрывателю и недонесителю того преступления, совершению которого они объективно не содействовали и которое не охватывалось их умыслом.

Заранее не обещанное укрывательство и недонесительство в системе социалистического уголовного права должны занять место в группе посягательств против социалистического правосудия, так как оба этих преступления противодействуют отправлению правосудия и посягают на правильную деятельность органов дознания, следствия и суда, направленную на обеспечение охраны интересов советского социалистического государства, а также прав и интересов граждан от преступных на них посягательств¹⁶.

Умысел укрывателя характеризуется наличием сознания, что он противодействует раскрытию преступления, и желанием оказать такое противодействие государственными органами в раскрытии преступления, вопреки запрету закона. Умысел недонесителя характеризуется наличием сознания, что он не способствует раскрытию преступления, хотя такая обязанность возложена на него законом, и нежеланием способствовать органам власти в раскрытии преступления.

Исходя из вышесказанного, следует заранее не обещанное укрывательство и недонесение поместить в главе, посвященной преступлениям против социалистического правосудия.

Такую позицию и заняли новые уголовные кодексы союзных

¹⁵ См. В. Г. Смирнов, Понятие прикосновенности по советскому уголовному праву, Издательство ЛГУ, 1957 г., стр. 26—27.

¹⁶ См. А. Н. Трайнин, Учение о соучастии, М., 1941, стр. 131; Ш. С. Рашковская, Преступления против социалистического правосудия, М., 1950, стр. 6; Советское уголовное право, часть Особенная, Изд-во Московский Университет, 1957, стр. 328—329.

республик, принятые в течение последних двух лет. Такова же позиция и многих уголовных кодексов стран народной демократии.

Нам представляется, что это и есть единственно приемлемое разрешение данного вопроса.

Спорным является только вопрос о месте норм, предусматривающих уголовную ответственность за укрывательство государственных преступлений и недонесение о государственных преступлениях.

Уголовный кодекс Латвийской ССР и уголовные кодексы большинства других союзных республик статьи, в которых предусмотрена уголовная ответственность за недонесение о государственных преступлениях и за заранее не обещанное укрывательство их, оставили в главе о государственных преступлениях, сохранив полностью систему и структуру Закона об уголовной ответственности за государственные преступления. Этим некоторым образом нарушена принятая в УК Латвийской ССР и уголовных кодексах других республик система построения глав и размещения статей по главам по специальному и непосредственному объекту посягательства, но таким образом обеспечено соблюдение той законодательной оценки этих преступлений, какая дана в общесоюзном законе.

Уголовные кодексы РСФСР и УССР нормы, в которых предусмотрена уголовная ответственность за недонесение о государственных преступлениях и за заранее не обещанное их укрывательство, поместили в главу, посвященную преступлениям против правосудия, то есть, в отличие от общесоюзного закона не признали недонесение о государственных преступлениях и заранее не обещанное их укрывательство государственными преступлениями.

С оценкой этих двух преступлений, данной уголовными кодексами РСФСР и УССР, можно было бы согласиться, однако вряд ли можно признать допустимым такое отклонение уголовного законодательства союзной республики от общесоюзного закона.

5. Разрешив вопрос о месте укрывательства и недонесения в системе Особенной части уголовных кодексов союзных республик, необходимо разрешить вопрос, в каких случаях заранее не обещанное укрывательство и недонесение наказуемы.

Как уже было сказано, этот вопрос разрешен общесоюзным законом в отношении заранее не обещанного укрывательства государственных преступлений и в отношении недонесения о государственных преступлениях.

Так, согласно статье 26 Закона об уголовной ответственности за государственные преступления, наказуемо только недонесение о следующих известных готовящихся или совершенных государственных преступлениях: об измене Родине, шпионаже, террористическом акте, террористическом акте против представителя иностранного государства, диверсии, вредительстве, организационной деятельности, направленной к совершению особо опасных государственных преступлений, а равно участия в антисоветской организации, бандитизме, изготовлении или сбыте поддельных денег или ценных бумаг. Недонесение о выше перечисленных преступлениях наказывается лишением свободы на срок от одного года до трех лет или исправительными работами на срок от шести месяцев до одного года.

Перечень государственных преступлений, заранее не обещанное укрывательство которых наказуемо, дан в статье 27 Закона об уголовной ответственности за государственные преступления (редакции Указа Президиума Верховного Совета СССР 24 февраля 1961 г.). В этот перечень включены все государственные преступления, недонесение о которых наказуемо, и, кроме того, еще и заранее не обещанное укрывательство контрабанды и нарушения правил о валютных операциях.

Заранее не обещанное укрывательство вышеперечисленных государственных преступлений наказывается лишением свободы на срок от одного года до пяти лет и с ссылкой до пяти лет или без ссылки.

Поскольку эти статьи Закона включены в уголовные кодексы союзных республик, постольку вопрос об уголовной ответственности за заранее не обещанное укрывательство государственных преступлений и недонесение о них разрешен единообразно в уголовных кодексах всех союзных республик.

6. Однако вопрос об определении круга прочих преступлений, заранее не обещанное укрывательство которых следует считать преступным и наказуемым деянием, не нашел единообразного разрешения.

Новые уголовные кодексы, принятые союзными республиками в течение 1959—1961 годов, совершенно правильно пошли по пути значительного сужения круга преступлений, заранее не обещанное укрывательство которых наказуемо, однако различно определили круг этих преступлений.

В большинстве уголовных кодексов союзных республик — УК РСФСР, УК УССР, УК БССР, Ук Азб. ССР, УК Молд. ССР, УК Кирг. ССР, Ук Лит. ССР, УК Эст. ССР — дан перечень всех преступлений, заранее не обещанное укрывательство

которых наказуемо. Этот перечень весьма незначителен и различен в перечисленных уголовных кодексах союзных республик.

В перечень преступлений, заранее не обещанное укрывательство которых наказуемо, уголовные кодексы большинства союзных республик включили: умышленное убийство, изнасилование при отягчающих обстоятельствах, кражу и грабеж государственного или общественного имущества, а также личного имущества граждан, совершенные при отягчающих обстоятельствах, и разбой.

Такой перечень дан в УК РСФСР (ст. 189), в УК БССР (ст. 185), УК Кирг. ССР (ст. 193). Уголовные кодексы Аз. ССР (ст. 187), ЭССР (ст. 180) и Молд. ССР (ст. 202) этот перечень расширили, предусмотрев уголовную ответственность также за заранее не обещанное укрывательство хищения при отягчающих обстоятельствах, совершенного любым способом, а не только путем кражи, грабежа и разбоя. УК Украинской ССР предусмотрел наказание еще и за укрывательство дезертирства.

В УК Армянской ССР перечень преступлений, заранее не обещанное укрывательство которых наказуемо, еще шире (ст. 205). Кроме укрывательства хищения государственного и общественного имущества, включены в этот перечень также укрывательство получения взятки при отягчающих обстоятельствах, укрывательство мошенничества при отягчающих обстоятельствах, укрывательство умышленного уничтожения или повреждения личного имущества граждан при отягчающих обстоятельствах, укрывательство нарушения правил безопасности движения и эксплуатации автотранспорта при отягчающих обстоятельствах; укрывательство причинения умышленного тяжкого телесного повреждения.

Перечень преступлений, за заранее не обещанное укрывательство которых предусмотрено наказание, наиболее обширен в УК Литовской ССР (ст. 198). УК Лит. ССР предусматривает уголовную ответственность за укрывательство всех видов хищения, совершенного при отягчающих обстоятельствах, за укрывательство умышленного убийства или убийства начальника военнослужащим, умышленного тяжкого телесного повреждения, совершенного при отягчающих обстоятельствах, за укрывательство изнасилования при отягчающих обстоятельствах, за укрывательство кражи и грабежа, совершенных при отягчающих обстоятельствах, за укрывательство разбоя, за укрывательство обмана покупателей, спекуляции при отягчающих обстоятельствах, побега с места ссылки или самовольного возвращения высланного, за укрывательство нару-

шения водителем правил безопасности движения, совершенного при отягчающих обстоятельствах.

Таким образом, мы видим, что большинство уголовных кодексов союзных республик весьма ограничивает возможность привлечения к уголовной ответственности за заранее не обещанное укрывательство.

Позиция большинства уголовных кодексов союзных республик нам представляется неправильной, не способствующей искоренению тяжких преступлений, неоправданно благодушной к укрывателям преступлений. Следует учесть, что укрывательство преступлений является опасным самостоятельным преступлением против социалистического правосудия, активным содействием преступнику после совершения преступления в его стремлении избежать разоблачения, активным противодействием органам дознания, следствия и суда и их деятельности, направленной на раскрытие преступлений, предупреждение аналогичных преступлений со стороны преступника и возмещение причиненного ущерба государству и гражданам.

В. И. Ленин неоднократно подчеркивал важность того, «чтобы ни ОДИН случай преступления не проходил нераскрытым»¹⁷.

Укрыватель преступления препятствует успешному раскрытию преступления, посягая таким образом на интересы правосудия. Степень его общественной опасности главным образом зависит от опасности укрываемого преступления. Вполне понятно, что наиболее опасным для социалистического общества и его граждан является укрывательство наиболее тяжких преступлений. Нет никакого основания чрезмерно суживать круг этих преступлений, ограничив его лишь государственными преступлениями, убийством, изнасилованием при отягчающих обстоятельствах, разбоем и хищением в крупных размерах. Укрывательство всех тяжких преступлений объективно весьма опасно, а поэтому круг наказуемого укрывательства должен быть настолько широким, чтобы обеспечить успешную борьбу со всеми тяжкими преступлениями.

Нам представляется, что основанием для разграничения наказуемого и ненаказуемого укрывательства должна быть уголовно-правовая оценка укрываемого преступления. Отнесение какого-либо преступления уголовным кодексом союзной республики к категории особо тяжких или тяжких преступлений не может быть безразличным для решения вопроса

¹⁷ В. И. Ленин, Соч., т. 4, стр. 373.

о наказуемости или ненаказуемости укрывательства этого преступления. С нашей точки зрения, укрывательство опасных преступлений должно влечь уголовную ответственность. Нельзя допустить послабления борьбы с наиболее опасными для социалистического общества и его граждан преступлениями, а потому закон не может и не должен гарантировать безнаказанность тем, кто сознательно активно препятствует разоблачению опасных преступлений. Борьба с укрывательством преступлений является одним из способов предотвращения преступлений, поэтому этому вопросу должно быть уделено самое серьезное внимание.

Поскольку оценку степени общественной опасности преступления законодатель дает в санкции соответствующей статьи, устанавливая во всех без исключения случаях более суровое наказание за более тяжкое и опасное преступление, а опасность укрывательства определяется опасностью укрываемого преступления, постольку представляется правильным при определении уголовно-наказуемого укрывательства не искать какого-то нового произвольного критерия, а исходить из наказуемости укрываемого преступления.

Разве можно согласиться с тем, что не является наказуемым заранее не обещанное укрывательство столь опасных воинских преступлений, как предусмотренное в Законе об уголовной ответственности за воинские преступления, сопротивление начальнику или принуждение его к нарушению служебных обязанностей (ст. 4 п. «б» и «в»), насильственные действия в отношении начальника (статья 6), дезертирство (статья 11), самовольное оставление поля сражения (статья 27), добровольная сдача в плен (статья 28), мародерство (статья 30) и др.

Вряд ли следует согласиться и с тем, что умышленное укрывательство злостных спекулянтов, злостных взяточников, злостных хулиганов, а также сокрытие следов этих и других тяжких преступлений, совершенных из корыстных или иных низменных побуждений, сводится большинством из перечисленных кодексов только к нарушению норм коммунистической морали, только к моральной вине.

Такое положение не соответствует социалистическому правосознанию советских граждан.

Прав И. Е. Фарбер в том, что «утверждение и развитие социалистического правосознания есть необходимая и весьма

¹⁸ И. Е. Фарбер, Проблемы социалистического правосознания в свете решений XXII съезда КПСС, Советское государство и право, 1962 г., № 2, стр. 47.

существенная часть многогранного процесса коммунистического воспитания»¹⁸, так и в том, что категория справедливости занимает большое место в социалистическом правосознании не только как понятие, но и как чувство справедливости советского права¹⁹.

Обеспеченная уголовными законами безнаказанность укрывательства многих тяжких преступлений противоречит чувству справедливости советских граждан, не соответствует новым правовым требованиям к человеческому поведению.

Большинство уголовных кодексов союзных республик одинаково определили рамки наказуемого укрывательства и недонесения, отразив различную степень опасности этих двух посягательств только в санкциях соответствующих статей. С такой постановкой вопроса также нельзя согласиться, ибо грань между степенью общественной опасности укрывательства и недонесения необоснованно стирается, сглаживается.

Следует учесть различную природу укрывательства и недонесения. Укрывательство любого преступления — это активное действие, сознательное воспрепятствование органам правосудия в их борьбе с опасными преступлениями и вместе с тем и посягательство на безопасность граждан. От каждого гражданина можно и нужно требовать, чтобы он не совершал действий, опасных для советского общества и граждан.

Учитывая выше высказанные соображения, мы полагаем, что более правильной является позиция уголовных кодексов Латвийской ССР, Казахской ССР и Грузинской ССР, которые установили более широкие рамки наказуемого укрывательства, чем уголовные кодексы РСФСР, БССР, Кирг. ССР, Аз. ССР, УССР и др. республики, хотя они и оказались в меньшинстве.

Уголовный кодекс Латвийской ССР заранее не обещанное укрывательство считает уголовно-наказуемым деянием, если за укрываемое преступление законом предусмотрено лишение свободы на срок свыше пяти лет (ст. 182). УК Казахской ССР ред. 1962 г. наказуемым считает заранее не обещанное укрывательство преступления, за которое законом назначено лишение свободы на срок от пяти лет (ст. 195). УК Грузинской ССР наказуемым считает заранее не обещанное укрывательство преступления, за которое по закону может быть назначено лишение свободы на срок свыше трех лет (ст. 205). Позиция УК Грузинской ССР по этому вопросу представляется наиболее правильной. Среди преступлений, за

¹⁹ Там же.

которые по закону может быть назначено лишение свободы на срок свыше трех лет, но не свыше пяти лет, есть и такие, укрывательство которых весьма опасно, в особенности, если оно совершено из корыстных или иных низменных побуждений или неоднократно, поэтому гарантировать ненаказуемость таких деяний вряд ли целесообразно. Представляется правильным всем уголовным кодексам союзных республик последовать примеру УК Грузинской ССР.

7. Не только вопрос о наказуемости заранее не обещанного укрывательства различно разрешен в новых уголовных кодексах союзных республик. Различно разрешен также и вопрос о мерах наказания за заранее не обещанное укрывательство.

Уголовные кодексы некоторых союзных республик в самом законе не определяют меру наказания в зависимости от степени опасности укрываемого преступления и предусмотренной законом меры наказания за него. Суд имеет возможность учесть различную степень опасности заранее не обещанного укрывательства, определяя за него наказание в пределах санкции статьи.

Так определили наказание УК РСФСР, УК УССР, УК БССР, УК Кирг. ССР, УК Казах. ССР и др., при этом мера наказания за это преступление различна и в уголовных кодексах этих республик.

Так, заранее не обещанное укрывательство преступлений по УК РСФСР и УК Молдавской ССР наказуется лишением свободы на срок от одного года до пяти лет или исправительными работами на срок до одного года. По УК Арм. ССР, УК Казах. ССР и УК Лит. ССР заранее не обещанное укрывательство наказуется лишением свободы на срок до пяти лет или исправительными работами на срок до одного года.

УК Аз. ССР и УК БССР за это преступление установили лишение свободы на срок до трех лет или исправительные работы на срок до одного года.

В УК Эст. ССР мера наказания за заранее не обещанное укрывательство установлена в зависимости от опасности укрываемого преступления: лишение свободы на срок до трех лет или исправительные работы на срок до одного года установлены за заранее не обещанное укрывательство хищения государственного или общественного имущества и убийства; лишение свободы на срок до одного года и шести месяцев или исправительные работы на срок до одного года или общественное порицание установлены за заранее не обещанное

укрывательство преступлений против личной собственности граждан: кражи, грабежа и разбоя.

Согласно УК Латвийской ССР, как и УК Груз. ССР мера наказания за заранее не обещанное укрывательство зависит от тяжести укрываемого преступления и предусмотренного законом наказания за это преступление.

Если за укрываемое преступление законом предусмотрено лишение свободы на срок свыше пяти лет, то заранее не обещанное его укрывательство наказывается по УК Латв. ССР лишением свободы на срок до двух лет или исправительными работами на срок до одного года, или штрафом в размере до ста рублей (ч. I ст. 182). Если же за укрываемое преступление законом предусмотрено лишение свободы на срок свыше десяти лет или высшая мера наказания, то заранее не обещанное его укрывательство наказывается по УК Латв. ССР лишением свободы на срок до четырех лет или исправительными работами на срок до одного года, или штрафом в размере до трехсот рублей (ч. II ст. 182).

Укрывательство преступления, за которое по закону может быть назначено лишение свободы на срок десять лет и более, наказывается по УК Груз. ССР лишением свободы на срок до пяти лет (ч. 2 ст. 205).

По УК Грузинской ССР заранее не обещанное укрывательство преступления в случаях, если за укрываемое преступление по закону может быть назначено лишение свободы на срок свыше трех лет, наказывается лишением свободы на срок до двух лет или исправительными работами на срок до одного года (ч. I ст. 205).

Нам представляется правильной позиция уголовных кодексов тех союзных республик, которые учитывают различную степень опасности укрывательства в зависимости от опасности укрываемого преступления. Естественно, что наказание за укрывательство преступлений, за которые может быть назначено лишение свободы свыше 10 лет или расстрел, должно быть более строгим, чем за укрывательство прочих преступлений.

Именно такую позицию заняло большинство уголовных кодексов стран народной демократии. Например, уголовный кодекс Чехословацкой республики предусматривает за укрывательство преступлений, за которые закон устанавливает смертную казнь, пожизненное заключение или лишение свободы на срок не ниже десяти лет, лишение свободы на срок от одного года до пяти лет (ч. 2 § 163); за укрывательство всех прочих преступлений лишение свободы на срок от трех месяцев до трех лет (ч. I § 163).

Эта точка зрения совершенно правильная, ибо следует учесть, что укрыватель сознает, какое преступление он укрывает.

Тяжесть укрываемого преступления больше, чем все прочие признаки, характеризует степень опасности заранее не обещанного укрывательства. Однако и мотивы действия укрывателя не могут быть безразличны для определения степени общественной опасности укрывательства.

Низменные побуждения, желание извлечь материальную выгоду свидетельствуют о большой опасности укрывателя.

Уголовный кодекс Народной Республики Болгарии счел даже необходимым в самом законе указать на корыстный мотив укрывательства как на признак,отягчающий укрывательство (ч. 2 ст. 226). Если же низменный мотив укрывательства не предусмотрен самим законодателем как отягчающий признак, то необходимо обеспечить суду возможность учесть и этот признак в пределах относительно-определенной санкции.

8. Недонесение в уголовно-правовом смысле — это бездействие, несообщение соответствующим органам власти о достоверно известном готовящемся или совершенном преступлении, донесение о котором законодатель вменил в обязанность каждого гражданина, очертив таким образом круг уголовно наказуемого недонесения.

Донесение о всех прочих преступлениях, не перечисленных в законе, является моральной обязанностью гражданина, диктуемой сознанием общественного долга, нетерпимостью к нарушениям общественных интересов.

Законодателю каждой союзной республики надлежало решить вопрос о том, в каких случаях недонесение о готовящемся или совершенном преступлении влечет уголовную ответственность, в каких оно является аморальным поступком, неоказанием содействия органам дознания, следствия и суда в их борьбе с преступностью.

Вопрос об определении понятия наказуемого недонесения, за исключением недонесения о государственных преступлениях, также не нашел одинакового решения в новых уголовных кодексах союзных республик, хотя до принятия союзными республиками новых уголовных кодексов ответственность за недонесение определялась единообразно на всей территории Советского Союза не только в отношении государственных преступлений, но также и в отношении всех прочих преступлений.

Уголовный кодекс Латвийской ССР предусматривает ответственность за недонесение о следующих достоверно известных преступлениях: о хищении государственного или обще-

ственного имущества путем кражи или грабежа, совершенных в крупных размерах или особо опасным рецидивистом, о хищении государственного или общественного имущества путем разбоя, о хищении государственного или общественного имущества путем присвоения, растраты или злоупотребления служебным положением в крупных размерах, о хищении государственного или общественного имущества путем мошенничества, причинившего крупный ущерб государственной или общественной организации или совершенного особо опасным рецидивистом, о хищении государственного или общественного имущества в особо крупных размерах, об умышленном убийстве при отягчающих обстоятельствах и без отягчающих обстоятельств, о разбое, о краже оружия или взрывчатых веществ, совершенной в крупных размерах или особо-опасным рецидивистом, о сопротивлении начальнику или принуждении его к нарушению служебных обязанностей, если они сопряжены с умышленным убийством начальника или иного лица, исполняющего обязанности по военной службе, либо в военное время или в боевой обстановке.

Таким образом, в УК Латвийской ССР предусмотрена уголовная ответственность за недонесение о хищении государственного или общественного имущества (семь составов), за недонесение об убийстве (три состава), за недонесение о разбое (один состав). УК Латвийской ССР сохранил в основном ранее действовавшее положение об ответственности за недонесение, дополнив существовавший перечень преступлений, недонесение о которых наказуемо, только умышленным убийством.

Дальнейшее расширение рамок наказуемого недонесения представляется излишним. Устанавливая ответственность за недонесение, следует учитывать не только степень общественной опасности того или другого преступления, но и раскрываемость определенной категории преступлений. Исходя из этого соображения, можно отказаться от уголовной ответственности за недонесение о тяжком телесном повреждении, ибо эти преступления обыкновенно совершаются открыто и их раскрытие не составляет особых трудностей.

Нет никакой необходимости вновь предусмотреть ответственность за недонесение о прочих преступлениях.

Наше государство привлекает всеми средствами широкую общественность к активному участию в борьбе с преступлениями, однако вовлечение общественности осуществляется на добровольных началах. Возложение на гражданина правовой обязанности сообщать органам власти о готовящемся или уже

совершенном преступлении может быть оправдано только особыми условиями, когда преступление является особо тяжким, а его раскрытие весьма затруднительным.

Во всех прочих случаях следует борьбу с недонесением осуществлять мерами общественного воздействия, воспитывая в гражданах чувство ответственности перед обществом.

УК Грузинской ССР к уголовно наказуемому недонесению отнес тоже только недонесение о готовящемся или совершенном хищении государственного или общественного имущества в крупных размерах или особо опасным рецидивистом, умышленном убийстве и разбое (статья 206).

Уголовный кодекс Литовской ССР дополнил перечень преступлений, недонесение о которых наказуемо, еще одним преступлением — грабежом при отягчающих обстоятельствах (статья 197).

Уголовный кодекс Эстонской ССР разрешил вопрос об уголовной ответственности за недонесение почти так же, как и УК Латв. ССР (статья 181 УК Эст. ССР).

УК УССР (статья 187), УК Казах. ССР (статья 196) и УК Азербайджанской ССР (статья 186) предусмотрели уголовную ответственность еще и за недонесение об изнасиловании при отягчающих обстоятельствах и о краже и грабеже, совершенных особо опасными рецидивистами, УК Азербайджанской ССР еще и об убийстве матерью новорожденного ребенка.

Уголовные кодексы РСФСР (статья 190), БССР (статья 186) и Молдавской ССР (статья 203) также предусматривают уголовную ответственность за недонесение об изнасиловании, краже и грабеже, но за недонесение о хищении предусматривают уголовную ответственность только в случае совершения его путем кражи или грабежа при отягчающих обстоятельствах или хищения в особо крупных размерах.

9. Различно определена и мера наказания за недонесение о преступлениях, но ни один из уголовных кодексов союзных республик не предусматривает повышенного наказания за недонесение о готовящемся преступлении по сравнению с недонесением о совершенном преступлении. Суду предоставлено право учесть это обстоятельство при определении наказания за недонесение в рамках санкции статьи:

Недонесение о преступлениях, предусмотренных уголовным кодексом Латвийской ССР, наказывается лишением свободы на срок до двух лет или исправительными работами на срок до одного года, или штрафом в размере до пятидесяти рублей.

Уголовные кодексы Литовской и Азербайджанской ССР за это преступление предусматривают лишение свободы или

исправительные работы на такой же срок, а штрафа не предусматривают.

УК РСФСР предусматривает наиболее строгое наказание за недонесение — лишение свободы на срок от одного года до трех лет или исправительные работы на срок от шести месяцев до одного года.

УК Молдавской ССР — лишение свободы на срок до трех лет или исправительные работы на срок до одного года.

УК Эст. ССР установил наказание за недонесение в зависимости от опасности преступления, о котором не доносится. Недонесение о хищении и убийстве наказывается лишением свободы на срок до одного года и шести месяцев или исправительными работами на срок до одного года, недонесение о разбое — лишением свободы на срок до шести месяцев или исправительными работами на срок до одного года, или общественным порицанием.

Уголовные кодексы Украинской ССР, Белорусской ССР и Грузинской ССР наказывают недонесение менее строго — лишением свободы на срок до одного года или исправительными работами на этот же срок, причем УК Груз. ССР предусмотрел альтернативно еще и общественное порицание.

УК Казахской ССР наказывает недонесение только исправительными работами на срок до одного года.

Нам представляется, что нет необходимости предусмотреть строгое наказание за недонесение, однако нельзя согласиться с тем, что органы дознания и следствия вовсе проходят мимо этих явлений, недостаточно борются с недонесением о готовящихся или совершенных тяжких преступлениях, не способствуя развитию социалистического правосознания граждан. Только недостаточной борьбой с этим явлением можно объяснить отсутствие уголовных дел о недонесении в практике судебно-следственных органов нашей республики.

Привлекать к уголовной ответственности следует не столько ради строгого наказания, сколько «ради публичной огласки и разрушения всеобщего убеждения в ненаказуемости виновных»²⁰.

*

Правильное разрешение вопроса об ответственности за заранее не обещанные укрывательство и недонесение должно способствовать искоренению опасных преступлений и предупреждению их, укреплению социалистической законности и правосознания советских граждан.

²⁰ В. И. Ленин, Соч., т. 36, Изд. 4-ое, стр. 512.

А. ЛИЕДЕ,

Доцент, канд. юрид. наук

ОБЩЕСТВЕННОЕ ОБВИНЕНИЕ И ОБЩЕСТВЕННАЯ ЗАЩИТА

I

Развитие социалистической государственности постепенно должно привести к преобразованию ее в общественное коммунистическое самоуправление. На XXII съезде КПСС принятая Программа КПСС не только определила это положение, но и наметила главные направления в дальнейшем развитии социалистической государственности. Такими главными направлениями являются: всемерное развертывание и совершенствование социалистической демократии, активное участие всех граждан в управлении государством, в руководстве хозяйственным и культурным строительством, улучшении работы государственного аппарата и усиление народного контроля над его деятельностью¹.

Из этого можно вывести суждение, что процесс перерастания социалистической государственности в коммунистическое самоуправление возможен по двум параллельным взаимосвязанным руслам: по пути привлечения граждан к выполнению функций государственных органов, и по пути передачи функций государственных органов общественным организациям. Это и отмечено в Отчете Центрального Комитета КПСС XXII съезду КПСС².

Расширение участия общественности в осуществлении таких функций государственных органов как борьба с право-

¹ Программа Коммунистической партии Советского Союза, Госполитиздат, 1961 г., стр. 101.

² Н. С. Хрущев, Отчет Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза XXII съезду партии, Госполитиздат, М., 1961 г., стр. 102.

нарушениями и преступностью протекает по этим же указанным руслам: по пути все более широкого участия общественности в деятельности органов следствия и суда (например, участие представителей общественных организаций на суде в качестве общественных обвинителей и общественных защитников) и по пути передачи общественным организациям известных функций, осуществлявшихся ранее органами милиции, прокуратуры и суда (например — деятельность товарищеских судов, добровольных народных дружин).

Предметом исследования в данной статье является лишь узкий раздел форм участия общественности в деятельности государственных органов — ее участие при отправлении правосудия в виде осуществления представителями общественных организаций общественного обвинения и общественной защиты.

Институт общественного обвинения и общественной защиты, восстановленный Основами уголовного судопроизводства 1958 года, своими истоками уходит в прошлое — к самому начальному периоду образования советского социалистического государства.

В предлагаемой вниманию читателей статье рассмотрены некоторые вопросы развития этого института и отдельные вопросы осуществления общественного обвинения и общественной защиты в практике.

II

ОБЩЕСТВЕННОЕ ОБВИНЕНИЕ И ОБЩЕСТВЕННАЯ ЗАЩИТА ПО ДЕЙСТВУЮЩЕМУ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ

Новым важным этапом в развитии института общественного обвинения и общественной защиты явилось издание в 1958 году Основ уголовного судопроизводства СССР и союзных республик, а затем — издание новых Уголовно-процессуальных кодексов союзных республик.

В статье 41 Основ установлено, что «представители общественных организаций трудящихся могут быть по определению суда допущены к участию в судебном разбирательстве уголовных дел в качестве общественных обвинителей или защитников».

Регламентация общественного обвинения и общественной защиты в отдельной статье Основ уголовного судопроизводства подчеркивает особую их значимость в настоящее время, указывает на большую роль этого института в советском уго-

ловном процессе на переходном этапе от социализма к коммунизму.

Значение института общественного обвинения и общественной защиты в последнее время еще возросло в связи с решениями XXI и XXII съезда КПСС, в которых подчеркнута особая роль общественности в борьбе с правонарушениями и преступностью.

Следует отметить, что наряду с общественной защитой (ст. 41 Основ уголовного судопроизводства), должностной (адвокатской) защитой (ст. 22 Основ), в качестве защитника в уголовном процессе допускаются также представители профессиональных союзов и других общественных организаций (ст. 22, ч. III Основ). В отношении обвинителей такого дополнительного правила нет.

Отличие в процессуальном положении общественного защитника предусмотренного ст. 41 и защитника — представителя общественной организации по ст. 22 Основ уголовного судопроизводства 1958 года весьма большое. В первом случае это *общественный защитник*, участвующий исключительно лишь в судебном разбирательстве (ст. 41). Во втором случае это *защитник*, со всеми правами адвоката, выступающий по полномочию общественной организации для оказания обвиняемому всей необходимой юридической помощи. Такой защитник — представитель общественной организации имеет право участвовать в деле со стадии предварительного следствия (ст. 22 Основ).

Основы уголовного судопроизводства 1958 года по сравнению с Основами 1924 года несколько сузили допустимый общественный характер обвинения и значительно расширили общественную защиту.

По смыслу ст. 18 Основ уголовного судопроизводства 1924 года и уголовно-процессуальному законодательству союзных республик в период, предшествовавший изданию Основ 1958 года, представлялось возможным допущение представителей общественных организаций к поддержанию обвинения наравне с прокуратурой. Практически такая форма обвинения некоторое время осуществлялась прямо по ордерам прокуратуры гражданами, привлеченными прокуратурой к отправлению функций обвинителя. Такая возможность Основами уголовного судопроизводства 1958 года исключена.

Регламентируя в статье 40 участие прокурора в судебном разбирательстве, подробно излагая его права и обязанности в этой стадии судопроизводства, в том числе право поддержания обвинения перед судом, право дачи заключений, право

и обязанность отказа от обвинения в определенных случаях, Основы 1958 года и созданные в соответствии с ними новые УПК союзных республик не отождествляют по этим вопросам прокурора и общественного обвинителя.

Конечно, нельзя ставить в настоящее время знак равенства между государственным обвинением, осуществляемым прокуратурой, и деятельностью общественного обвинителя.

В чем же основное отличие в их процессуальном положении и задачах?

XXI съезд КПСС поставил перед советской общественностью большую и важную задачу — искоренение преступности. В отчетном докладе на съезде сказано: «Разве советская общественность не может справиться с нарушителями социалистического правопорядка? Конечно, может. Наши общественные организации имеют не меньше возможностей, средств и сил для этого, нежели органы милиции, суда и прокуратуры»³.

Усиленное вовлечение общественности в борьбу с правонарушителями однако не значит, что тем самым в настоящее время в этой области уже ограничивается роль государственных органов, призванных осуществлять контроль за строгим соблюдением норм советского права.

«Используя все необходимые средства воспитания, убеждения и силу общественности в отношении правонарушителей, общенародная государственная власть должна без колебания применять и средства принуждения»⁴.

Лишь взаимодействие и самое тесное сотрудничество государственных органов, общественных организаций и самых широких масс трудящихся обеспечит успешную борьбу за искоренение преступности. Их работа в этом направлении должна идти параллельно, при чем общественности в борьбе с преступностью отводится главным образом профилактическая, воспитательная работа.

«Передача многих важных государственных функций общественным организациям, постепенное превращение силы убеждения в основной метод регулирования жизни советского общества не означает и не может означать ослабление контроля за строгим соблюдением норм советского права, дисциплины труда и жизни. Мы должны воспитывать уважение к советским законам. В полную меру надо использовать и

³ Н. С. Хрущев, О контрольных цифрах развития народного хозяйства СССР на 1959—1965 годы, Госстатиздат, М., 1959 г., стр. 121.

⁴ Из речи тов. М. А. Сулова на XXII съезде КПСС, Литературная газета, от 24 X 1961 г., стр. 2.

силу закона и силу общественного воздействия, влияния»⁵.

Если с точки зрения задач, поставленных XXI и XXII съездами партии перед общественностью в борьбе с правонарушителями, рассматривать направленность деятельности общественных обвинителей и общественных защитников в судопроизводстве, то представляется совершенно ясным, что общественное обвинение и общественная защита на суде в данном периоде строительства коммунизма должна иметь в основном моральный, воспитательный характер.

Это, конечно, не значит, что в процессе постепенной передачи общественным организациям некоторых функций государственных органов, на общественных обвинителей и защитников перелagается вся нравственно-воспитательная сторона судебного разбирательства. Деятельность суда, прокурора, адвоката и в этом отношении должна сочетаться с работой общественного обвинителя и общественного защитника, призванных содействовать осуществлению правосудия.

Судебная практика показывает, что именно так и развивается применение института общественного обвинения и общественной защиты, предусмотренного ст. 41 Основ уголовного судопроизводства СССР и союзных республик 1958 года.

Итак, значение новой более четкой формы общественного обвинения и защиты, установленной Основами уголовного судопроизводства 1958 года можно свести к следующему.

Правила Основ об участии в уголовном судопроизводстве общественного обвинителя и общественного защитника открывают широкую возможность дальнейшей активизации общественности в борьбе с правонарушителями.

Суживая по сравнению с прежним законодательством процессуальные границы общественного обвинения, Основы указывают на моральную, воспитательную направленность деятельности общественного обвинителя.

Не ставя знака равенства между должностным прокурорским обвинением на суде и выступлением общественного обвинителя, Основы подчеркивают значимость государственного обвинения на данном этапе развития советской государственности.

Представителям общественных организаций Основы предоставляют возможность оказывать обвиняемому как всю необходимую юридическую помощь (ст. 22 и ст. 23 Основ),

⁵ Из отчета Центрального Комитета КПСС XXII съезду КПСС. См. доклад товарища Н. С. Хрущева, газ. Известия от 18 X 1961 г., стр. 8.

так и участвовать в судебном разбирательстве уголовных дел в качестве общественных защитников (ст. 41 Основ).

Эти положения Основ уголовного судопроизводства 1958 года теперь получили дальнейшее развитие в уголовно-процессуальных кодексах союзных республик.

Правила УПК Латвийской ССР по вопросам общественного обвинения и общественной защиты рассмотрены в следующей главе.

Новые правила об участии в уголовном судопроизводстве представителей общественных организаций — это одна из форм расширения участия общественности в осуществлении некоторых функций государственных органов по мере успешного строительства коммунизма.

В этом значении общественная форма обвинения и защиты в настоящее время характеризует лишь советский уголовный процесс. В уголовно-процессуальном законодательстве зарубежных социалистических государств такой формы сейчас почти нет.

В области обвинения в этих странах господствует должностная форма — прокурорское публичное обвинение⁶.

УПК Народной Республики Болгарии известна также такая форма, как обвинение, поддерживаемое потерпевшим по делам общего характера наряду с прокурором в то время, как частное обвинение известно всем УПК стран народной демократии. Что же касается уголовно-процессуального законодательства капиталистических стран, то ему уже по своей природе не свойствен институт общественного обвинения, хотя наряду с государственным (публичным) обвинением иностранно регламентированы права обвинителя — потерпевшего (например, в современной Англии). Однако обвинение, поддерживаемое потерпевшим, скорее подходит под понятие частного обвинения, а не общественного. Нельзя согласиться по этому вопросу с классификацией проф. М. А. Чельцова, рассматривающего обвинение, поддерживаемое потерпевшим также как вид общественного обвинения⁷. Потерпевший ни в какой мере не является представителем общественности.

⁶ Уголовному процессу Китайской Народной республики форма общественного обвинения известна. Общественный обвинитель осуществлял либо функции прокурора, либо выступал как «обвиняющий гражданин» (общегражданское обвинение). В настоящее время и здесь обе эти формы вытеснило должностное (государственное) обвинение, осуществляемое прокуратурой (см. В. Е. Чугунов, Уголовное судопроизводство Китайской Народной Республики, Госюриздат, М., 1959, стр. 174—176).

⁷ См. проф. М. А. Чельцов, Советский уголовный процесс, изд. второе, М., 1951 г., стр. 197 и далее.

То же приходится сказать и в отношении защиты.

УПК Польской Народной Республики круг защитников по уголовному делу ограничивает «лицами, пользующимися правом выступать в суде, согласно правилам об устройстве адвокатуры» (ст. 78 УПК Польской Народной Республики). УПК Германской Демократической Республики в качестве защитников по уголовному делу также допускает только адвокатов (§ 75 УПК ГДР). Такие же правила находим и в УПК Венгерской Народной Республики (§ 48), в УПК Чехословацкой Республики 1950 года (§ 43). Лишь в Народной Республике Албании, как исключение из общего правила об осуществлении защиты членами коллегии адвокатов, допускается выступление на суде в качестве защитников между прочим также «уполномоченных представителей учреждений, предприятий и организаций» (ст. 53 УПК Народной Республики Албании). Подобное же правило в отношении круга защитников находим еще в УПК Корейской Народно-Демократической республики (ст. 41 УПК КНДР)⁸.

III

ЧАСТНЫЕ ВОПРОСЫ ОБЩЕСТВЕННОГО ОБВИНЕНИЯ И ОБЩЕСТВЕННОЙ ЗАЩИТЫ

В 41 статье Основ уголовного судопроизводства СССР и союзных республик 1958 года закреплено лишь принципиальное положение о том, что представители общественных организаций трудящихся могут быть по определению суда допущены к участию в судебном разбирательстве уголовных дел в качестве общественных обвинителей или защитников. В Основах находим только три самых общих процессуальных указания: представителям общественных организаций разрешается выполнение функций обвинения и защиты по уголовному делу; это их право ограничено судебным разбирательством; для их допущения к участию в процессе необходимо определение суда. Практической судебной работе нужную

⁸ Данные уголовно-процессуального законодательства стран народной демократии подчерпнуты из сборника под ред. проф. Д. С. Карева «Уголовно-процессуальное законодательство зарубежных социалистических государств», Госюриздат, М., 1956 г. Новейшие законодательные акты в области уголовного процесса изменений по рассматриваемому вопросу почти не внесли.

детализацию института Основы оставили республиканскому уголовно-процессуальному законодательству.

В настоящее время накоплен уже известный опыт выступлений в судах общественных обвинителей и защитников, однако практика показывает, что здесь еще много неясностей и противоречий. Различен подход к решению одних и тех же вопросов. Попытаемся разобраться в тех из них, которые более настоятельно требуют правильного и единообразного практического решения.

1. ВОПРОСЫ ВСТУПЛЕНИЯ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОБВИНИТЕЛЕЙ И ЗАЩИТНИКОВ В ПРОЦЕСС

В 41 статье Основ уголовного судопроизводства установлено, что общественные обвинители и защитники могут быть допущены к участию в процессе лишь по определению суда. Было бы неправильно понимать это лишь как правило процессуального оформления известного акта. Сущность этой нормы в ином. Суду предоставлено право контроля над вступлением в процесс дополнительных участников процессуальной деятельности, какого суд не имеет относительно, например, прокурора или адвоката, исполняющих свои обязанности на основании закона и занимаемой должности. Однако этот контроль — допущение общественного обвинителя и общественного защитника в процесс определением суда не следует понимать как какой-то надзор за волей общественности защищать или обвинять того или иного подсудимого. Право суда решать своим определением вопрос о допущении представителей общественности к участию в судебном разбирательстве может быть понято как право проверки полномочий представителя общественной организации. Суд должен установить: действительно ли данное лицо уполномочено волей общественности к представительству в суде, какие именно задания по обвинению или защите имеет представитель от своей организации, в надлежащем ли порядке документация этих полномочий.

По этим вопросам в практике народных судов Латвийской ССР до вступления в законную силу УПК Латвийской ССР не было достаточной ясности. Представители общественности допускались в процесс на основании различных документов.

При проверке их полномочий, предъявлялись различные и, порой, неправильные требования. Иногда народный суд для подтверждения полномочий общественного обвинителя и защитника требовал выписку из протокола общего собрания организации или из протокола заседания представительного органа этой организации — профкома, месткома и т. п. В других случаях народный суд требовал доверенность, выданную представительным органом общественной организации. В большинстве же случаев требовалось предъявление и того и другого, т. е. и выписки из протокола и доверенности, но и теперь еще мало внимания обращается на самое содержание полномочий.

Что же необходимо для удостоверения полномочий общественного обвинителя или защитника при их вступлении в процесс?

Необходимо удостоверение представительства, т. е. права выступать на суде от имени общественной организации. Необходимо также наказ общественной организации своему представителю выступать в суде в определенном качестве: общественного обвинителя или же общественного защитника. Поэтому в полномочиях представителя общественной организации должно быть указано на обсуждение в организации действий подсудимого, составляющих предмет судебного разбирательства и, как следствие — определенный наказ представителю по обвинению или защите. Удостоверение этих фактов, т. е. полномочий представителя и направленности его выступления на суде соответственно воле коллектива, может быть выражено в одном документе: доверенности, выданной на основании протокола общего собрания или заседания представительного органа соответствующей организации⁹. Решение не общего собрания, а представительного органа организации — профкома, месткома и т. п. не может быть признано достаточным в тех случаях, когда общественному защитнику дается наказ о взятии на поруки, ибо на поруки может взять, т. е. осуществлять перевоспитание и исправление виновного, лишь коллектив трудящихся, а не его представительный

⁹ УПК Латвийской ССР такую доверенность предлагает облекать в форму ходатайства: «Общественный обвинитель, равно как и общественный защитник должны предъявить суду ходатайство, выданное представительным органом общественной организации на основании решения общего собрания организации или постановления заседания ее представительного органа в связи с конкретным делом (ст. 250, ч. II).

орган¹⁰. Следовательно надлежащий источник полномочий (решение общего собрания или представительного органа организации) определяется их объемом. Для ходатайства о передаче на поруки необходимо решение общего собрания организации.

Народные суды Латвийской ССР от общественного обвинителя и защитника для удостоверения их полномочий требовали предъявления: как постановления общественной организации (выписку из протокола общего собрания или заседания комитета), так и доверенности. В практике были случаи недопущения судом представителя общественной организации к участию в процессе лишь на том основании, что представлена только доверенность. Так, например, народный суд Пролетарского района города Риги в сентябре 1959 года не допустил к участию в судебном заседании общественного защитника лишь на основании отсутствия у него выписки из протокола заседания местного комитета общественной организации. Рассмотрение дела было отложено. К следующему судебному заседанию общественный защитник представил требуемую выписку, подписанную лицами ранее подписавшими доверенность, и лишь после этого был допущен к участию в процессе.

Такое формальное требование народного суда нельзя признать обоснованным. Для подтверждения правомочий общественного обвинителя или общественного защитника совершенно достаточно представление в суд доверенности, выданной на основании решения общего собрания организации или постановления заседания представительного органа этой организации. В такой доверенности должно быть указано как право представительства, так и наказ общественной организации своему представителю по общественному обвинению или защите.

Рассматривая вопрос о полномочиях представителя общественной организации на предмет выступления в суде с общественной защитой или обвинением, нельзя пройти мимо тесно

¹⁰ См. также статью 5 проекта Закона о повышении роли общественности в борьбе с нарушениями советской законности и правил социалистического общежития.

В статье 250 УПК Латвийской ССР прямо говорится: «Полномочие общественного защитника ходатайствовать о передаче подсудимого на поруки может быть признано действительным лишь в том случае, если оно основано на решении общего собрания организации или коллектива трудящихся, берущих подсудимого на поруки для перевоспитания и исправления».

связанного с ним другого вопроса о субъекте этих полномочий.

Формально — юридически здесь ограничений быть не может. Представительство по доверенности может на себя принять любое правоспособное и дееспособное лицо. Но такое решение этого вопроса было бы сугубо формальным. По правовым вопросам общественную организацию могут представлять руководители ее представительного органа или им уполномоченные лица: члены организации, даже лица, стоящие вне организации — специалисты в области права, юрисконсульты, адвокаты и т. д. Представительство в области общественного обвинения или защиты никак нельзя понимать столь широко. Это представительство в первую очередь не правовое, а моральное. Общественный обвинитель, общественный защитник являются в суд не с правовыми требованиями, а с нравственной оценкой деяния члена соответствующего коллектива, совершившего преступление. Они обязаны доложить на суде общественное мнение по рассматриваемому делу, выразить суждения своего коллектива. Но это в состоянии сделать лишь член данной организации, и еще уже — лишь член коллектива, в котором работает подсудимый. Представитель общественной организации должен знать подсудимого, ему должна быть хорошо известна его личность. Общественный обвинитель и защитник должны выражать на суде мысли и чаяния их избравшего коллектива в большей мере, чем свои собственные. Только в таком случае они справятся с теми воспитательными и профилактическими задачами, для осуществления которых общественность привлекается к участию в судебной работе.

Следовательно общественным обвинителем или общественным защитником может быть лишь член данной организации и, по возможности, рядовой ее член, хорошо знающий подсудимого и способный выразить суждения коллектива. Им не должен быть директор, администратор, юрисконсульт учреждения или предприятия. Административный аппарат и общественная организация несовместимы, хотя по своим целям и не противоположны.

На практике по этому вопросу встречаются искажения.

Так, например, при рассмотрении в 1960 году в народном суде Ленинского района города Риги дела по обвинению ответственных работников хлебокомбината А. и Г. в качестве общественного защитника выступал юрисконсульт предприятия, и суд против этого не возразил.

Несообразность данного случая заключается не только в

юридизации общественной защиты, но и в том, что коллектив комбината, как это явствует из полномочий юрисконсульта, был поставлен в отношении своего представителя в положение просителя. «Просить юрисконсульта С., — читаем в протоколе заседания местного комитета хлебокомбината, — выступить на суде с общественной защитой обвиняемых А. и Г.»¹¹. Ни обсуждения вопроса в коллективе, ни общественного полномочия здесь не было. Местком комбината в таком же порядке смог поручить выступить на суде адвокату, члену любой юридической консультации. Это — недопустимое искажение смысла общественной защиты.

В практике народных судов гор. Риги были и другие случаи выступления в качестве общественных обвинителей или защитников представителей не общественности, а администрации соответствующего учреждения или предприятия¹².

Это объяснялось отсутствием надлежащего опыта, а также отсутствием необходимых разъяснений и инструкций.

Нельзя не отметить, однако, что в настоящее время общественные организации в Латвийской ССР вопрос о субъекте представительства в большинстве случаев решают правильно и посылают в народный суд защищать или обвинять подсудимого в общественном порядке не лиц из руководящего административного персонала, а из рядовых рабочих, хорошо знающих подсудимого.

По рассматриваемому вопросу имеются и другие ошибки. Высказывалось ошибочное мнение, что принимать участие в решении вопроса об участии в деле общественного обвинителя или защитника должен судья, проявляя соответствующую инициативу.

На страницах журнала «Советская Юстиция» читаем такое утверждение: «Инициативу в привлечении общественных обвинителей и защитников в процессе следует предоставить и прокурору, и судье, которые, исходя каждый раз из конкретных обстоятельств дела, тяжести преступления, общественной опасности лица его совершившего, обстановки в районе,

¹¹ Дело по обвинению А. и Г. за хищение государственного и общественного имущества, рассмотренное народным судом Ленинского района гор. Риги 11 IX 1960 г. (См. архив Нарсуда).

¹² Такие случаи отмечены, например, в народном суде Ленинского района по рассмотренному на выездной сессии в сентябре 1959 г. уголовному делу № 500; в народном суде Московского района по делу по обвинению К. Б. и С. по ст. 117 и 118 УК РСФСР, а также по делу по обвинению Л. по ст. 74 ч. II УК РСФСР; в народном суде Пролетарского района по делу по обвинению М. и Х., рассмотренному 6 августа 1959 г. (См. архив соответств. народных судов).

городе, на предприятии, в учреждении, могут поставить перед соответствующей общественной организацией вопрос о желательности участия в деле общественного обвинителя или защитника»¹³.

Это, на первый взгляд кажущееся практически целесообразным, предложение в корне порочно. По существу здесь предлагается подменить мнение общественности по конкретному делу суждением государственных органов. Предложение судьи или прокурора об участии в судебном разбирательстве общественного обвинителя или защитника — это предрешение вопроса о том, как *должна* выступить общественная организация — с обвинением или защитой подсудимого.

Это — искажение сущности общественного обвинения и защиты, подмена мнения общественности по делу мнением государственного органа. Кроме того судья никак не может до судебного разбирательства встать на позиции одной из «сторон». Своей «инициативой» в адрес общественной организации, например, послать по делу в суд общественного обвинителя, судья предрешает дело, становится в позицию обвинителя. Такой судья не может претендовать на право участия в судебном разбирательстве и подлежит отводу.

Судья конечно должен иметь тесную связь с общественностью своего района. Судья не только вправе, но он должен оказывать общественной организации всемерную помощь по вопросам участия общественности в судопроизводстве¹⁴. Но инициатива выбора общественного обвинения или общественной защиты, соответственно общественного мнения по конкретному делу, должна полностью принадлежать общественности. Общественная организация должна иметь не только право свободного выбора обвинять и защищать подсудимого, но должна дать своему представителю и более подробный наказ коллектива о линии обвинения или объеме защиты (например, снабдить своего представителя также правом ходатайствовать перед судом о передаче подсудимого коллективу трудящихся на поруки).

Что же касается прокурора, то он в силу своих процессуальных обязанностей конечно имеет право заботиться об

¹³ П. Якимов, «Участие в судах общественных обвинителей и защитников», ж. Советская Юстиция, 1959 г., № 8, стр. 34.

¹⁴ Пленум Верховного Суда СССР в своем постановлении № 5 от 19 XII 1959 г. рекомендовал судам шире разъяснять общественным организациям их право и порядок выделения для участи в судебном рассмотрении уголовных дел общественных обвинителей и общественных защитников.

укреплении позиций обвиняемого участием в деле непосредственно общественного обвинителя. В первую очередь это должно иметь место при проведении выездных сессий суда, где моральная сторона процесса приобретает особое значение.

Рассматривая проблему вступления в дело общественного обвинителя или общественного защитника, нельзя пройти мимо и такого вопроса, как момент и место этого вступления.

По смыслу ст. 41 Основ уголовного судопроизводства моментом вступления в дело общественного обвинителя и общественного защитника может быть какой-либо этап деятельности суда, а не судьи единолично, а местом вступления — суд первой инстанции¹⁵. Общественный обвинитель или общественный защитник могут быть допущены к участию в судебном разбирательстве либо на распорядительном, либо на судебном заседании суда первой инстанции. В этой связи нужно отметить, что формально право предварительного ознакомления с материалами дела они будут иметь лишь в первом случае, т. е. если они допущены к участию в деле на распорядительном заседании, ибо правовое положение участников процесса они приобретают лишь вынесением определения суда о допущении к участию в деле.

Такое решение вопроса о моменте вступления в дело общественного обвинителя и защитника представляется единственно возможным и с точки зрения УПК Латвийской ССР.

В практике народных судов Латвийской ССР после вступления в законную силу Основ и УПК Латвийской ССР, очень мало случаев допущения общественных обвинителей и защитников к участию в деле на распорядительных заседаниях суда, так как распорядительные заседания проводятся по незначительному количеству уголовных дел. Как правило, представители общественных организаций представляют свои полномочия и вступают в процесс лишь на судебном заседании. Однако в случаях необходимости предварительного ознакомления с делом в народных судах Латвийской ССР этому обычно не чинятся препятствия. Народному судье закон не воспрещает предоставлять уголовные дела для ознакомления лицам и не имеющим права на предъявление таких притязаний. Такой возможности не препятствует и правило статьи 238 УПК Латв. ССР о том, что «общественный обвинитель и

¹⁵ См. также Постановление № 2 Пленума Верховного Суда СССР от 26 III 1960 г., где указано: «Суды должны разъяснять... общественным обвинителям и обществ. защитникам процессуальные права на участие при рассмотрении дел в суде первой инстанции», Бюллетень Верховного Суда СССР, 1960 г., № 3, стр. 10.

общественный защитник могут знакомиться с материалами дела с момента допущения их судом к участию в судебном разбирательстве». Здесь определено не право судьи, а право названных представителей общественности.

Необходимо подчеркнуть, что допуск общественного обвинителя или общественного защитника к ознакомлению с материалами уголовного дела судьей единолично, совсем не означает допуска их к участию в деле. Этот последний вопрос компетентен решить только суд (ст. 41 Основ уголовного судопроизводства).

Казалось бы, что возможно лишь такое решение этих вопросов, так как противоположное несоответствовало бы прямому предписанию общесоюзного закона.

Однако рассмотрение затронутого вопроса о моменте вступления (допуска) общественного обвинителя и общественного защитника в дело на этом закончить не представляется возможным, так как в юридической печати неоднократно высказывалось и противоположное мнение, состоящее в том, что вопрос о допуске общественного обвинителя и общественного защитника к участию в деле может решить не только суд, но и судья единолично.

Такое мнение высказано Н. С. Алексеевым, И. Д. Перловым и П. С. Элькинд.

Н. С. Алексеев говорит: «Вопрос о допуске общественного обвинителя или защитника следует разрешить в стадии предания суду: в постановлении судьи или определении распорядительного заседания о предании обвиняемого суду»¹⁶.

И. Д. Перлов и П. С. Элькинд также высказываются в пользу единоличного решения судьи, однако не так категорично; они называют такое решение судьи «предварительным». И. Д. Перлов так разъясняет ст. 41 Основ уголовного судопроизводства: «Если просьба о допущении к участию в деле общественного обвинителя или общественного защитника поступила в суд до решения вопроса о предании обвиняемого суду, то вопрос о том, допускать ли их к участию в деле может быть решен судьей единолично (в предварительном порядке) . . .»¹⁷. П. С. Элькинд пишет: «Поскольку действующее

¹⁶ Н. С. Алексеев, Участие общественности в охране общественного порядка и осуществлении правосудия (см. Вопросы судопроизводства и судостроительства в новом законодательстве Союза ССР, М., 1959 г., стр. 175).

¹⁷ См. комментарий И. Д. Перлова к статье 41 Основ уголовного судопроизводства в Научно-практическом комментарии к Основам уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик, Госюриздат, М., 1960, стр. 227.

законодательство... связывает вопрос о допуске общественного обвинителя и общественного защитника к участию в деле с определением суда, досудебное ознакомление таких лиц с материалами дела может быть лишь результатом предварительного разрешения этого вопроса судьей или подготовительным заседанием при предании обвиняемого суду... или после этого...»¹⁸.

Как же понимать эти высказывания? Трудно допустить, чтобы указанные авторы считали возможным решение такого вопроса судьей единолично, где закон требует решения коллегиального, судебного. Это было бы невозможно согласовать с требованием законности в уголовно-процессуальной деятельности.

Вопрос о допуске к участию в деле судьей в данном случае связан с вопросом допуска к ознакомлению с делом и непосредственно из этого вытекает. (Не будь надобности предварительно ознакомиться с материалами дела, незачем было бы и выдвигать тезис о «предварительном» допуске к участию в деле). Это наводит на мысль, что в позиции, занятой И. Д. Перловым и П. С. Элькинд, могут быть смешаны два различных понятия: допуск к предварительному, «досудебному», как говорит П. С. Элькинд, ознакомлению с материалами дела и допуск к участию в деле. Первый из этих вопросов конечно может быть решен судьей единолично, тогда как второй несомненно требует коллегиального судебного решения либо в распорядительном, либо в судебном заседании.

Нельзя не отметить, что термин, которым пользуются И. Д. Перлов и П. С. Элькинд для обозначения процессуального характера единоличных действий судьи в данном случае, а именно «предварительное решение» или «решение в предварительном порядке» — неточен и, я бы сказал, недопустим. Советский уголовный процесс не признает никаких «предварительных» и «последующих» процессуальных актов для решения одного и того же вопроса. Любой процессуальный акт требует строго определенной, законченной, законом указанной процессуальной формы: либо в виде постановления, либо определения и т. п. Но ведь «предварительное постановление» — это акт немислимый для решения какого бы то ни было вопроса в уголовном процессе. Невозможно создание каких-то «предварительных» уголовно-процессуальных отно-

¹⁸ П. С. Элькинд, Участие общественности в борьбе с правонарушениями, ж. Советское государство и право, 1961 г., № 3, стр. 60.

шений при осуществлении прав и выполнении обязанностей, прямо указанных в законе.

Судья единолично может предоставить возможность представителю общественной организации ознакомиться с делом, но это действие не будет означать предварительного решения вопроса о его допуске к участию в деле.

Здесь уместно вспомнить, что Пленум Верховного Суда СССР в своем постановлении № 2 от 26 III 1960 года так же разъяснил, что «вопрос об участии в судебном заседании общественного обвинителя или общественного защитника разрешается определением суда»¹⁹.

2. ЗАДАЧИ ОБЩЕСТВЕННОГО ОБВИНЕНИЯ И ОБЩЕСТВЕННОЙ ЗАЩИТЫ

На настоящем этапе развития советского государства участие общественности в борьбе с правонарушениями своим содержанием имеет осуществление главным образом профилактических и воспитательных задач.

Деятельность общественного обвинителя или защитника в судебном разбирательстве также в основном должна быть морального, воспитательного характера. Не для поддержания обвинения является в суд общественный обвинитель. Обвинение предъявляется следственными органами и поддерживается прокуратурой. Для выполнения ответственной задачи поддержания обвинения требуются специальные юридические познания, способность ориентироваться в вопросах проверки доказательств, умение оперировать уликами, знание и понимание составов преступлений и т. п. Таких специальных познаний в большинстве случаев у общественного обвинителя не найдется. Да их и нельзя требовать от работника другой специальности.

Как с общественно-политической, так и процессуальной точки зрения задачи общественного обвинения на суде главным образом морального порядка. Общественный обвинитель, конечно, обвиняет он не уликами и их анализом, а силой общественного мнения, используя при этом свои более глубокие сведения о личности подсудимого, чем сравнительно скудные характеристики обвиняемого, обычно имеющиеся в уголовном деле.

Практика развивается именно по этому руслу. В выступ-

¹⁹ Бюллетень Верховного Суда СССР, 1960 г., № 3, стр. 10.

лениях общественных обвинителей и защитников в подавляющем большинстве случаев находим лишь оценку общественной опасности преступного деяния и подробную характеристику личности подсудимого. Иногда к этому присоединяется еще освещение причин преступления и обстоятельств, способствовавших его совершению²⁰.

Общественные обвинители и общественные защитники обычно не входят в подробный анализ доказательств, а юридических вопросов совсем не затрагивают. Однако это не значит, что они на это не имеют права. В УПК Латвийской ССР 1961 года как и в большинстве новых уголовно-процессуальных кодексов других союзных республик общественному обвинителю и общественному защитнику предоставлены широкие права по участию в судебном следствии. Они вправе представлять доказательства, принимать участие в исследовании доказательств и заявлять ходатайства. Поэтому, конечно, возможно активное участие представителя общественной организации и в судебном следствии и оценке с его стороны в судебной речи доказательств, рассмотренных судом. Однако такая активность может принести пользу лишь в слу-

²⁰ См., например, информацию о судебных процессах с участием общественных обвинителей и защитников: «Представитель коллектива обвиняет или защищает» в газете «Циня» от 9 июня 1959 г.

О том же свидетельствуют также протоколы судебных заседаний народных судов гор. Риги (напр., по делу В. Андреева и Т. Головина — протокол нар. суда Ленинского района от 22 IX 1959 г.; по делу Бочалкова и Григорьева — протокол нар. суда Ленинского района от 20 III 1959 г.; по делу Кудрявцева — протокол того же нар. суда от 20 V 1959 г.; по делу Штейнберга, Дульбинска и др. — протокол нар. суда Пролетарского района от 25 IX 61 г.; по делу Петерсон — прот. нар. суда Кировского района от 28 IX 59 г.; по делу Зиемеле — прот. нар. суда Пролетарского района от 25 X 60 г.; по делу Крупицка, Безручко и др. — прот. нар. суда Московского района от 30 IX 1960 г.; по делу Лизинска — прот. нар. суда Московского района от 19 V 60 г.; по делу Вейкшана — прот. нар. суда Пролетарского района от 30 VII 1959 г.; по делу Королева — прот. нар. суда Пролетарского района от 20 X 1960 г.; по делу Марачковска и Хвалей — прот. нар. суда Пролетарского района от 6 VIII 1959 г.; по делу Мичунс — прот. нар. суда Ленинского района, сентябрь 1960 г.; по делу Грачева, Просвинова и др., — протокол нар. суда Ленинского района от 24 IX 1960 г. и др.).

Такое же содержание имеют выступления общественных обвинителей в Казахской ССР — см. статью Ф. Беляева и Л. Козака «Общественные обвинители на судебной трибуне» в ж. Социалистическая законность, 1959 г., № 8, стр. 60—63.

См. также статью Н. Клинова, прокурора Свердловской области: «Формы участия общественности в укреплении советского правопорядка» в ж. Социалистическая законность, 1959 г., № 11, стр. 20 и другие выступления в периодической печати.

чае предварительного ознакомления с материалами уголовного дела (что на практике встречается редко), и при достаточном уровне специальных юридических познаний общественного обвинителя и общественного защитника.

Выясняя здесь характер участия общественных обвинителей и общественных защитников в судебном разбирательстве, мы имели в виду лишь определить содержание и направленность их процессуальной деятельности в настоящее время. С развитием советской государственности по руслу, предначертанному Программой КПСС, принятой на XXII съезде КПСС, при дальнейшем постепенном превращении органов государственной власти в органы общественного самоуправления, изменится и характер участия представителей общественности в уголовном судопроизводстве, как, возможно, изменится и характер самого уголовного процесса.

В период развернутого строительства коммунизма, наметен курс на передачу все большего числа государственных функций общественным организациям, однако с учетом уровня развития самих общественных организаций²¹. Следовательно со временем расширится и содержание участия общественности в уголовном судопроизводстве вообще и характер участия общественных обвинителей и общественных защитников на судебном разбирательстве в частности. Помощь, оказываемая ими правосудию, их влияние на то или иное решение дела усилится вместе с повышением удельного веса метода убеждения в борьбе с преступностью.

Однако, как далее сказано в Отчете Центрального Комитета КПСС XXII съезду КПСС:

«Передача многих важных государственных функций общественным организациям, постепенное превращение силы убеждения и воспитания в основной метод регулирования жизни советского общества не означает и не может означать ослабление контроля за строгим соблюдением норм советского права...»²².

Для обеспечения требования такого контроля за соблюдением правопорядка, будет необходимо дальнейшее укрепление взаимодействия таких государственных органов как суд и прокуратура с общественностью. Можно полагать, что развитие этих связей между прочим приведет и к постепенному ступшевыванию границ, отделяющих еще ныне деятельность

²¹ Отчет Центрального Комитета КПСС XXII съезду партии, Госполитиздат, Москва, 1961, стр. 102.

²² См. газету Известия от 18 X 1961 г., стр. 8.

государственного и общественного обвинителя, деятельность адвоката и общественного защитника. Наряду с этим и их процессуальные задачи сблизятся в той же мере как в настоящее время близки их общественно-политические задачи.

3. ПРАВА И ОБЯЗАННОСТИ ОБЩЕСТВЕННОГО ОБВИНИТЕЛЯ И ОБЩЕСТВЕННОГО ЗАЩИТНИКА

В развитие ст. 41 Основ уголовного судопроизводства УПК Латвийской ССР следующим образом очертил круг прав общественного обвинителя:

Общественный обвинитель вправе представлять доказательства, принимать участие в исследовании доказательств, заявлять перед судом ходатайства и отводы, участвовать в судебных прениях, излагая суду мнение о доказанности обвинения, общественной опасности подсудимого и содеянного им. Общественный обвинитель может высказывать соображения по поводу применения уголовного закона и меры наказания в отношении подсудимого и по другим вопросам дела. Общественный обвинитель вправе отказаться от обвинения, если данные судебного следствия дают для этого основание (ч. IV ст. 250 УПК ЛССР). В таких же границах, соответственно требованиям защиты, изложены процессуальные права общественного защитника (ч. V ст. 250 УПК).

Таким образом УПК Латвийской ССР предоставляет общественному обвинителю и общественному защитнику на суде все права участников судебного разбирательства, указанные в ст. 38 Основ (ст. 243 УПК Латв. ССР). В круг прав общественного обвинителя не входят лишь особые права государственного обвинителя — прокурора, например, такие, как поддержание перед судом государственного обвинения, право на дачу заключения по вопросам, возникающим во время судебного разбирательства; предъявление и поддержание гражданского иска (ст. 23 Положения о прокурорском надзоре в СССР, ст. 249 УПК Латвийской ССР).

Общественному обвинителю и общественному защитнику по ст. 322 УПК Латвийской ССР не предоставлено также право обжаловать судебный приговор. Это соответствует правилам ст. 44 Основ уголовного судопроизводства. Ни общественный защитник, ни общественный обвинитель не указаны среди участников процесса, имеющих право на обжалование или опротестование приговора.

Решение этого вопроса в процессуальном законе представляется правильным, соответствующим общественно-политическим и процессуальным задачам общественного обвинения и общественной защиты осуществляемым именно в первой инстанции.

В проверке законности и обоснованности приговора в кассационном порядке ни общественный обвинитель, ни общественный защитник принимать участия не могут (ст. 334 Латв. ССР). Проверка законности и обоснованности результата процессуальной деятельности — это работа юридическая, требующая знаний в области законодательства и судебной практики, опыта судебной работы. Недопущение к участию в производстве суда кассационной инстанции общественных обвинителей и общественных защитников основано на тех же соображениях, как и исключение другого вида представителей общественности — народных заседателей из деятельности вышестоящих судебных инстанций.

В связи с основной воспитательной задачей общественного обвинения и защиты, выражающейся в освещении общественной опасности преступного деяния, характеристике подсудимого, и выявлении причин совершения преступления, встает вопрос об источниках, допустимых для освещения этих вопросов.

По действующему советскому уголовно-процессуальному праву участники судебных прений в своих выступлениях могут пользоваться лишь данными, проверенными на судебном следствии (ч. III ст. 294 УПК Латв. ССР, ч. IV ст. 295 РСФСР и соответствующие статьи действующих УПК других союзных республик). Это правило нерушимо, так как лишь его соблюдение является гарантией от произвольной, необоснованной и недостоверной аргументации в судебных прениях.

Пределы судебных прений строго ограничены рамками судебного следствия²³.

Но как быть с содержанием выступления в судебных прениях общественного обвинителя и защитника? Применимы ли в данном случае также общие правила о пределах судебных прений?

При догматическом решении вопроса ответ был бы ясен: если общественный обвинитель и общественный защитник выступают в известной части судебного разбирательства — су-

²³ См. по этому вопросу И. Д. Перлов, Судебные прения и последнее слово подсудимого в советском уголовном процессе, Госюриздат, М., 1957 г., стр. 25—28.

дебных прениях, они должны подчиняться всем процессуальным правилам, которые регламентируют соответствующие действия участников процесса. Следовательно и они в своих речах должны строго держаться фактов, проверенных на судебном следствии, и не имеют права выходить за их границы.

Однако так решать этот вопрос нельзя. Что кажется правильным, исследуя вопрос формально-догматически, может оказаться ошибочным при рассмотрении общественно-политического содержания того же института. И в данном случае это именно так.

Общественный обвинитель и защитник занимают особое положение в деле. Они обычно не представляют в суд доказательства вины или невиновности подсудимого по его обвинению в совершении преступного деяния. Они являются в суд как представители общественного мнения. Их выступления в основном не юридического, а нравственного содержания. Казалось бы естественным, что моральная оценка преступления и подсудимого, которую дает на суде представитель общественности, должна покоиться на мнении коллектива, а не лишь на суждениях его представителя, почерпнутых из данных судебного следствия. Только такое решение вопроса оправдывает выступления от имени общественности.

Следовательно, нужно прийти к выводу, что общественный обвинитель и защитник, выступая в судебных прениях, связаны рамками судебного следствия лишь в объеме доказательственных фактов, подтверждающих или опровергающих предъявленное обвинение, но в моральной оценке деяния и подсудимого им должны быть предоставлены широкие возможности выражать суждения коллектива, а вместе с тем указывать факты, известные коллективу, но могущие быть неизвестными суду. Конечно представители общественности не становятся тем самым в положение свидетеля. Если факты, на которые в своих выступлениях указывают общественный обвинитель или общественный защитник относятся к предмету доказывания по данному делу, но не были рассмотрены на судебном следствии и имеют значение для дела, может быть поставлен вопрос о возобновлении судебного следствия, истребовании и рассмотрении соответствующих доказательств.

Требование статьи 294 УПК Латв. ССР в полном объеме применимо к общественному обвинителю и общественному защитнику, по тем разделам судебной речи, в которых они затрагивают обстоятельства, подлежащие доказыванию по статье 15 Основ уголовного судопроизводства (доказывание события преступления, виновности обвиняемого, обстоятельств,

влияющих на степень и характер ответственности обвиняемого, характера и размера ущерба, причиненного преступлением).

По вопросам моральной оценки подсудимого и его деяния, общественный обвинитель и общественный защитник должны быть более свободны. Это единственный способ обеспечения доступа моральных суждений коллектива в зал судебного заседания.

Такое решение поставленного вопроса будет способствовать осуществлению воспитательных задач процесса, конечно, при условии, что суждения коллектива, выражаемые его представителем на суде, не противоречат данным судебного следствия, находятся в полном соответствии с действительными обстоятельствами и соответствуют правосознанию и нравственному сознанию передовой части советского социалистического общества.

4. ОБ ОТВОДЕ ОБЩЕСТВЕННОГО ОБВИНИТЕЛЯ И ОБЩЕСТВЕННОГО ЗАЩИТНИКА

В статье 18 Основ уголовного судопроизводства (ст. 22 УПК ЛССР) в перечне участников процесса, подлежащих отводу по причине прямой или косвенной заинтересованности в деле, не указаны общественный обвинитель и защитник. Здесь указаны судья, народный заседатель, прокурор, следователь, лицо, производящее дознание, секретарь судебного заседания, эксперт и переводчик, т. е. заменимые участники уголовно-процессуальной деятельности, от объективности которых может зависеть справедливое решение дела. Таких субъектов процессуальной деятельности как свидетель, потерпевший, гражданский истец и ответчик, отводить закон не позволяет, ибо они незаменимы, хотя и их необъективность вследствие заинтересованности может сказаться на исходе дела. Не допускается также отвод защитника, ибо это было бы нарушением конституционного права обвиняемого на защиту.

Невключение законом в перечень участников процесса, подлежащих отводу, общественного обвинителя и общественного защитника, конечно означает и практическую недопустимость их отвода. На этом основании УПК Латв. ССР в ч. III статьи 247, трактующей права подсудимого в судебном разбирательстве, прямо указано, что подсудимый имеет право заявить отвод лишь судье, народному заседателю, прокурору, секретарю судебного заседания, эксперту и переводчику. Право на

заявление отвода общественному обвинителю и общественному защитнику, подсудимому не присвоено.

Этому правилу и следует судебная практика Латвийской ССР.

Однако имеются основания полагать, что общественный обвинитель в институте отвода теоретически может быть приравнен прокурору. Его личная необъективность, прямая или косвенная заинтересованность в деле могут повлиять на решение дела. Он столь же заменим как и прокурор. Нет процессуальной логики в исключении возможности отвода общественного обвинителя. Правда, некоторый корректив этого недостатка может внести суд, уже при решении вопроса о допуске общественного обвинителя к участию в судебном разбирательстве. Однако суд при этом интересуется главным образом полномочия представителя общественности; его личные отношения по делу суду в этот момент обычно еще не известны.

Сложнее проблема допустимости отвода общественного защитника. Конечно, и он заменим и его заинтересованность может привести к неправильному решению дела. Ответ на вопрос де леге ференда о допустимости его отвода должен зависеть от наличия или отсутствия у подсудимого права на защиту в лице общественного защитника. Такого права подсудимый не имеет. Он не может требовать назначения общественного защитника и никто такого не может ему назначить. Общественный защитник появляется по инициативе общественной организации. От ее воли зависит — послать в суд своего представителя защищать подсудимого, или нет.

Следовательно ни замена общественного защитника другим в результате отвода, или устранения его из производства по тому же основанию, совсем не затрагивает конституционного права обвиняемого на защиту. И при наличии отвода общественного защитника и при отсутствии такового, подсудимый в полной мере сохраняет право требовать назначения ему защитника — адвоката. Отвод не может затронуть также и интересов общественности, так как всегда возможна замена общественного защитника.

Таким образом имеется достаточно оснований полагать теоретически допустимым также отвод и общественного защитника в интересах способствования справедливому решению дела.

При положительном решении вопроса об отводе общественного обвинителя и общественного защитника, следует обратить внимание и на последствия отвода.

Представляется бесспорным, что в случае удовлетворения отвода нужно дать возможность общественной организации заменить своего представителя. Учитывая значимость участия общественности в судопроизводстве, было бы неправильным продолжать судебное разбирательство без участия отведенного представителя общественной организации. Это недопустимо и по смыслу ст. 41 Основ, предоставляющей общественной организации право посылать в суд своего представителя. Поэтому в случае удовлетворенного отвода судебное разбирательство следует отложить, предоставив возможность явиться в суд другому, незаинтересованному, представителю общественной организации²⁴.

5. О СВЯЗИ ОБЩЕСТВЕННОЙ И ОБЯЗАТЕЛЬНОЙ ЗАЩИТЫ

Практическое значение имеет правильное решение вопроса о роли общественного защитника в случаях обязательной защиты.

Случаи обязательного участия защиты в уголовном процессе, соответственно статьи 22 Основ, устанавливаются законодательством союзных республик. По действующему УПК ЛССР участие защитника обязательно: по делам о преступлениях несовершеннолетних; по делам немых, глухих, слепых и других лиц, которые в силу своих физических или психических недостатков не могут сами осуществлять свое право на защиту; при наличии противоречий между интересами защиты подсудимых, если хотя бы один из них имеет защитника; по делам о преступлениях, за которые в качестве меры наказания может быть назначена смертная казнь; по делам, в ко-

²⁴ По этому вопросу нельзя согласиться с мнением П. Якимова о предоставлении суду права в случае отвода рассматривать дело без участия общественного обвинителя и защитника (см. его статью «Участие в судах общественных обвинителей и защитников» в ж. Советская Юстиция за 1958 год, № 9, стр. 36).

Отвод не может лишить общественную организацию права представительства в суде. Задача отвода лишь обеспечит объективность участника процесса и судебного разбирательства в целом.

В литературе высказывалось также мнение, что контроль за объективностью представителей общественности должен производиться не в форме отводов, а в порядке недопущения судом к участию в деле общественного обвинителя, находящегося в неприязненных отношениях с обвиняемым. (См. Научно-практический комментарий к Основам уголовного судопроизводства, Госюриздат, М., 1960 г., стр. 228). Такой образ действия суда по действующему законодательству вполне допустим. Однако трудно представить, из каких источников суд почерпнет необходимые сведения, например, в распорядительном заседании.

торых участвует государственный обвинитель (ст. 98 УПК ЛССР).

Участие защитника обязательно также по делам лиц, совершивших общественно-опасные деяния в состоянии невменяемости, а также лиц, заболевших душевной болезнью после совершения преступления (ст. 396 УПК Латв. ССР).

В этой связи возникает вопрос, может ли быть обязательная защита обеспечена участием в деле общественного защитника?

Во всех случаях обязательной защиты подразумевается не только моральная поддержка подсудимого, но и полная защита его прав и законных интересов. Осуществление такой защиты кроме обладания высокими качествами правосознания и нравственности требует также специальных знаний в области советского права, которых может и не быть у общественного защитника. Обязательная защита предполагает возможность обеспечения ее судом. Следовательно, обязательная защита на настоящем этапе развития рассматриваемого института может осуществляться лишь в должностном порядке защитником-адвокатом, а не общественным защитником.

Как же быть в тех случаях, если в обстоятельствах обязательности защиты общественный защитник уже налицо? Достаточно ли этого для выполнения требований ст. 98 УПК Латв. ССР. Нет, недостаточно. Подсудимому должна быть оказана на суде правовая помощь, а не лишь моральная поддержка; для осуществления обязательной защиты ему должен быть назначен защитник юрист-адвокат.

Подсудимый, конечно, имеет право выбора, он может отказаться, например, от защитника-адвоката в пользу общественного защитника, если последний уже присутствует на суде. Такой случай имел место в народном суде Пролетарского района гор. Риги при рассмотрении уголовного дела № 1—444. Один из подсудимых — Дульбинский отказался от адвоката, заявив суду: «... прошу дело рассмотреть без адвоката, мои интересы обеспечит присутствующий общественный защитник Шиголев»²⁵. В данном случае обязательность защиты наступила в виду участия в деле государственного обвинителя, и поэтому отказ подсудимого Д. от защитника устранил адвоката от участия в производстве по делу.

Права выбора у подсудимого нет по делам, по которым в силу ст. 99 УПК Латв. ССР отказ от защитника, заявленный

²⁵ См. протокол судебного заседания народного суда Пролетарского района г. Риги от 25 IX 1959 г. по делу по обвинению Штейнберга и Дульбинского по ст. 99 УПК РСФСР (архив Нарсуда).

подсудимым, не является обязательным для суда (по делам несовершеннолетних или лиц, которые в силу своих физических или психических недостатков не могут сами осуществлять свое право на защиту). В случае же производства по применению принудительных мер медицинского характера по делам лиц, совершивших общественно-опасные деяния в состоянии невменяемости или заболевших душевной болезнью после совершения преступления, вопрос о праве выбора у лица, о котором ведется производство, вообще не может быть поставлен, так как ни общественный обвинитель, ни общественный защитник в таком производстве участия принимать не могут.

Обязательная защита должна быть обеспечена как конституционное право обвиняемого, т. е. из числа защитников, на юридическую помощь которых он имеет право и которых в свою очередь через юридическую консультацию в обязательном порядке имеет право назначить суд.

Как толковать правило УПК Латвийской ССР, требующее обязательное назначение защитника при наличии противоречий между интересами подсудимых, если хотя бы один из них имеет защитника? Появляется ли обязательность защиты для других подсудимых при противоречивых их интересах, если один из них имеет общественного защитника? Надо полагать, нет. Общественный защитник, выполняя свои профилактические и воспитательные функции относительно одного из подсудимых, не может отягчить тем самым процессуальное положение других.

По тем же соображениям казалось бы защита не может быть объявлена обязательной и при участии в деле общественного обвинителя.

Так как решение этого вопроса и в нашем процессуальном законодательстве и в выступлениях в печати разноречиво, приходится остановиться на нем более подробно.

УПК Латв. ССР при участии в деле общественного обвинителя не требует обязательной защиты (ст. 98). Так же этот вопрос решен и в новых УПК некоторых других союзных республик. Например, по ст. 38 УПК Эстонской ССР обязательную защиту влечет участие в деле государственного, но не общественного обвинителя. В то же время УПК некоторых других союзных республик узаконили обязательность участия в судебном разбирательстве защитника, по делам в которых участвует общественный обвинитель. Так этот вопрос решен, например, в ст. 49 УПК РСФСР.

Которое же из этих двух взаимоисключающих решений

вопроса считать правильным? В литературе высказаны доводы как в пользу одного, так и в пользу другого.

И. Д. Перлов, комментируя ст. 41 Основ уголовного судопроизводства, пишет:

«Статья 55 УПК РСФСР устанавливает, что участие защитника обязательно, если в деле участвует обвинитель. Следовательно, оно обязательно и при участии в деле общественного обвинителя. Суд обязан и в этом случае назначить адвоката, если подсудимый сам не избрал защитника и не имеет общественного защитника»²⁶.

Мнение противоположное комментарию И. Д. Перлова к ст. 41 Основ высказано прокурором отдела прокуратуры г. Москвы В. Златковичем: «... поскольку общественный обвинитель не обладает правами стороны, а лишь представляет интересы общественности (не входя в сферу исследования доказательств, квалификации действий подсудимого и меры наказания) отсутствие защиты не исключает его участие в судебном разбирательстве»²⁷.

С доводами В. Златковича согласиться нельзя. Его соображение, что отсутствие защиты не исключает участия в судебном разбирательстве общественного обвинителя лишь потому, что последний «не обладает правами стороны» — не основано на законе. Статья 38 Основ уголовного судопроизводства устанавливает равенство прав участников судебного разбирательства по представлению доказательств, участию в исследовании доказательств и заявлению ходатайств, и среди таких участников судебного разбирательства прямо называет обвинителя и защитника. Конечно не во всех статьях закона понятие «обвинитель» или «защитник» предполагает также и *общественного обвинителя* или *общественного защитника*. Как раз наоборот — в большинстве процессуальных норм понятие «защитник» именно не предполагает *общественного* защитника (см., например, ст. ст. 22, 23, 44, 45 и др. Основ уголовного судопроизводства). Ст. 41 Основ в этом смысле исключение. В этой статье законодатель конечно имел в виду любого *участника судебного разбирательства*, выступающего в качестве обвинителя (например, прокурор, потерпевший по делам частного обвинения, его представитель, законный представитель несовершеннолетнего, общественный обвинитель

²⁶ Научно-практический комментарий к Основам уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик, Госюриздат, М., 1960 г., стр. 229.

²⁷ См. ж. Социалистическая законность, 1959 г., № 9, стр. 65 («Участие общественных обвинителей в судебном разбирательстве»).

или защитник). Здесь слова «защитник» или «обвинитель» употреблены как собирательные понятия, как это и всегда и всюду в советском процессуальном законодательстве имело место, если оба эти понятия содержатся в одной норме права. Противоположное было бы лишено всякой процессуальной логики.

Следовательно нельзя аргументировать необязательность защиты при участии в дело общественного обвинителя так, как это сделано в статье прокурора В. Златковича. Известно, что новейшее уголовно-процессуальное законодательство союзных республик присвоило как общественному обвинителю, так и общественному защитнику все права, указанные в ст. 38 Основ.

Но если неудачными и несостоятельными оказались аргументы в пользу необязательности защиты при участии общественного обвинителя, то тем самым конечно не опровергнута правильность самого тезиса. Имеются все основания полагать, что было бы неправильным требовать обязательную защиту по делам, в которых участвует общественный обвинитель. С мнением И. Д. Перлова по этому вопросу согласиться нельзя.

И. Д. Перлов для подтверждения правильности своей мысли ссылается на статью 55 УПК РСФСР 1923 года, и выводит обязательность защиты при участии в деле общественного обвинителя из того, что в этой статье было записано правило об обязательности защиты при участии любого обвинителя, а не лишь *государственного обвинителя*.

Такая аргументация противоречит многолетнему толкованию ст. 55 УПК РСФСР 1923 г. и в практике применения закона, и в уголовно-процессуальной теории. Самим И. Д. Перловым неоднократно утверждалось, что участие защитника при рассмотрении уголовного дела в суде обязательно по делам, в которых участвует именно *государственный обвинитель*²⁸, тогда как УПК РСФСР 1923 года предусматривал также таких обвинителей, как потерпевший, уполномоченные профсоюзов и др. (ст. 50 УПК РСФСР 1923 г.). Поэтому представляется необоснованным выводить обязательность защиты при участии в деле общественного обвинителя из статьи 55 УПК РСФСР 1923 года.

Если УПК РСФСР 1923 года и 1960 года рассматривать с точки зрения их преемственности, то приходится сделать вы-

²⁸ См., например, И. Д. Перлов, Подготовительная часть судебного разбирательства в советском уголовном процессе, М., 1956, стр. 123.

вод, что в этом случае нет той преемственности практикой проверенных процессуальных правил, которую следовало учитывать при разработке нового уголовно-процессуального кодекса.

Представляется, что решение вопроса о том, обязательной или не обязательной должна быть защита при участии в деле общественного обвинителя, будет более правильным, если искать его решение под углом зрения процессуальных гарантий обвиняемого, с учетом которых строится весь институт обязательной защиты.

Обвиняемому законом гарантировано право на защиту. Процессуальные нормы обеспечивают осуществление этого права. Между прочим это имеет место в институте обязательной защиты, в котором выделены случаи, где помощь защитника обвиняемому наиболее важна и необходима. Они указаны в статье 98 УПК Латвийской ССР, ст. 49 УПК РСФСР, ст. 38 Эстонской ССР. Во всех УПК союзных республик эти случаи почти тождественны. Они сводятся к обязательному обеспечению обвиняемому юридической помощи в лице защитника (адвоката) по оспариванию предъявленного обвинения либо потому, что оно очень тяжело (грозит смертная казнь), либо потому, что сам обвиняемый неспособен осуществить свое право на защиту (несовершеннолетние, глухие, немые и т. пр.), либо потому, что другой обвиняемый по тому же делу пользуется квалифицированной юридической помощью, т. е. имеет защитника (адвоката), а интересы обвиняемых противоречивы.

Из этого перечня видно, что обвиняемый в обязательном порядке обеспечивается юридической помощью (ст. 23, ч. II Основ уголовного судопроизводства) лишь в тех случаях, когда по сравнению с обычным характером или обычным течением дела, положение обвиняемого резко отягчено. Но чем же может отягчить его положение общественный обвинитель? Он не отягчает процессуального положения обвиняемого так же, как этого не делает общественный защитник другого обвиняемого по делу. Представители общественности на настоящем этапе не подменяют ни прокурора, ни защитника-адвоката; их основная задача воспитательного, профилактического характера. В практическом судебном разбирательстве отступлений от этого почти нет.

Но тогда нет никакого основания связывать участие в деле общественного обвинителя с институтом обязательной защиты.

Это столь же логично, как отсутствие в новых УПК союз-

ных республик требования обязательной защиты при участии общественного защитника на стороне одного из обвиняемых с противоречивыми интересами. Ни там, ни здесь для обеспечения процессуальных гарантий обвиняемого в этом нет никакой надобности.

Осложнять институт обязательной защиты дополнительными правилами лишь потому, что в законе общественному обвинителю предоставлено право обвинять не только морально, но и по всем правилам прокурорского искусства на настоящем этапе было бы узким догматизмом.

Возможно в будущем характер участия представителей общественности в уголовном судопроизводстве изменится и то, что ныне по закону является их правом, станет их обязанностью, но тогда, надо полагать, изменится как структура, так и содержание всего советского уголовного процесса.

6. ВОПРОС ОЧЕРЕДНОСТИ ВЫСТУПЛЕНИЯ ОБЩЕСТВЕННОГО ОБВИНИТЕЛЯ И ОБЩЕСТВЕННОГО ЗАЩИТНИКА В СУДЕБНЫХ ПРЕНИЯХ

Действующее уголовно-процессуальное законодательство очередность выступлений участников судебных прений (за исключением представителей общественности) регламентирует четко. Так, например, статья 294 УПК Латвийской ССР их очередность определяет следующим образом: государственный обвинитель, гражданский истец, гражданский ответчик, защитник или сам подсудимый, если защитник не участвует в судебном заседании. В этом порядке ясно видна структура судебных прений, санкционированная законом: первыми произносятся речи против подсудимого, затем речи в его пользу.

Эта структура судебных прений определена построением и задачами советского уголовного процесса. Хотя советский уголовный процесс в стадии судебного разбирательства не делится на две резко отграниченные части — обвинение и защиту, как это имеет место, например, в англо-американском судопроизводстве, но и советский уголовный процесс рассматривает обвинение, как предпосылку защиты. Где нет обвинения, там защита беспредметна. Предъявленное обвинение на суде поддерживается прокуратурой. Представитель прокуратуры в судебном разбирательстве подтверждает обвинение материалами судебного следствия. Только после его выступления защите становятся известны все доводы, подкрепляющие обоснованность обвинения. Защита таким образом получает возможность бороться против обвинения после его

логического завершения в речи прокурора. В судебных прениях лишь такая последовательность спора может способствовать установлению истины и обеспечить подсудимому гарантии его защиты.

Законом предусмотренный порядок выступлений в судебных прениях участников процесса должен строго соблюдаться, иначе будут нарушены права подсудимого на защиту.

Какое же место в очередности выступлений в судебных прениях должен занять общественный обвинитель и общественный защитник?

Из сказанного следует, что общественный обвинитель бесспорно должен выступать до выступлений защиты. Хотя общественный обвинитель и не может ставить себе целью поддержание обвинения (он не может ни поддерживать государственное обвинение, ни отказаться от поддержания этого, прокуратурой предъявленного обвинения; такие права принадлежат лишь прокурору, уполномоченному на то законом (ст. 40 Основ уголовного судопроизводства), все-таки его речь по существу является обвинительной.

Но должен ли общественный обвинитель выступать до или после прокурора, поддерживающего государственное обвинение?

В ст. 294, ч. II УПК Латвийской ССР указано, что очередность выступлений в суде государственного и общественного обвинителя определяется судом с учетом их мнений. (В таком же порядке определяется очередность выступлений общественного защитника и защитника).

Судебная практика этот вопрос решает по разному. Так, например, из нескольких десятков уголовных дел, рассмотренных в 1959 и 1960 году при участии общественного обвинителя в народных судах Ленинского, Пролетарского и Московского районов гор. Риги, в большинстве случаев общественный обвинитель выступал в судебных прениях первым, однако не редко были и случаи его выступлений после прокурора. После введения в действие УПК Латвийской ССР, т. е. с 1 апреля 1961 года очередность их выступлений устанавливается протокольным определением суда непосредственно перед судебными прениями, соответственно правила ст. 294, ч. II, при чем по этому вопросу учитывается мнение самих обвинителей и защитников. А мнение это почти во всех случаях высказывается в пользу приоритета выступления общественного обвинителя и, соответственно, общественного защитника.

Среди практических работников часто высказывается суждение, что такой порядок выступлений оправдан большей подготовленностью прокурора и адвоката, и в силу этого — целесообразностью произнесения ими своих речей после выступления представителей общественности.

Совершенно очевидно, что это соображение не процессуального, а житейского характера; обосновывать им порядок выступлений невозможно. Кроме того нужно учесть следующее. Если и согласиться с тем, что на настоящем этапе доказательная сила выступления прокурора выше чем речи общественного обвинителя и поэтому желательнее ею подкрепить зачастую слабое впечатление, оставляемое речью представителя общественности, то ведь и после речи прокурора может последовать более слабая речь гражданского истца, выступающего затем.

Так аргументировать нельзя еще и потому, что практика являет иногда и совершенно противоположное: случается, что речь общественного обвинителя более содержательна и убедительна, чем выступление прокурора.

Определять очередность выступлений государственного и общественного обвинителя в судебных прениях следует основывать не на житейских, а на процессуальных соображениях.

Исходя из характера и задач обвинения на настоящем этапе развития советского государства и общества, судебные прения открывать следует речью государственного, а не общественного обвинителя. Такое решение вопроса представляется единственно правильным²⁹ вот по каким соображениям.

Обязанность возбуждения уголовного дела и раскрытия преступления возложена на суд, прокурора, следователя и орган дознания. Они обязаны принять все предусмотренные законом меры к установлению события преступления, лиц, виновных в совершении преступления, и к их наказанию (ст. 3

²⁹ В юридической печати по этому вопросу находим различные суждения. Совершенно неприемлемым представляется предложение прокурора Пролетарского района г. Москвы В. Баскова, высказанное в его статье «Выступает общественный обвинитель» (см. ж. Социалистическая Законность», 1959 г., № 6, стр. 26). Т. Басков предлагает следующую очередность выступлений в судебных прениях: потерпевший, гражданский истец, общественный обвинитель, прокурор.

Такое предложение не только не соответствует структуре советского уголовного процесса и противоречит действующему уголовно-процессуальному праву, но и ошибочно предполагает общее право потерпевшего на выступление в судебных прениях.

Основ уголовного судопроизводства). Этим подчеркивается государственный, публичный характер уголовного преследования в настоящее время. Общественность уголовного преследования сама не осуществляет, а лишь ему содействует. Поэтому и *поддержание обвинения* на суде (форма уголовного преследования в судебном разбирательстве со стороны прокуратуры) законом признано государственным, а не общественным делом, а государственным обвинителем может быть лишь прокурор (ст. 40 Основ уголовного судопроизводства). Общественный обвинитель от имени соответствующей организации или коллектива конечно также может обвинять подсудимого, в границах предъявленного обвинения, но поддерживать таковое он не вправе, ибо предъявленное обвинение, которое тяготеет над обвиняемым, является государственным, а не общественным обвинением. Поэтому то он и не может выступать до выступления прокурора, поддерживающего это государственное обвинение. До выступления прокурора неизвестен еще окончательный объем и характер государственного обвинения, а до уяснения этих вопросов выступление других участников процесса преждевременно. По окончании судебного следствия должны быть подведены его результаты. Должно стать известно, какие и кем совершенные деяния в каких границах выносит на публичную судебную дискуссию прокуратура. Общественный обвинитель к этому не уполномочен; он должен дать моральную оценку преступных действий, подробную характеристику лица их совершившего, помочь разобраться в причинах и обстоятельствах, способствовавших совершению преступления — в этом его основная задача.

Следовательно выступление общественного обвинителя — это общественно-политическое следствие речи государственного обвинителя (если таковой участвует в деле), общественная оценка ее выводов. Обратное направление логически неприемлемо.

То же самое можно сказать и о порядке выступления общественного защитника, в случае участия в деле адвоката.

Против предлагаемой очередности выступления общественного обвинителя можно возразить, что в случае произнесения им речи после прокурора, он не может влиять на суждение прокурора о мере наказания. С точки зрения убедительности требования меры наказания государственным обвинителем, конечно, удобнее было бы ему предпослать также и мнение общественности.

Такое возражение все же нельзя признать заслуживающим внимания. В вопросах суждения о мере наказания расхождение между государственным и общественным обвинителем нежелательно. Это суждение не может быть морально обосновано предварительным выступлением представителя общественности просто потому, что оно еще неизвестно. Но оно может быть подкреплено общественно-политическими и моральными соображениями в последующей речи общественного обвинителя. Если это не так важно для прокуратуры, то, бесспорно, очень важно для суда, решающего вопрос о мере наказания.

Итак, очередность выступлений в судебных прениях было бы целесообразно регламентировать в следующем порядке: государственный обвинитель, общественный обвинитель, гражданский истец, или его представитель, защитник, общественный защитник.

7. ОДНОВРЕМЕННОЕ УЧАСТИЕ ОБЩЕСТВЕННОГО ОБВИНИТЕЛЯ И ОБЩЕСТВЕННОГО ЗАЩИТНИКА ПО ДЕЛУ ОБ ОДНОМ И ТОМ ЖЕ ПОДСУДИМОМ

По уголовному делу о нескольких подсудимых вполне естественно одновременное участие как общественного обвинителя, так и общественного защитника. Общественная организация может считать одного из подсудимых, бывшего члена ее коллектива, заслуживающим обвинения, а другого обвиняемого по тому же делу — заслуживающим общественной защиты.

И это будет правильно. Это будет соответствовать требованию закона об учете при назначении наказания как характера и степени общественной опасности совершенного преступления, так и личности виновного и обстоятельств дела смягчающих и отягчающих ответственность.

Совсем другое положение создается при одновременном участии общественного обвинителя и общественного защитника по делу об одном и том же подсудимом. В деле по обвинению одного и того же лица может участвовать как правило либо общественный обвинитель, либо общественный защитник, ибо общественная организация, коллектив всегда должны делать выбор — обвинять и защищать подсудимого. Оба направления с позиций одного и того же коллектива невозможны, потому что выбор обвинять или защищать своим источником имеет

единое решение коллектива³⁰. Судебной практике Латвийской ССР случаи выделения одной и той же организацией общественного обвинителя совместно с общественным защитником неизвестны.

Такое совместное участие в деле о том же подсудимом может иметь место лишь в том случае, когда своих представителей в судебном заседании посылают различные организации, которых членом является подсудимый. В практике народных судов гор. Риги были случаи, например, назначения общественного обвинителя комсомолом, а общественного защитника профсоюзной организацией тому же подсудимому.

Процессуальные правила такому образу действий не препятствуют, однако совместное общественное обвинение и общественная защита того же лица нецелесообразны. Это может лишь повредить определенности общественного мнения по делу, правильной оценке общественной опасности деяния и лица, его совершившего.

Так должен быть решен вопрос по крайней мере в настоящее время, учитывая практические задачи общественного обвинения и общественной защиты на сегодняшний день.

Следует отметить, что по рассматриваемому вопросу положение общественного и должностного обвинения и защиты диаметрально противоположно. Должностное (прокурорское) обвинение по действующему уголовно-процессуальному законодательству не только не препятствует защите, но влечет ее в обязательном порядке.

8. ВОПРОС О КОЛЛЕКТИВЕ ТРУДЯЩИХСЯ КАК ИСТОЧНИКЕ ПРАВОМОЧИЙ ПРЕДСТАВИТЕЛЯ ОБЩЕСТВЕННОСТИ НА СУДЕ

Основы уголовного судопроизводства прямо указывают, что в качестве общественных обвинителей или общественных защитников к участию в судебном разбирательстве по определению суда могут быть допущены представители *общественных организаций трудящихся* (ст. 41 Основ). Как на источник правомочий представителя общественности на суде Основы не указывают на коллектив трудящихся. Обществен-

³⁰ В Постановлении Пленума Верховного Суда СССР от 26 III 1960 г. сказано: «Участие общественного обвинителя и общественного защитника от одной и той же организации в отношении одного и того же подсудимого является неправильным, так как в подобных случаях не будет отражено действительное мнение общественной организации. См. Бюллетень Верховного Суда СССР, 1960 г., № 3, стр. 10).

ная организация и коллектив это конечно не синонимы. Однако практика пошла по пути именно такого толкования ст. 41 Основ. Ходатайства о допущении общественных обвинителей и общественных защитников суды принимают не только от общественных организаций, но и *коллективов* трудящихся.

В этой связи возникают следующие вопросы: 1) соответствует ли такой образ действий закону; 2) какова сущность понятия коллектива в данном случае; 3) есть ли надобность в указанном расширительном толковании ст. 41 Основ уголовного судопроизводства?

Отвечаем на поставленные вопросы в их последовательности.

Соответствует ли закону практика допущения общественных обвинителей и общественных защитников, как представителей коллектива трудящихся, а не их общественной организации? Такая практика общесоюзному закону (Основам уголовного судопроизводства) формально конечно не соответствует, так как понятие коллектива несравнимо шире, содержание этого понятия богаче и разнообразнее, чем понятие общественной организации. Подменить одним другого никак нельзя.

Коллектив — это явление общественное, форма товарищеского сотрудничества. По всем *правовым* вопросам вместо коллектива выступает соответствующая общественная организация или ее представительный орган, например, комитет профсоюза. Коллектив определяется не юридическим критерием, а лишь общностью интересов и труда, которая может быть как длительная, так и весьма кратковременная. Поэтому для юридического оформления представительства того или иного коллектива никак нельзя миновать общественную организацию, составной частью которой является коллектив. Так получается и на практике: независимо от какого коллектива данной общественной организации исходит инициатива общественного обвинения или общественной защиты, все равно полномочия оформляются через соответствующий представительный орган общественной организации и скрепляется его печатью. В итоге получается, что представитель общности, выдвинутый любым коллективом трудящихся на предмет осуществления общественного обвинения или общественной защиты формально будет представить данную общественную организацию.

Следовательно нет никакой надобности на практике дополнять и видоизменять содержание статьи 41 Основ уголовного судопроизводства понятием «коллектива».

Так и поступили большинство союзных республик при создании новых уголовно-процессуальных кодексов³¹.

Надобность в расширительном толковании ст. 41 Основ в указанном смысле может возникнуть лишь в двух случаях, а именно — в связи с институтом общественного поручительства или принятием на себя коллективом трудящихся обязательства по перевоспитанию и исправлению условно осужденного (ст. 38 Основ уголовного законодательства, ст. 6 и ст. 250 ч. III УПК Латвийской ССР).

Как же быть в этих случаях?

Казалось бы, для осуществления поручительства нет надобности выдвигать общественного защитника. В стадии предварительного расследования, на которой в подавляющем большинстве случаев решается вопрос о передаче на поруки, общественный защитник не участвует и принимать участия не может. Однако это не препятствует успешному решению вопроса о передаче на поруки на основании письменного ходатайства общественной организации или коллектива трудящихся.

Иначе обстоит дело, когда волеизъявление некоторой части общественной организации, ее коллектива, представляет данным коллективом уполномоченный представитель, выступающий в роли общественного защитника. Это может иметь место как при вынесении условного приговора с передачей на перевоспитание коллективу, так и в случае общественной защиты на суде с целью передачи виновного на поруки коллективу трудящихся.

В этих случаях для передачи лица, совершившего преступление общественности (коллективу), основанием будет решение общего собрания организации или коллектива трудящихся (ст. 250 ч. III УПК Латв. ССР), так как за исправление, перевоспитание виновного отвечает вся организация или весь коллектив трудящихся, где работал и будет работать виновный.

Но следует ли из этого, что полномочие общественного защитника в данном случае также должно исходить не от общественной организации или ее представительного органа, а от коллектива?

³¹ См., например: ст. 250 УПК РСФСР и соответствующие статьи УПК других союзных республик. Понятием коллектива правила Основ уголовного судопроизводства дополняет УПК Эстонской ССР (ст. 211).

Представляется, что нет. Волеизъявление всего коллектива через общее собрание — это необходимое условие для передачи на поруки или на перевоспитание, но отнюдь не обязательное условие назначения общественного защитника.

Общественный защитник в данном случае должен быть уполномочен соответственно требованиям статьи 41 Основ уголовного судопроизводства, т. е. являться представителем не коллектива, а общественной организации.

Таким образом и в рассмотренных выше двух случаях источником правомочий общественного защитника на осуществление общественной защиты на суде должен быть не коллектив трудящихся, а общественная организация.

Так, на наш взгляд, следует понимать правила ст. 250 УПК Латв. ССР, выраженные в ее второй и третьей части³².

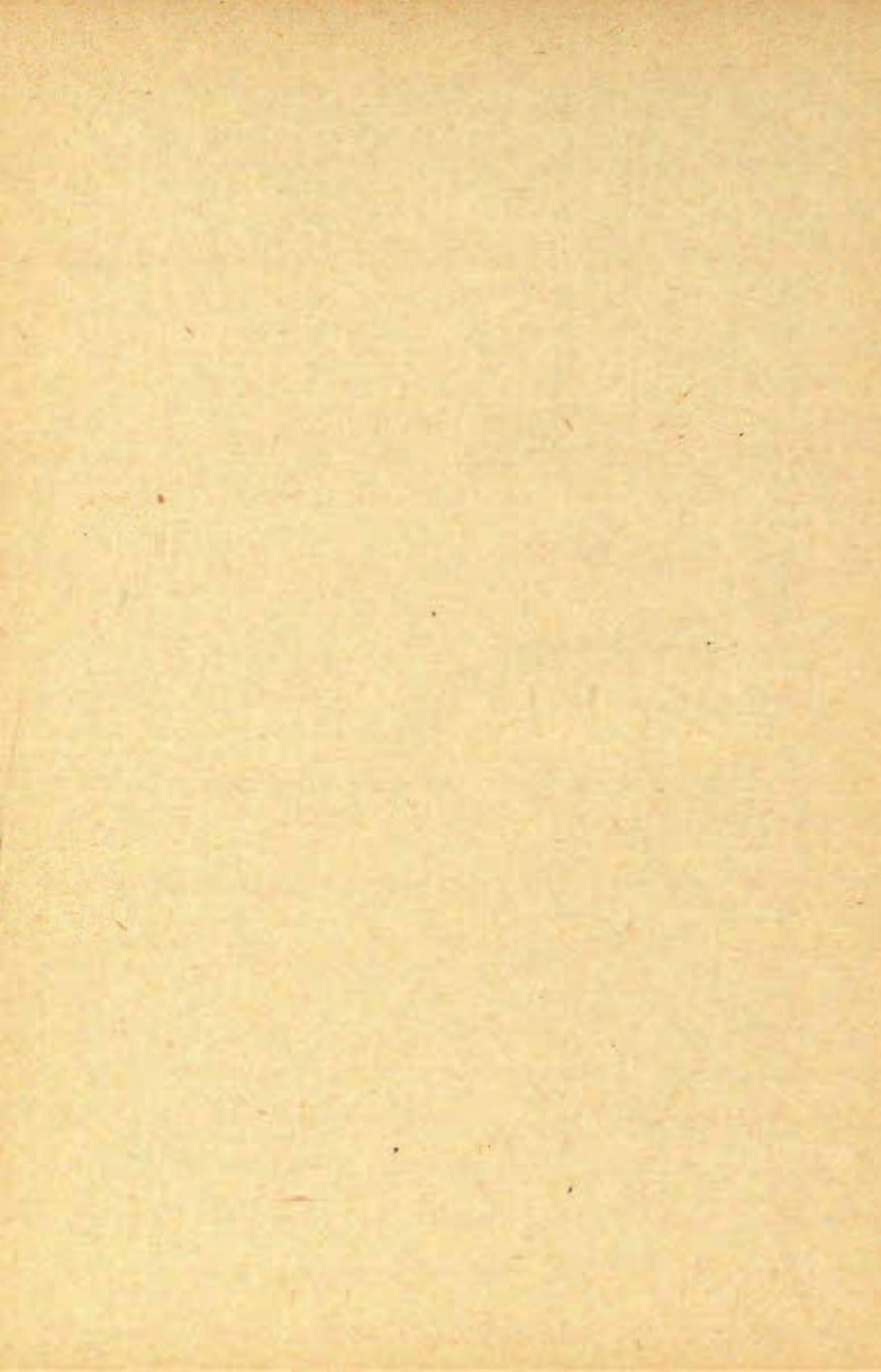
Понятие коллектива, конкретное его содержание важно не для проверки полномочий общественного защитника, а совершенно в другом значении. Оно важно для прокуратуры и суда при решении вопроса о целесообразности передачи на поруки *данному коллективу* лица, совершившего преступление. Однако этот вопрос — вопрос общественного поручительства, как бы он не был важен и значителен, лежит вне пределов исследования института общественного обвинения и общественной защиты и поэтому в данной статье не может быть подвергнут более детальному рассмотрению.

* * *

Рассмотрение здесь частных вопросов общественного обвинения и общественной защиты не претендует на полноту. Это лишь некоторая часть проблем, возникающих в связи с восстановлением института общественного обвинения и общественной защиты в советском уголовном процессе. Из числа этих проблем внимание было направлено лишь на практически более неясные или спорные, правильного решения которых настоятельно требует судебная практика Латвии.

³² Ч. II и ч. III ст. 250, УПК Латв. ССР гласят: «Общественный обвинитель и общественный защитник должны предъявлять суду ходатайство, выданное представительным органом общественной организации на основании решения общего собрания организации или постановления заседания ее представительного органа в связи с конкретным делом.

Полномочие общественного защитника ходатайствовать о передаче подсудимого на поруки может быть признано действительным лишь в том случае, если оно основано на решении общего собрания организации или коллектива трудящихся, берущих подсудимого на поруки для перевоспитания и исправления».



A. LIEDE

Docents, jurid. zinātņu kandidāts.

KRIMINĀLPROCESA DALĪBNIEKI

(Pēc Latvijas PSR Kriminālprocesa kodeksa)

Jautājums par kriminālprocesa dalībniekiem, to tiesībām un pienākumiem vienmēr ir bijis svarīgs padomju kriminālprocesa teorijai un praksei. Ar šo jautājumu cieši saistīta nevien tiesvedības uzdevumu īstenošanas tāda vai citāda izveide, bet arī procesuālo garantiju, demokrātisma un likumības nostiprināšana procesā.

Sevišķu uzmanību procesa dalībniekiem veltīja 1958. g. PSR Savienības un savienoto republiku kriminālprocesa pamati, pirmo reizi padomju procesuālajā likumdošanā sīki reglamentējot svarīgāko procesa dalībnieku procesuālo stāvokli, viņu tiesības un pienākumus. Savienoto republiku jaunajos kriminālprocesa kodeksos šis jautājums aplūkots vēl plašāk, nosakot arī tādus procesa dalībniekus, kas Kriminālprocesa pamatu otrajā sadaļā (Procesa dalībnieki, viņu tiesības un pienākumi) tieši nebija minēti.

Tagad, izvērstas komunistiskās sabiedrības celtniecības periodā, atbilstoši PSKP XXI un XXII kongresa norādījumiem, tālāk veidojas dažu valsts orgānu funkciju nodošana sabiedrības pārziņā un attīstās sabiedrības iesaistīšana valsts orgānu darbībā. Tamlīdz iespējama vēl tālāka procesa dalībnieku sastāva nosliece uz sabiedrisko organizāciju, darbaļaužu kolektīvu un vispār sabiedrības pārstāvju iesaistīšanu tiesvedības uzdevumu īstenošanā.

Procesa dalībnieku apjoms, viņu tiesību un pienākumu apjoms nav uzlūkojams kā kaut kas sastindzis un nemainīgs. Arī tiesvedībai, tās noteikumiem un saturam jāveidojas līdzī sociālistiskās sabiedrības izaugsmei komunistiskajā sabiedrībā. Taču tik ilgi, kamēr pastāvēs tiesvedība kā process, ko īsteno valsts orgāni, cīnoties ar noziedzību, procesa dalībniekiem, viņu tiesībām un pienākumiem jābūt likumā stingri noteiktiem. Pretējā

gadījumā nebūtu iespējams nodrošināt likumību tiesvedībā un, tagadējos apstākļos, būtu kavēta arī sekmīga cīņa pret noziedzību.

Tāpēc ir lietderīgi noskaidrot gan procesa dalībnieku jēdzienu, gan to apjomu, gan viņu iesaistību procesā, atbilstoši Latvijas PSR spēkā esošajiem likumiem.

PSR Savienības un savienoto republiku Kriminālprocesa pamatu otrajā sadaļā no 21. līdz 26. pantam minēti tikai pieci procesa dalībnieki, nosakot arī viņu tiesības un pienākumus. Tie ir: apsūdzētais, viņa aizstāvis, cietušais, civilprasītājs un civiltbildētājs. Tomēr ar to procesa dalībnieku skaits nav izsmelts.

Jaunie savienoto republiku kriminālprocesa kodeksi procesa dalībnieku sarakstu papildina, un pie tam visai dažādi. Tā, piemēram, KPFSR 1960. g. KPK procesa dalībniekiem veltītajā nodaļā vēl tieši iekļauj aizdomās turēto (52. p.), cietušā, civilprasītāja un civiltbildētāja pārstāvjus (56. p.) un tulku (57. p.); Latvijas PSR KPK — cietušā, civilprasītāja un civiltbildētāja pārstāvjus (104. p.) un likumiskos pārstāvjus (105. p.); Igaunijas KPK — tiesājamo un cietušā, civilprasītāja un civiltbildētāja pārstāvjus (34. p. un 44. p.); Lietuvas KPK — aizdomās turēto (59. p.) un cietušā, civilprasītāja un civiltbildētāja pārstāvjus; Ukrainas, Baltkrievijas, Grūzijas, Armēnijas, Moldāvijas un Tadžikijas KPK — cietušā, civilprasītāja un civiltbildētāja pārstāvjus; Uzbekijas KPK — apsūdzētāju (35. p.) un tiesas sēdes sekretāru (34. p.). Vienīgi Kazahijas Kriminālprocesa kodekss aprobežojas ar tiem pašiem procesa dalībniekiem, kas minēti Kriminālprocesa pamatu II sadaļā, bet Azerbaidžānas KPK vispār atteicies no procesa dalībnieku, viņu tiesību un pienākumu vienkopus reglamentācijas, veltījot 5. nodaļu cietušajam, civilprasītājam un civiltbildētājam, bet 6. nodaļu — apsūdzētajam un viņa aizstāvim.

Apvienojot vienā uzskaitē visus šos republikānisko kriminālprocesa kodeksu speciālo nodaļu noteikumus, iegūstam šādu procesa dalībnieku sarakstu: aizdomās turētais, apsūdzētais, tiesājamais, aizstāvis, apsūdzētā likumiskais pārstāvis, apsūdzētājs, cietušais, cietušā likumiskais pārstāvis, cietušā pārstāvis, civilprasītājs, civilprasītāja pārstāvis, civiltbildētājs, civiltbildētāja pārstāvis, tiesas sēdes sekretārs un tulks.

Tomēr jāteic, ka šī kopsumma neizsmel procesa dalībnieku pilnskaitu. Gan Kriminālprocesa pamatu, gan arī republikānisko kodeksu citās sadaļās atrodam ne mazums normu, kurās arī daudzi citi kriminālprocesuālās darbības subjekti reglamentēti kā procesa dalībnieki. Tātad kriminālprocesa dalībnieku pilnskaits iet pāri tām robežām, kas nospraustas ar Kriminālprocesa

pamatu otro sadaļu un tai atbilstošajām speciālajām savienoto republiku KPK nodaļām.

Lai šai jautājumā orientētos, acīm redzot, nepieciešams vispirms noskaidrot, kas tad ir procesa dalībnieks padomju kriminālprocesā? Atbilde uz šo jautājumu izriet no padomju kriminālprocesa struktūras, uzdevumiem un to īstenošanas kārtības.

Padomju kriminālprocesa struktūru starp citu nosaka tas, ka valsts iestādes un amatpersonas cīņu ar noziedzību veic kopdarbībā ar pilsoņiem, kas tā vai citādi tiek iesaistīti procesuālajās darbībās.

Pienākums ierosināt krimināllietu un atklāt noziegumu ar Kriminālprocesa pamatu un Latvijas KPK 3. pantu uzlikts tiesai, prokuroram, izmeklētājam un izziņas iestādei viņu kompetences robežās. Likums šeit izsmeloši uzskaita valsts iestādes un amatpersonas — galvenos kriminālprocesuālās darbības subjektus, kuri ex officio veic cīņu ar noziedzību: ierosina krimināllietas, noskaidro nozieguma notikumu un personas, kas vainīgas nozieguma izdarīšanā, lai tās sodītu. Bet veikt kriminālprocesam noteiktos uzdevumus pilnā apjomā valsts orgāni un amatpersonas vien nespēj. Lai īstenotu savus uzdevumus, kas noteikti Kriminālprocesa pamatu un Latvijas KPK otrajā pantā (ātri un pilnīgi atklātu noziegumus, noskaidrotu vainīgos, nodrošinātu likumu pareizu piemērošanu, sekmētu sociālistiskās likumības nostiprināšanu, noziegumu novēršanu un izskaušanu un pilsoņu audzināšanu), tiesai, prokuroram, izmeklētājam un izziņas iestādei jāsadarbojas ar pilsoņiem un it īpaši ar likumā paredzētajiem procesa dalībniekiem.

Tā kā padomju kriminālprocess izpaužas kā likumos stingri noteikta tiesiska norise, kas atbilst sociālistiskā demokrātisma, procesuālo garantiju un likumības principiem, tad viegli saprotams, ka procesā nevar būt nejaušu, likumā neparedzētu, beztiesisku dalībnieku. Procesā piedalīties var tikai tādas personas, kas ir procesuālajos likumos noteiktu tiesību un pienākumu nesējas, kas ir kriminālprocesuālās darbības subjekti.¹ Pretējā gadījumā viņu līdzdalība procesā kļūtu nekontrolējama no liku-

¹ Nedz Kriminālprocesa pamati, nedz savienoto republiku kriminālprocesa kodeksi «kriminālprocesuālās darbības subjekta» jēdzienu tieši nelieto. Šai rakstā kriminālprocesuālās darbības subjekta jēdzienā ietilpinātas visas iestādes, amatpersonas un pilsoņi, kam ar likumu piešķirts zināms procesuāls stāvoklis un kas tātad ir procesuālajos likumos noteiktu tiesību un pienākumu nesēji.

Citādā izpratnē šo jēdzienu savos darbos lieto prof. M. S. Strogovičs, prof. M. A. Ceļčovs un daži citi mūsu procesuālisti. M. Strogoviča izpratnē kriminālprocesuālās darbības subjekts ir tikai tas kriminālprocesa dalībnieks,

mības viedokļa. No teiktā loģiski izriet divi korelatīvi secinājumi. Pirmais secinājums: ikviens tiesību subjekts, kas saskaņā ar Kriminālprocesa kodeksu *piedalās* tiesvedības norisēs, ir tā dalībnieks; otrs — visiem tiesvedības dalībniekiem ir jābūt noteiktiem Kriminālprocesa kodeksā.

Tātad jau no īsa ieskata padomju kriminālprocesa struktūrā, tā uzdevumos un šo uzdevumu īstenošanā redzams, ka procesa dalībnieka jēdziens ir visai plašs; tas aptver visas tās personas, kas uz likuma pamata *piedalās* tiesvedībā, veidamas tajā zināmas procesuālas darbības. Par procesa dalībnieku šādā nozīmē jāuzlūko nevien apsūdzētais, viņa aizstāvis, cietušais, civilprasītājs un civiltālbildētājs, kas minēti Kriminālprocesa pamatu otrajā sadaļā, bet arī apsūdzētais, sabiedriskais apsūdzētais un sabiedriskais aizstāvis, aizdomās turētais, cietušā, civilprasītāja un civiltālbildētāja pārstāvji, apsūdzētā un cietušā likumiskie pārstāvji, tulks, tiesas sēdes sekretārs, eksperts, liecinieks, kā arī tās personas, kurām likums atļauj zināmos gadījumos piedalīties atsevišķās procesuālajās darbībās, tādi ir, piemēram, izmeklētāja aicinātie speciālisti, kas *piedalās*, izdarot apskati, aplūkošanu, izmeklēšanas eksperimentu. Visas šīs personas var piedalīties tiesvedībā, veicot procesuālas darbības.

No likumā noteiktajiem procesuālo tiesību un pienākumu nesējiem, t. i., kriminālprocesuālās darbības subjektiem, ārpus procesa dalībnieku jēdziena paliek divas subjektu grupas.

Vispirms tie ir — tiesa, tiesnesis (tautas piesēdētājs), prokurors, izmeklētājs, izziņvedis un izziņas iestāde. Šīs iestādes un amatpersonas nevis *piedalās* kriminālprocesā, bet gan to uzsāk, virza tālāk tiesvedības uzdevumu īstenošanai un likumā paredzētā kārtībā izšķir lietu. Šīs iestādes un amatpersonas cīņu ar noziedzību veic *ex officio*. Kriminālprocesa pamatu 3. pants (Latvijas PSR KPK 3. p.) tiesai, prokuroram, izmeklētājam un izziņas iestādei uzliek pienākumu nevis piedalīties procesā, bet gan, atklājoties noziegumu pazīmēm, ierosināt krimināllietu, noskaidrot noziegumu, vainīgās personas un tās sodīt. Šie pienākumi un šīs darbības nozīmē nevis tikai līdzdalību procesā, bet

kas veic kādu no trim kriminālprocesa funkcijām (kriminālvajāšanu, aizstāvēšanu, lietas izķiršanu), tālab pēc M. Strogoviča koncepcijas: «kriminālprocesuālās darbības subjekti ir tiesa, prokurors, izmeklētājs un izziņas orgāns, apsūdzētais, aizstāvis un cietušais likumā norādītos gadījumos (skat. M. С. Строгович, Уголовное преследование в советском уголовном процессе, М., 1951, 20.—21. lpp., un arī M. С. Строгович, Курс советского уголовного процесса, М., 1958, 111. lpp. Tādās pašās pozīcijās stāv prof. M. Ceļčovs, kaut arī viņš kriminālprocesuālās darbības subjektiem pieskaita vēl apsūdzētāju, civilprasītāju un civiltālbildētāju. (Skat. M. А. Чельцов, Советский уголовный процесс, М., 1951, 31.—32. lpp).

gan aktīvu kriminālvajāšanu un lietas izšķiršanu. Kriminālvajāšanu, ko ar likumu sankcionējusi valsts vara, nav tiesīgi veikt procesa dalībnieki, bet gan kompetentās valsts iestādes un amatpersonas. Procesā dalībniekiem nav arī tiesības lietu izšķirt.

Otra kriminālprocesuālās darbības subjektu grupa, ko arī nevar uzskatīt par procesa dalībniekiem, sastāv no personām, kuras nevis piedalās tiesvedībā, bet uz likuma pamata var būt klāt vai kurām jābūt klāt dažu procesuālo darbību izdarīšanas laikā, lai apliecinātu šo darbību faktu, saturu un rezultātus. Šai grupā ietilpināmos kriminālprocesuālās darbības subjektus, pretstatā procesa dalībniekiem, var apzīmēt par **procesā klātesošām personām**. Šai grupai pieskaitāmi **pieaicinātie** (LPSR KPK 138. un 139. pants), pedagogs vai likumiskie pārstāvji, kas ir klāt pie nepilngadīgā apsūdzētā, cietušā vai liecinieka noprašanās (LPSR KPK 152. un 160. pants), kā arī dažādi **pārstāvji**, kas var būt klāt, izdarot kratīšanu, izņemšanu vai mantas apraksti (LPSR KPK 170. p. un 177. p. I. d.).

Procesa dalībniekus pēc spēkā esošajiem likumiem raksturo tieši tas, ka viņi kriminālprocesuālajās darbībās ir nevis tikai klāt, bet tajās piedalās. Bet šī līdzdalība procesā reizē arī ierobežo viņu kompetenci. Krimināllietā viņi var tikai piedalīties, bet nevis to ierosināt, vadīt un izšķirt. Tāpēc ne tiesu, ne tiesnesi, prokuroru, izmeklētāju, izziņas iestādi un izziņvedi nevar ietilpināt procesa dalībniekos. Kriminālprocesa kodeksā tie aplūkoti atsevišķi, šķirti no procesa dalībniekiem. Kriminālprocesa pamatos un Latvijas PSR Kriminālprocesa kodeksā šī līnija ieturēta konsekventi visos institūtos un visās normās. Kā vienīgo izņēmumu, kur šai jautājumā pieļauta neskaidrība, var minēt Kriminālprocesa pamatu 19. pantu un tam burtiski atbilstošo Latvijas PSR KPK 22. pantu. Šeit, gan nevis tekstā, bet tikai panta nosaukumā tiesnesis un prokurors it kā pielīdzināts «citiem procesa dalībniekiem». Normas nosaukumu: «Tiesneša, prokurora un citu procesa dalībnieku noraidījums» nevar atzīt par izdevušos. Taču tas ir tikai normas nosaukums, nevis tās būtība. Normas būtība te ir noraidījuma institūta vispārējā reglamentācija. Noraidīt var kā tiesnesi, tautas piesēdētāju, prokuroru, izmeklētāju, izziņvedi, tā arī tiesas sēdes sekretāru, ekspertu un tulku; tāpēc tie minēti vienkopus. Taču tas nenozīmē, ka tiesnesis, prokurors, izmeklētājs un izziņvedis ir tikai tādi paši procesa dalībnieki kā tiesas sēdes sekretārs, eksperts un tulks.

Rezumējot šeit teikto jautājumā par kriminālprocesa dalībnieku jēdzienu un apjomu, var izdarīt šādus vispārējus secinājumus.

Visus kriminālprocesuālās darbības subjektus, t. i., personas un iestādes, kam ar kriminālprocesa likumiem piešķirtas procesuālas tiesības un uzlikti pienākumi krimināllietā, varam iedalīt trīs grupās.

Pirmā kriminālprocesuālās darbības subjektu grupa ir valsts iestādes un amatpersonas, kam ar likumu uzlikts pienākums ierosināt, izmeklēt un izšķirt krimināllietas.

Šai grupā ietilpst:

- 1) tiesa — tiesas sastāva nozīmē, kas izskata lietu (LPSR KPK 12., 24. un 25. pants);²
- 2) tiesnesis — tautas tiesneša, tiesas piesēdētāja un tiesas locekļa nozīmē (LPSR KPK 14. un 15. pants);
- 3) prokurors — (LPSR KPK 40., 41. un 249. pants);
- 4) izmeklētājs — (LPSR KPK 43. un 44. pants);
- 5) izziņas iestāde — (LPSR KPK 116., 117., 118. un 119. pants);
- 6) izziņas izdarītājs — (LPSR KPK 45. pants).
(izziņvedis)

Otrā kriminālprocesuālās darbības subjektu grupā ir *procesa dalībnieki*, t. i., personas, kam ar likumu piešķirtas procesuālas tiesības un uzlikti procesuāli pienākumi, un kuri uz šā pamata piedalās tiesvedībā.

Šai grupā ietilpst:

- 1) aizdomās turētais — (LPSR KPK 121. pants);
- 2) apsūdzētais — (LPSR KPK 95. pants);
- 3) tiesājamais — (LPSR KPK 247. pants);
- 4) aizstāvis — (LPSR KPK 96. un 97. pants);
- 5) sabiedriskais aizstāvis — (LPSR KPK 250. pants);
- 6) apsūdzētā likumiskais pārstāvis — (LPSR KPK 105. pants);
- 7) apsūdzētājs — (LPSR KPK 243. pants);
- 8) sabiedriskais apsūdzētājs — (LPSR KPK 250. pants);
- 9) cietušais — (LPSR KPK 100. pants);
- 10) cietušā pārstāvis — (LPSR KPK 100. pants);

² Tiesas tiesības un pienākumi reglamentēti daudzās un visai dažādās kriminālprocesuālās normās; šeit minēti tikai tie Latvijas PSR Kriminālprocesa kodeksa panti, kas ir principiāli noteicoši tiesas darbībai krimināllietā. Teiktais attiecas arī uz tālāk minēto kriminālprocesuālās darbības subjektu raksturošanai norādītajiem KPK pantiem.

- 11) cietušā likumiskais pārstāvis — (LPSR KPK 104. un 105. pants);
- 12) civilprasītājs — (LPSR KPK 102. pants);
- 13) civilprasītāja pārstāvis — (LPSR KPK 104. un 102. pants);
- 14) civiltbildētājs — (LPSR KPK 103. pants);
- 15) civiltbildētāja pārstāvis — (LPSR KPK 103. un 104. pants);
- 16) tiesas sēdes sekretārs — (LPSR KPK 244. pants);
- 17) tulks — (LPSR KPK 135. un 137. pants);
- 18) eksperts — (LPSR KPK 60., 61. un 62. pants);
- 19) liecinieki — (LPSR KPK 52., 53. un 54. pants);
- 20) speciālisti, kas piedalās pirmstiesas izmeklēšanas darbībās — (LPSR KPK 180. p. I d., 181. p. II d., 182. p. II un III d. un 184. p. III d.).

Trešā procesuālās darbības subjektu grupa ir procesā klātesošās personas, t. i., personas, kurām ar likumu piešķirtas tiesības vai uzlikts pienākums būt klāt dažu procesuālo darbību izdarīšanas laikā, lai apliecinātu šo darbību faktu, saturu un rezultātus.

Sai grupā ietilpst:

- 1) pieaicinātie (LPSR KPK 138. un 139. pants);
- 2) pedagogs vai likumiskie pārstāvji, kas pieaicināti būt klāt pie nepilngadīgā apsūdzētā, cietušā vai liecinieka no-pratināšanas (LPSR KPK 152. un 160. pants);
- 3) kratišanās, izņemšanā un aresta uzlikšanā mantai likumā paredzētās klātesošās personas (LPSR KPK 170., 175. un 177. pants).

Abas pēdējās kriminālprocesuālo darbības subjektu grupas — procesa dalībniekus un klātesošās personas var apvienot vienā jēdzienā — *lietas dalībnieki*, kā tas arī darīts Kriminālprocesa pamatu 27. pantā un tam atbilstošajā LPSR KPK 106. pantā, kuros ir teikts: «Tiesai, prokuroram, izmeklētājam un izziņas izdarītājam jāizskaidro lietas dalībniekiem viņu tiesības un jānodrošina iespēja šīs tiesības izlietot.» Termins «lietas dalībnieki» šeit nav nejaus, ar to aptvertas visas personas, kas piedalās krimināllietā un kam tātad jāizskaidro viņu tiesības un jānodrošina iespēja šīs tiesības izlietot.

*

Procesa dalībnieku tiesiskais stāvoklis krimināllietā nav vienvēidīgs; viņu tiesību un pienākumu raksturs un apjoms ir dažāds, samērīgs ar viņu procesuāliem uzdevumiem. Taču to

procesa dalībnieku vidū, kuri piedalās iztiesāšanas stadijā, likums izdala atsevišķu grupu un nosaka tās locekļiem vienādu tiesību apjomu līdzdalībai tiesas izmeklēšanā. Apsūdzētajam, tiesājamam, aizstāvim, cietušajam, kā arī civilprasītājam, civilatbildētājam un viņu pārstāvjiem lietas iztiesāšanā ir vienlīdzīgas tiesības iesniegt pierādījumus, piedalīties pierādījumu izmeklēšanā un pieteikt lūgumus (Kriminālprocesa pamatu 38. pants, LPSR KPK 243. pants).

Sai grupā ietilpinātos procesa dalībniekus vieno viņu līdzīgā ieinteresētība, lai lietas apstākļi tiktu izmeklēti vispusīgi, pilnīgi un objektīvi. Viņu procesuālā aktivitāte lielā mērā var sekmēt likumīgu, taisnīgu un pamatotu spriedumu. Tāpēc tad arī likumdevējs viņiem piešķīris vienlīdzīgas tiesības iesniegt pierādījumus, piedalīties pierādījumu izmeklēšanā un pieteikt lūgumus.

Šiem procesa dalībniekiem pieskaitāms vēl arī sabiedriskais apsūdzētais un sabiedriskais aizstāvis. Viņu tiesības tiesas sēdē LPSR KPK 250. pantā noteiktas tādas pašas kā 243. pantā minētajiem procesa dalībniekiem. Redzams, ka šai kompleksā ap tiesājamo sargrupēti tie procesa dalībnieki, kuru procesuālā darbība ir vai nu ar apsūdzības, vai aizstāvības raksturu.

Pirms 1958. gada Kriminālprocesa pamatu izdošanas kā padomju kriminālprocesa teorijā, tā arī likumdošanā minētos procesa dalībniekus bija pieņemts apzīmēt ar jēdzienu «puses», līdzīgi tam, kā civilprocesā sauc prasītāju un atbildētāju.

Puses civilprocesā ir tie lietas dalībnieki, kuru civiltiesiskais strīds jāizšķir tiesai; tie ir strīdamās tiesiskās attiecības subjekti. Puses civilprocesā var būt pilsoņi, valsts iestādes, uzņēmumi, kolhozi un citas organizācijas ar juridiskas personas tiesībām. 1961. gada PSR Savienības un savienoto republiku civilprocesa pamatu 24. pants jēdzienu «puses» saglabā un arī nosaka pusēm vienādas procesuālās tiesības. Puses civilprocesā darbojas saskaņā ar dispozitivitātes principu, atbilstoši kam procesa ierosināšana, attīstība un pabeigšana galvenokārt notiek pēc pusu gribas izteikuma.

Ir viegli nomanāms, ka jēdziens «puses», ar ko apzīmē prasītāju un atbildētāju, pilnīgi atbilst civilprocesuālajām attiecībām, atbilst prasītāja un atbildētāja situācijai tiesvedībā.

Taču to nevar teikt par to pašu jēdzienu, pārnestu kriminālprocesā.

Līdz 1958. g. Kriminālprocesa pamatu un savienoto republiku jauno kriminālprocesa kodeksu izdošanai spēkā bijušie savienoto republiku kriminālprocesa kodeksi jēdzienā «puses» ietilpināja: prokuroru, kurš uztur valsts apsūdzību, civilprasītāju un viņa interešu pārstāvi, apsūdzēto, viņa likumisko pārstāvi un

aizstāvi, kā arī cietušo tais gadījumos, kad viņam dota tiesība uzturēt apsūdzību, un viņa interešu pārstāvi (1923. g. KPFSR KPK 23. p. 6. punkts).

Taču šīs «pusēs» nepavisam neraksturoja tāda procesuālo tiesību vienādība un tāda situācija, kā civilprocesā. Aplūkojot par «pusēm» 1923. g. KPFSR KPK nosauktos procesa dalībniekus, redzams, ka daži no tiem var piedalīties arī pirmstiesas izmeklēšanā (piemēram, apsūdzētais, civilprasītājs), citi turpretī tikai iztiesāšanas stadijā, bet prokurora procesuālo tiesību un pienākumu apjoms vispār krasi atšķiras no citu «pusu» procesuālā stāvokļa. Tāpēc arī visas šīs personas par pusēm dēvēja tikai iztiesāšanas stadijā, kurā tiešām pastāv viņu procesuālo tiesību zināma vienādība. Šai koncepcijai atbilda arī 1923. g. KPFSR Kriminālprocesa kodeksa trešā nodaļa, kas saturēja vispārīgus noteikumus par «tiesu un pusēm».

Nevar neatzīmēt, ka šāda tiesvedības izpratne tiesu novietoja starp «pusēm», piešķirot tai it kā tikai uzdevumu izšķirt līdztiesīgo «pusu» krimināltiesisko strīdu, «kriminālo prasību», kaut gan tas nepavisam neatbilda padomju kriminālprocesa būtībai un raksturam. Tomēr šāds uzskats padomju procesuālajā teorijā tika kultivēts. To veicināja procesuālās teorijas «likumdevēja» A. Višinska uzskati.³ Daži redzami padomju procesuālisti, kā, piemēram, M. Sifmans,⁴ N. Poļanskis⁵ un daļēji M. Strogovičs⁶ savā laikā arī nonāca līdz kriminālās prasības teorijas tiešai vai netiešai atzišanai, kura, kā zināms, plaši pazīstama buržuāziskajā kriminālprocesa zinātnē.⁷

Nevar neatzīmēt, ka padomju kriminālprocesa teorijā prof.

³ Skat. M. Л. Шифман, Прокурор в уголовном процессе, М., 1948, kur citēti A. Višinska vārdi: «Valsts pilnvarojusi prokuratūru saukt pie atbildības un tā ir prasība... Kriminālā prasība trāpīgi izsaka tās saturu», 34. lpp.

⁴ Turpat, 33.—47. lpp.

⁵ Проф. Н. Н. Полянский, Очерки общей теории уголовного процесса, 1927 г. Vēlāk проф. Poļanskis po šī viedokļa atteicās. Skat. Н. Н. Полянский, Вопросы теории советского уголовного процесса, М., 1956, стр. 220—229. (Уголовный процесс как ветвь процессуального права).

⁶ Проф. М. С. Строгович, Уголовное преследование в советском уголовном процессе, М., 1951.

⁷ Starp krievu pirmsrevolūcijas juristiem kriminālās prasības teoriju kultivēja tie procesuālisti, kuri centās izdzēst atšķirību starp krimināl- un civilprocesu. Redzamākie šīs teorijas pārstāvji bija N. Rozins. (Н. Н. Розин, Уголовное судопроизводство, Петроград, 1916 г.), I. Mihailovskis (И. В. Михайловский, Основные принципы организации уголовного суда, М., 1905 г.), A. Nefedjēvs (Проф. А. Е. Нефедьев, Учение об иске, вып. 1, Казань, 1891 г.). Daļēji uz šīm pašām pozīcijām stāvēja arī I. Foinickis (И. Я. Фойницкий, Курс уголовного судопроизводства, т. II, СПб, 1896).

M. Čelcovs jau 1929. gadā norādīja uz kriminālās prasības teorijas kaitīgumu, jo tā aizplivuro patieso kriminālprocesa dabu.⁸

Tagad ne 1958. gada Kriminālprocesa pamati, nedz jaunie savienoto republiku kriminālprocesa kodeksi jēdzienu «puses» vairs nelieto. Ar jaunāko likumdošanu šis jēdziens atstāts civilprocesa sfērai, kur tas pastāv kā svarīga un nepieciešama civilprocesa kategorija.

Tomēr jākonstatē, ka atmetot terminu «puses» kā kriminālprocesam nepiemērotu, pagaidām nav radīts tā atvietotājs. Tas nereti noved pie tā, ka «pusu» jēdziens saglabājas praktiskās tiesvedības vārdu lietojumā.

*

Padomju kriminālprocesa teorijā ir izplatīts procesa dalībnieku iztīrājums atbilstoši procesuālajām funkcijām, kuras tie veic. Tas noved pie gluži citādas procesa dalībnieku jēdziena satūra izskaidrošanas un viņu iedalījuma. Taču šis iedalījums izriet nevis no procesa dalībnieku būtības un procesuālā stāvokļa noskaidrošanas, bet gan noder pieminēto funkciju raksturojumam, kas iepriekš pieņemtas kā neapstrīdams postulāts.

Tā, piemēram, prof. M. Strogovičs, izejot no trim kriminālprocesa funkcijām (kriminālvajāšanas, aizstāvības, lietas izšķiršanas), atzīst, ka «liecinieki, pieaicinātie, eksperts un tulki, kuriem ir svarīga loma krimināllietu izmeklēšanā un iztiesāšanā, nav uzskatāmi par kriminālprocesuālās darbības subjektiem, kaut arī tie veic atsevišķas procesuālās darbības un ir atsevišķu kriminālprocesuālu attiecību subjekti.»⁹ Šī atziņa saistās ar tai atbilstošu kriminālprocesuālās darbības izpratni. M. Strogovičs procesuālo darbību saprot tikai kā «kriminālprocesa dalībnieku — tiesas, prokuratūras, izmeklēšanas orgānu, apsūdzētā, viņa aizstāvja, cietuša un viņa pārstāvja darbību.»¹⁰

Tādējādi pēc prof. M. Strogoviča koncepcijas procesa *dalībnieku* skaitā starp citu ietilpst tiesa, prokurors, izmeklētājs, bet ārpus tā tiek nostādīti visi tie, kas «neizpilda kriminālprocesuā-

⁸ Проф. М. А. Чельцов-Бебутов, Советский уголовный процесс, вып. II, Харьков, 1929, стр. 45.

⁹ М. С. Строгович, Курс советского уголовного процесса, М., 1958, 111. лрр.

Prētēju viedokli šai jautājumā ieņem prof. D. Karevs, kurš gan arī atzīst procesuālo funkciju trejiedalījumu, taču par kriminālprocesuālās darbības subjektiem uzskata nevien tiesu, prokuroru, izmeklēšanas iestādes un «puses», bet arī lieciniekus, ekspertus, pieaicinātos un tulkus (Skat. Советский уголовный процесс, под ред. проф. Д. С. Карева, М. 1951. 34. лрр.).

¹⁰ М. С. Строгович, op. cit. 98. лрр.

tās funkcijas». Šis viedoklis prof. M. Strogoviča darbos ir konsekvents, taču tā avots ir nevis likumā noteiktu procesa dalībnieku procesuālā stāvokļa, viņu tiesību un pienākumu analīze, bet gan procesuālo funkciju iedalījums, pieņemot, ka par procesuālās darbības subjektiem var apzīmēt tikai tos procesuālo tiesību nesējus, kuri minētās funkcijas veic, t. i., izpilda vai nu kriminālvajāšanas un aizstāvības, vai lietas izšķiršanas darbības.

Pakavēsimies pie šiem uzskatiem mazliet sīkāk.

Sai koncepcijai atbilstoša procesa dalībnieka izpratne, kā jau redzējām, izriet no attiecīgas kriminālprocesuālās darbības izpratnes, atzīstot, ka kriminālprocesuālu darbību veic tikai tiesa, prokuratūra, izmeklēšanas iestādes, apsūdzētais, viņa aizstāvis, cietušais un viņa pārstāvis.¹¹ Loģisks secinājums: visi pārējie procesuālo tiesību un pienākumu nesēji, kuri piedalās tiesvedībā (piem., liecinieki, tulks, eksperts u. c.), nav procesa dalībnieki. Iznāk, ka tie stāv it kā ārpus procesa konkrētā krimināllietā. Reāli viņi procesā piedalās gan, piedalās likumā paredzētās procesuālās darbībās (piem., liecinieks tiek pratināts, vai pašrocīgi raksta nopratināšanas protokolu (LPSR KPK 159., 161. p.), piedalās konfrontēšanā un uzrādīšanā uzzīmēšanai (LPSR KPK 164. un 165. p.), piedalās izmeklēšanas eksperimentā (LPSR KPK 184. p.); eksperts izdara procesuālu darbību — ekspertīzi, tiesas sēdē piedalās pierādījumu izmeklēšanā (LPSR KPK 286. p.), bet tai pašā laikā viņi procesā it kā nevar piedalīties, jo netiek atzīti par procesa dalībniekiem. Te saskatāma abstrakto formulējumu neatbilstība kā normām, tā reāliem faktiem; teorijas nesaskaņa ne tik vien ar likumu, bet arī ar praksi.¹²

Tas pats no otras puses sakāms par tiesas, prokurora un izmeklēšanas iestāžu ietilpināšanu procesa dalībniekos. Šie procesuālās darbības subjekti reāli un arī tiesiskā nozīmē nevis piedalās krimināllietā, bet gan to ierosina, izmeklē un izšķir. Apzīmējot tos par procesa *dalībniekiem*, netiek pareizi apgaismota viņu loma un uzdevumi tiesvedībā.

Un gluži otrādi, tulku, lieciniekus, ekspertu nevar izslēgt no procesa dalībnieku skaita, jo viņi *piedalās procesā*, un nevis vada un virza to. Vai viņu līdzdalība procesā ir *ilgstoša*, vai *epizodiska*, tam viņu tiesiskā stāvokļa raksturojumā ir tikai sekundāra nozīme. Bet tieši ar to prof. M. Strogovičs tālāk pamato

¹¹ M. С. Строгович, Курс советского уголовного процесса, М., 1958.

¹² Uz to norādīja jau jurid. zin. kand. T. Malkeviča savā recenzijā par prof. M. Strogoviča grāmatu «Уголовное преследование в советском уголовном процессе», М., 1951 (žurnālā Социалистическая законность», 1952 г., № 3, стр. 81—87).

savu viedokli, neatzīdams lieciniekus, tulku, ekspertu par procesa dalībniekiem.¹³

Lietas dalībnieku iedalījumam «ilgstošos» un «īslaicīgos» (izslēdzot pēdējos no procesa dalībnieku skaita) vispār nevar piekrist. Tiesību un pienākumu subjektus raksturo nevis tas, cik īslaicīgi vai ilgstoši tie īsteno savus pienākumus un tiesības, bet gan viņu tiesību un pienākumu būtība un saturs. Arī tādu kriminālprocesuālās darbības subjektu, ko prof. M. Strogovičs tieši apzīmē par procesa dalībniekiem, līdzdalība procesā var būt visai īslaicīga un epizodiska. Kā piemēru var minēt izziņvedi (izziņas izdarītāju), kas veic izziņu lietas, kur obligāta iepriekšēja izmeklēšana, aizdomās turēto, kurš tiek aizturēts uz īsu laiku un netiek vēlāk saukts pie kriminālatbildības u. c. Pēc savu uzdevumu veikšanas tie, kā saka prof. M. Strogovičs, tiešām «izstājas no procesa». Turpretim par liecinieku to nevar teikt. Arī pēc nopratināšanas pirmstiesas izmeklēšanā viņš saglabā savu procesuālo stāvokli līdz lietas iztiesāšanai, jo viņu ikbrīdi var no jauna aicināt un pratināt, viņu var konfrontēt, pakļaut psihiatriskai ekspertīzei. Savu procesuālo statusu liecinieks nezaudē visā lietas gaitā, kamēr izbeidzas procesuālās attiecības konkrētā krimināllietā.

No visa, kas šeit teikts, rodas secinājums, ka procesa dalībnieku jēdziena saturs jāmeklē spēkā esošajās kriminālprocesa normās, bet nevis procesuālajās funkcijās, kuras neizsmēļ visu tiesvedības saturu.¹⁴

¹³ М. С. Строгович, Курс советского уголовного процесса, М., 1958, 111. lpp. Agrāk prof. M. Strogovičs lieciniekus, ekspertu, tulku u. c. pieskaitīja procesa dalībniekiem, bet neatzina par procesuālās darbības subjektiem: «Иначе обстоит дело с такими участниками процесса, как свидетели, эксперты, понятие переводчики. Субъектами процессуальной деятельности они не являются, так как не выполняют ни одной из трех основных процессуальных функций» (проф. М. С. Строгович, Уголовное преследование в советском уголовном процессе, М., 1951, стр. 21).

¹⁴ Vecais, no buržuāziskās teorijas mantotais, procesuālo funkciju iedalījums [kriminālvajāšana — apsūdzība, aizstāvība, lietas izšķiršana] ne tik vien neatbilst padomju kriminālprocesam pēc būtības, bet arī neizsmēļ tā saturu. Piemēram, tāds būtisks padomju kriminālprocesa uzdevums kā objektīvās patiesības noskaidrošana arī var tikt apzīmēts par «procesuālu funkciju», un pie tam — par vienu no vissvarīgākajām funkcijām padomju kriminālprocesā.

Nevar atstāt nievērotu arī to, ka tagad, it īpaši pēc PSKP XXI un XXII kongresa lēmumiem, kriminālprocesā par ļoti svarīgu ir kļuvusi pārliecināšanas funkcija, audzināšanas funkcija vispār, kā arī vainīgā labošanas un pāraudzināšanas funkcija katrā konkrētā krimināllietā. Šo funkciju īstenošana procesā jau iekļāvusi tādus jaunus dalībniekus, kā sabiedrisko apsūdzētāju un sabiedrisko aizstāvi, un tas, protams, nav pēdējais solis kriminālās tiesvedības pilnveidošanā komunisma izvērstas celtniecības laikmetā.

Kriminālprocesa dalībnieka jēdziena pareizai izpratnei ir ne vien teorētiska, bet arī praktiska nozīme.

Daudzās LPSR Kriminālprocesa kodeksa normās, tāpat kā citu savienoto republiku KPK, «kriminālprocesa dalībnieks» vai «lietas dalībnieks» ir minēts kā sugas jēdziens. Taču likumdevējs, to lietodams, ne katreiz domājis visus procesa dalībniekus. Lai likums tiktu pareizi piemērots, minētā jēdziena pareiza izpratne ir ļoti svarīga.

LPSR Kriminālprocesa kodeksā šai ziņā var norādīt uz 106., 261., 262., 290., 291., 292. un 342. pantu.

Aplūkosim šīs normas.

LPSR Kriminālprocesa kodeksa 106. pants, kas burtiski atbilst Kriminālprocesa pamatu 27. pantam, nosaka, ka tiesai, prokuratoram, izmeklētājam un izziņas izdarītājam jāizskaidro lietas dalībniekiem viņu tiesības un jānodrošina iespēja šīs tiesības izlietot.

Ar šo normu kā Kriminālprocesa pamatos, tā arī Latvijas PSR KPK noslēdzas procesa dalībniekiem veltītā sadaļa. Iztulkojot šo normu pēc tās ievietojuma kodeksā, var rasties secinājums, ka prasība izskaidrot lietas dalībniekiem viņu tiesības un pienākumus un nodrošināt iespēju šīs tiesības izlietot, attiecas tikai uz tām personām, kas norādītas kodeksa otrajā sadaļā, kuru minētā norma loģiski noslēdz. Uz šādu secinājumu var pamudināt arī tas apstāklis, ka pārējās personas, kas piedalās lietā, par procesa (lietas) dalībniekiem kodeksā vispār netiek apzīmētas. Viņu procesuālais stāvoklis reglamentēts ārpus otrās sadaļas, līdz ar to it kā izslēdzot tos no tiesvedības dalībnieku skaita, kuriem, atbilstoši KPK 106. panta izpratnei, jāizskaidro tiesības un kam jānodrošina iespēja šīs tiesības izlietot.

Sāds KPK 106. panta iztulkojums būtu nepareizs. KPK 106. pantu nevar aplūkot dogmatiski, izolēti no pārējām principiālajām tiesvedības normām. LPSR KPK 106. pants ir principiāls. Tas nodrošina procesuālo garantiju īstenošanu. Bet procesuālās garantijas padomju kriminālprocesā piešķirtas visiem, kas piedalās lietā: gan procesa dalībniekiem, gan procesuālajās darbībās klātesošiem. Vēl vairāk: procesuālās garantijas padomju kriminālprocesā pieder arī tiem pilsoņiem, kas tiesvedībā nepiedalās, bet kuru likumiskās intereses var skart dažas piespiedu darbības tiesvedības gaitā (piem., kratīšana, izņemšana, izmeklēšanas eksperiments). Lai pilsoņi savas tiesības procesā varētu reāli izlietot, tiem tās jāzina un jāizprot; tātad tiesības jāizskaidro visiem, kam tās ar procesa likumiem piešķirtas.

Atbilstoši procesuālo garantiju principam daudzās atsevišķās KPK normās, kas regulē zināmas tiesvedības darbības, amatpersonām tieši pienākums izskaidrot šo darbību dalībniekiem viņu tiesības. Tā piemēram, izziņvedim un izmeklētājam jāizskaidro procesuālās tiesības nevien LPSR KPK II sadaļā minētajiem procesa dalībniekiem — apsūdzētajam, cietušajam, civilprasītājam, civilatbildētājam, cietušā, civilprasītāja un civilatbildētāja pārstāvjiem, apsūdzētā un cietušā likumiskajam pārstāvim, bet arī šādiem dalībniekiem un klātesošajām personām: aizdomās turētajam (KPK 123. p. II d.); tulkam (KPK 137. p. III d.); lieciniekam (KPK 159. p. I d.); pedagogam un vecākiem (KPK 160. p. II d.); ekspertam (KPK 190. p. II d.); pieaicinātajiem (KPK 139. p. II d). Tiesas sēdes priekšsēdētājam tiesas sēdes sagatavojošo darbību gaitā jāizskaidro tiesības tiesājamam, cietušajam, civilprasītājam, civilatbildētājam, ekspertam, sabiedriskajam apsūdzētajam un sabiedriskajam aizstāvim (KPK 274. pants). LPSR Kriminālprocesa kodeksā ir normas, kur tiesību izskaidrošana paredzēta arī personām, kas nav procesa dalībnieki. LPSR KPK 170. pantā noteikts, ka personām, pie kurām notiek kratišana, kā arī dažādiem pārstāvjiem, kas ir klāt, izdarot kratišanu (namu pārvaldes, Darbaļaužu deputātu padomes pārstāvjiem, vai iestāžu un organizāciju pārstāvjiem), jāizskaidro viņu tiesības būt klāt visu izmeklētāja darbību laikā un izteikt savas piezīmes par šīm darbībām. LPSR KPK 177. panta I daļā šis noteikums attiecināts arī uz izņemšanu un aresta uzlikšanu mantai.

Kriminālprocesa kodeksā neatrodam tieša norādījuma par procesuālo tiesību izskaidrošanu tikai tiem procesa dalībniekiem, kuriem pēc viņu amata jau jābūt šiem jautājumiem labi zināmiem. Tādi ir — aizstāvis (advokāts) un tiesas sēdes sekretārs. LPSR Kriminālprocesa kodeksā nav tieša norādījuma arī par tiesību izskaidrošanu speciālistiem, kas piedalās lietā, izdarot apskati, aplūkošanu, liķa apskati un izmeklēšanas eksperimentu (KPK 180. p. I d.; 181. p. II d.; 182. p. I un III d. un 184. p. III d.). Jāteic, ka apskatē, liķa apskatē, aplūkošanā un izmeklēšanas eksperimentā pieaicināmo speciālistu vispārējais procesuālais stāvoklis LPSR Kriminālprocesa kodeksā gandrīz nemaz nav noteikts, nav paredzētas šo speciālistu tiesības, nav noteikti pienākumi. Gluži dabīgi, ka tādos apstākļos viņu procesuālās tiesības un pienākumus arī nav iespējams izskaidrot. Tas jāatzīst par Latvijas PSR Kriminālprocesa kodeksa (tāpat kā citu savienoto republiku KPK) trūkumu, kas tālākā kodeksa uzlabošanas gaitā jānovērš.

Sakarā ar pienākumu izskaidrot procesa dalībniekiem viņu

tiesības, var rasties jautājums, cik plaši šīs tiesības izskaidrojamas: vai visas procesuālajos likumos attiecīgam dalībniekam paredzētās tiesības, vai arī tikai tās, kuras iespējams izlietot tajā tiesvedības stadijā, kurā notiek tiesību izskaidrošana? Piemēram, vai izmeklētājam jāizskaidro cietušajam visas tā procesuālās tiesības, vai tikai tās, kuras tam pieder iepriekšējās izmeklēšanas stadijā un ko viņš šajā stadijā var izlietot? Atbildot uz šo jautājumu, jāteic, ka procesa dalībniekam jau laikus jābūt informētam par *visām* savām procesuālajām tiesībām, bet šādu informācijas pienākumu likums ne izmeklētājam, ne citām tiesvedības amatpersonām kā obligātu pienākumu neuzliek. LPSR KPK 106. pantu var saprast tā, ka lietas dalībniekiem jāizskaidro tās tiesības, kuru izlietošanu pati izskaidrotāja amatpersona vai iestāde var nodrošināt. Tā izmeklētājam obligāti jāizskaidro lietas dalībniekiem tiesības, kas tiem pieder iepriekšējā izmeklēšanā; tiesai — tās, ko iespējams izlietot attiecīgajā instancē.

Rezumējot teikto, jāsecina, ka tiesības izskaidrojamas nevien procesa dalībniekiem, bet visām personām, kas piedalās lietā, t. i., arī klātesošām personām un pilsoņiem, kurus procesuālās darbības skar. Tiesības obligāti jāizskaidro stadijas apjomā, kurā lieta atrodas, bet vēlams procesa dalībniekus jau laikus informēt arī par turpmākajām viņu tiesībām, it īpaši attiecīgās stadijas nobeiguma posmā.

Sevišķi svarīga procesa dalībnieka jēdziena satura pareiza izpratne ir Latvijas PSR KPK 342. panta piemērošanai. Šai pantā ir noteikts, ka par kriminālprocesa likumu svarīgiem pārkāpumiem atzīstami tādi pārkāpumi, kas, atņemot vai ierobežojot procesa dalībniekiem ar likumu garantētas tiesības lietas izskatīšanā... kavējuši tiesu vispusīgi noskaidrot lietu un ietekmējuši, vai varējuši ietekmēt sprieduma likumību vai pamatotību.

Šā panta piemērošanas apjomu var ietekmēt procesa dalībnieka jēdziena tāda vai citāda izpratne.

Te iespējamas divējas kļūdas. Pirmkārt, paliekot pie izplatītās, procesuālajām funkcijām atbilstošās procesa dalībnieku izpratnes, LPSR KPK 342. panta piemērošanu var reducēt uz apsūdzētā, viņa aizstāvja un cietušā tiesību ierobežošanas gadījumiem. Otrkārt, turoties tikai pie Kriminālprocesa pamatos tieši nosaukto procesa dalībnieku apjoma, šā panta saturu var attiecināt tikai uz tiem procesa dalībniekiem, kas nosaukti Pamatu otrajā sadaļā. Kā vienā, tā otrā gadījumā LPSR KPK 342. panta nozīmē nebūs aptverti visi procesa dalībnieki. Bet nevar taču noliegt, ka arī sabiedriskā apsūdzētāja, sabiedriskā aizstāvja,

tiesas sēdes sekretāra, tulka, eksperta tiesību pārkāpšana vai ierobežošana var kavēt tiesu vispusīgi noskaidrot lietu un ietekmēt sprieduma likumību un pamatotību, t. i. — var novest pie LPSR KPK 342. pantā minētajām sekām un kļūt par kasācijas iemeslu.

Tātad LPSR 342. pantā minētais jēdziens «procesa dalībnieki» būtu jāsaprot plaši, kā visi tie procesa dalībnieki, kas piedalās lietas izskatīšanā.¹⁵

«Procesa dalībnieki» kā sugas jēdziens minēts arī LPSR KPK 261. un 262. pantā.

LPSR KPK 261. pantā, nosakot tiesas sēdes kārtību, ir teikts: «Visi procesa dalībnieki atbild uz jautājumiem un pieteic lūgumiem tieši tiesai» (261. p. I daļa) un: «Visiem procesa dalībniekiem... bez ierunām jāpakļaujas tiesas sēdes priekšsēdētāja rīkojumiem par kārtības ievērošanu tiesas zālē» (261. p. III daļa). KPFSR KPK atbilstošajā pantā atrodam identu formulējumu (KPFSR KPK 262. p. II un III daļa). Šeit aplūkojamā jēdziena saturs atklājas tīri praktiski, jo nav domājams *nevienu* procesa dalībnieku izslēgt no šīs kārtības. Tiesas sēdes kārtības noteikumi vienlīdz attiecas gan uz Kriminālprocesa pamatu II sadaļā minētajiem procesa dalībniekiem, kas minēti arī LPSR KPK otrajā sadaļā, gan uz LPSR KPK 243. pantā (Pamatu 38. pantā) minētajiem tiesas sēdes dalībniekiem (apsūdzētāju, tiesājamo, aizstāvi, cietušo, civilprasītāju, civilatbildētāju un viņu pārstāvjus), gan uz visiem pārējiem procesa dalībniekiem, kuri var piedalīties tiesas sēdē (sabiedrisko apsūdzētāju, sabiedrisko aizstāvi, ekspertu, lieciniekus, tulku un arī tiesas sēdes sekretāru).

Gluži tāpat saprotams procesa dalībnieku jēdziena apjoms LPSR KPK 262. panta III daļā, kur teikts: «Ja tiesas sēdes kārtību traucē vai tiesas sēdes priekšsēdētāja rīkojumiem nepakļaujas *citi procesa dalībnieki*, viņus ar tiesas lēmumu var izraidīt no sēžu zāles...» Arī šeit iekļaujami *visi* procesa dalībnieki, taču izņemot tiesas sēdes sekretāru, kura izraidīšanai obligāti jāsaistās ar tiesas sēdes pārtraukumu, jo iztiesāšana nevar turpināties sekretāra prombūtnē. Krievijas Federācijas Kriminālprocesa kodeksā tas ir nepārprotami izteikts 263. panta III daļā,

¹⁵ Jāatzīmē, ka dažu savienoto republiku kriminālprocesa kodeksos, LPSR KPK 342. pantam atbilstošajā pantā procesa dalībnieki nosaukti konkrēti, bet šaurā, Kriminālprocesa pamatu II sadaļas izpratnē. Piemēram, Ukrainas KPK 370. p. I daļā tieši teikts: «Par kriminālprocesa likumu svarīgiem pārkāpumiem atzistami tādi pārkāpumi, kas ierobežojuši tiesājamā tiesības uz aizstāvību, vai ierobežojuši cietušā, civilprasītāja un civilatbildētāja tiesības...» Turpretim KPFSR KPK korespondējošā 345. panta I daļa burtiski saskan ar Latvijas KPK 342. p. attiecīgo noteikumu.

kur starp procesa dalībniekiem, ko tiesa var izraidīt no sēžu zāles, nav minēts tiesas sēdes sekretārs.

Atliek vēl apskatīt LPSR KPK 290., 291. un 292. panta noteikumus par procesa dalībniekiem.

290. pantā ir noteikts, ka lietai pievienotos vai tiesas sēdē tiesai iesniegtos dokumentus var apskatīt un nolasīt arī pēc procesa dalībnieku lūguma. Šai gadījumā kā procesa dalībnieki jāsaprot visi tie no viņu skaita, kam tiesas sēdē tiesības piedalīties tiesas izmeklēšanā. Tāpēc šeit kā procesa dalībnieki jāsaprot visi Kriminālprocesa pamatu 38. pantā (LPSR KPK 243. p.) minētie «tiesas sēdes dalībnieki», sabiedriskais apsūdzētājs, sabiedriskais aizstāvis (LPSR KPK 250. p.) un arī eksperts ekspertīzes priekšmeta robežās (LPSR KPK 62. pants).

291. pantā noteikts, ka atzinusi par nepieciešamu apskatīt notikumu vietu, tiesa izdara apskati pilnā tiesas sastāvā, bet, ja to prasa lietas apstākļi — kopā ar visiem procesa dalībniekiem.

Šie paši noteikumi 292. pantā attiecināti arī uz izmeklēšanas eksperimentu.

Abos gadījumos šeit iet runa par visām personām, kuras kā procesa dalībnieki var piedalīties tiesas sēdē. Tātad šo pantu noteikumi attiecināmi nevien uz procesa dalībniekiem Pamatu II sadaļas un 38. panta nozīmē, bet arī uz tiesas sēdes sekretāru, tulku, ekspertu un lieciniekiem. Visi viņi, atkarībā no apstākļiem, var būt vajadzīgi tiesai kā apskatē, tā arī izmeklēšanas eksperimentā.

Pabeidzot aplūkot jautājumu par procesa dalībniekiem, dažas piezīmes vēl jāteic par procesa dalībniekus raksturojošo normu *kodifikācijas sistēmu*.

Latvijas PSR Kriminālprocesa kodeksa normas, kas reglamentē katra atsevišķa procesa dalībnieka stāvokli tiesvedībā, viņa tiesības un pienākumus, ievietotas gan kodeksa otrajā sadaļā, kas tieši veltīta procesa dalībniekiem, gan arī citās kodeksa sadaļās. Kodifikācijas sistēmu šai ziņā pa lielākai daļai varētu atzīt par pareizu, tādu, kas saskan ar tiesisko institūtu izkārtojumu kodeksā atbilstoši krimināllietas gaitai, procesa stadiju saturam un to secībai.

Šīs normas kodeksā katram viegli atrodamas: procesa dalībniekus, kas iespējami katrā krimināllietā, un kas, tā sakot, iet cauri visai tiesvedībai, meklējam otrajā sadaļā. Te atrodam normas, kas regulē apsūdzētā, viņa aizstāvja, cietuša, civilprasītāja, civilatbildētāja un viņu pārstāvju procesuālo stāvokli. Turpretī tos procesa dalībniekus, kas raksturīgi kādam atsevišķ-

ķam tiesvedības posmam vai veselai stadijai, meklējam šai stadijai vai tās posmam veltītajā nodaļā.

Tā, piemēram, normas par aizdomās turēto (LPSR KPK 121. p.) atrodām vienpadsmitajā nodaļā, kas veltīta izziņai; normas par tiesas sēdes sekretāra (LKP KPK 244. p.), tiesājamā (LPSR KPK 247. p.), prokurora, kā valsts apsūdzības uzturētāja (LPSR KPK 249. p.), sabiedriskā apsūdzētāja un sabiedriskā aizstāvja (LPSR KPK 250. p.) darbību atrodām ceturtajā sadaļā, kas regulē tiesvedību pirmās instances tiesā — iztiesāšanas vispārīgos noteikumus, jo visu nule minēto procesa dalībnieku darbība pēc likuma iespējama tikai pirmās instances tiesā.

Tādējādi jāteic, ka gandrīz visus procesa dalībniekus raksturotājas normas kodeksā ietvertas, sekojot jau norādītai kodifikācijas sistēmai, un, šo sistēmu izprotot, kodeksa lietotāji attiecīgās normas var ērti atrast.

Taču neesam vēl minējuši *tulku, liecinieku un ekspertu*. Un šeit nu ir jāteic, ka šos procesa dalībniekus raksturotājas normas kodeksā diez vai ir ievietotas pareizā vietā. Katrā ziņā viņu tiesisko stāvokli, tiesības uz panākumus regulējošo KPK pantu atrašanās vieta kodeksā nepavisam neatbilst vispārējai kodeksa sistēmai.

Sāksim ar *tulku*. *Tulks* katrā ziņā uzskatāms par tādu procesa dalībnieku, kura līdzdalība tiesvedībā nav raksturīga kādai atsevišķai procesuālai stadijai. Tulks var būt nepieciešams kā izziņā un iepriekšējā izmeklēšanā, tā arī tiesā. Tulks var darboties visās kriminālprocesa stadijās, visos tiesvedības posmos. Tulks afzīts par tik nozīmīgu procesa dalībnieku, ka tam mūsu Kriminālprocesa kodeksā veltīti trīs atsevišķi panti (LPSR KPK 135., 136. un 137. pants), izvērsti raksturojot gan viņa procesuālo stāvokli, gan tiesības un pienākumus. Tāpēc viegli saprotams, ka, sekojot kodeksa sistēmai, katrs tā lietotājs minētās normas meklēs otrajā sadaļā, kurā ietverti tie procesa dalībnieki, kuri var līdzdarboties visās tiesvedības stadijās. Jāatzīst, ka KPFSR 1960. g. Kriminālprocesa kodeksā tulks šai ziņā pareizi pielīdzināts Kriminālprocesa pamatu otrajā sadaļā minētajiem procesa dalībniekiem (KPFSR KPK 57. pants), reglamentējot viņu tieši procesa dalībniekiem veltītajā nodaļā. Turpretī LPSR KPK vispārējās normas par *tulku* nepareizi ievietotas iepriekšējās izmeklēšanas vispārējos noteikumos.

Tas pats sakāms par vispārējām normām, kuras raksturo *liecinieku* (LPSR KPK 52., 53. un 54. pants) un *ekspertu* (LPSR KPK 60., 61. un 62. pants) kā procesa dalībniekus. Tās ievietotas pierādījumiem veltītajā piektajā kodeksa nodaļā to normu vidū, kuru uzdevums atsevišķi raksturot ikvienu no LPSR KPK 49.

panta otrajā daļā minētajiem pierādīšanas līdzekļiem (avotiem) — liecinieku liecības, cietušā liecības, aizdomās turētā liecības, apsūdzētā liecības, eksperta atzinumu u. c.

Latvijas PSR Kriminālprocesa kodeksa 52., 53. un 54. pantu saturs (atskaitot atsevišķas 52. panta tēzes) attiecas nevis uz pierādījumiem, raksturo nevis pierādījumus, bet gan pašu *liecinieku kā procesa dalībnieku*, nosaka viņu pienākumus, tiesības un atbildību un tādējādi pēc tiesiskās regulēšanas priekšmeta nepavisam neiederas kodeksa piektajā nodaļā, kuras priekšmets ir pierādījumi.

Vispārējās normas, kas nosaka *eksperta* procesuālo stāvokli, arī atrodam šai pašā pierādījumu nodaļā. Eksperta procesuālais stāvoklis, viņa tiesības un pienākumi noteikti LPSR KPK 60., 61. un 62. pantā. Šīs normas izskaidro, kas ir eksperts, un to tiesiskās regulēšanas priekšmets ir nevis pierādījumi, bet eksperts pats kā procesa dalībnieks, viņa tiesības un pienākumi.

Visu šo trīs tiesvedības dalībnieku: tulka, liecinieka un eksperta procesuālo stāvokli, viņu pienākumus un tiesības regulējošās normas kodeksā nav ievietotas atbilstoši kodeksa vispārējai sistēmai, neatbilst atsevišķu institūtu un normu izkārtošanas principiem, rada neērtības kodeksa praktiskajā lietošanā.



Šai rakstā aplūkoti tikai daži procesa dalībnieku jēdziena un tā satura jautājumi, pēc LPSR KPK noteikumiem, neskarot procesa dalībnieku uzdevumus tiesvedībā, viņu tiesības un pienākumus un tiesiskās attiecības, kas rodas, viņiem līdzdarbojoties procesā.

So tālāko jautājumu iztīrījuma nepieciešams plašāks monografisks pētījums, kurā procesa dalībnieki aplūkojami ne tik vien no spēkā esošās likumdošanas viedokļa, bet ņemot vērā arī komunisma celtniecības perspektīvu.

**КРАТКОЕ СОДЕРЖАНИЕ СТАТЬИ ДОЦЕНТА, КАНД. ЮРИД. НАУК
А. ЛИЕДЕ «УЧАСТНИКИ УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА (ПО УГОЛОВНО-
ПРОЦЕССУАЛЬНОМУ КОДЕКСУ ЛАТВИЙСКОЙ ССР)»**

В статье, на основании анализа действующего общесоюзного уголовно-процессуального законодательства и УПК Латвийской ССР, рассмотрен вопрос об участниках уголовного процесса как субъектах уголовно-процессуальной деятельности. Высказана и обоснована мысль, что субъектами уголовно-процессуальной деятельности должны быть признаны все лица и государственные органы, являющиеся носителями уголовно-процессуальных прав и обязанностей и осуществляющие на основании закона какие-либо уголовно-процессуальные действия.

Субъекты уголовно-процессуальной деятельности подразделены на следующие три группы:

1) *государственные учреждения и должностные лица*, на которые законом возложена обязанность по возбуждению уголовного дела, раскрытию преступления и решению дела (суд, судья, прокурор, следователь, орган дознания и лицо, производящее дознание);

2) *участники процесса* (подозреваемый, обвиняемый, подсудимый, защитник, общественный защитник, законный представитель обвиняемого, обвинитель, общественный обвинитель, потерпевший, представитель потерпевшего, законный представитель потерпевшего, гражданский истец, представитель гражданского истца, гражданский ответчик, представитель гражданского ответчика, секретарь судебного заседания, переводчик, эксперт, свидетели, специалисты, участвующие в следственных действиях);

3) *присутствующие лица*, т. е. лица, которым законом присвоено право или на которых возложена обязанность присутствовать при производстве некоторых процессуальных действий с целью удостоверения факта, содержания и результатов этих действий (понятые; педагог и законные представители, приглашенные присутствовать при допросе несовершеннолетнего обвиняемого, потерпевшего или свидетеля; лица, могу-

щие на основании закона присутствовать при производстве обыска, выемки и наложении ареста на имущество).

Правовое положение участников процесса не является единообразным; характер и объем их прав и обязанностей различен, соразмерен их процессуальным задачам. Среди участников процесса автор выделяет особую группу лиц, имеющих равные права в судебном разбирательстве по представлению доказательств, участию в исследовании доказательств и заявлению ходатайств. Всех этих участников процесса сближает их заинтересованность в полном, всестороннем и объективном исследовании обстоятельств дела.

Автор относится отрицательно к выведению понятия «сторон» из действующего уголовно-процессуального законодательства.

В статье рассмотрены воззрения советских процессуалистов по вопросам понятия уголовно-процессуальной деятельности, ее субъектов и участников процесса. Проанализирован ряд статей УПК Латвийской ССР, где употребляется родовое понятие «участники процесса». Высказаны критические замечания по вопросам кодификации отдельных норм в УПК Латв. ССР, регламентирующих правовое положение участников процесса.

I. INDULENS

Doc. v. i., jurid. zin. kandidāts.

KRIMINĀLLIETU IZMEKĻĒŠANAS REAKCIONĀRĀS METODES BURŽUĀZISKAJĀ LATVIJĀ

Plašas komunisma celtniecības posmā ne tikai jārada materiāli tehniskā bāze, bet jāaudzina arī jauns, no buržuāziskajiem uzskatiem brīvs, komunistiskās sabiedrības cienīgs cilvēks.

Padomju kriminālistikas, tāpat kā citu padomju zinātņu nozaru uzdevums ir neatlaidīgi cīnīties ar kapitālisma paliekām cilvēku apziņā, ar buržuāzisko ideoloģiju, lai katrā cilvēkā ieaudzinātu un nostiprinātu komunistisko morāli. Tāpēc nepieciešams pareizi, uz attiecīgu faktu analīzes pamata atklāt buržuāziskās kriminālistikas īsteno seju un parādīt tās reakcionāro būtību.

Padomju Savienības Komunistiskās partijas Centrālās Komitejas pārskata referātā partijas XX kongresam norādīts, ka nedrīkst «vājināt cīņu pret buržuāzisko ideoloģiju, pret kapitālisma paliekām cilvēku apziņā. Mūsu uzdevums — nenogurstoši atmākot buržuāzisko ideoloģiju, parādīt tās tautai naidīgo un reakcionāro raksturu.»¹

Kriminālistikai kā tiesību zinātņu nozarei, kā zinātnei par noziegumu izmeklēšanas tehniku, taktiku un metodiku, ir politisks raksturs.

Buržuāziskie kriminālisti cenšas pierādīt, ka kriminālistikai esot tīri tehnisks raksturs, ka tai neesot nekāda sakara ar politiku un šķiru cīņu un ka tas «cēlais» mērķis esot cīņa ar noziedzību.

Starp buržuāzisko kriminālistiku un padomju kriminālistiku ir būtiska atšķirība.

Buržuāziskā kriminālistika veidojusies cīņā pret valdošās

¹ N. S. Hruščovs — Padomju Savienības Komunistiskās Partijas Centrālās Komitejas pārskata referāts partijas XX kongresam, LVI, 1956, g., 133. lpp.

šķiras pretiniekiem kā ierocis pret darbaļaužu masām, kā ekspluatēto apspiešanas līdzeklis. Buržuāziskās kriminālistikas, buržuāzisko izmeklēšanas orgānu galvenais uzdevums ir aizsargāt un attaisnot kapitālistisko valstu ekspluatatoru šķiru nelikumības un patvaļu. Tāpat kā citās kapitālistiskajās valstīs, arī buržuāziskajā Latvijā viss kriminālistikas arsenāls bija vērstis vīpirms pret revolucionāro kustību, pret progresīvajiem pilsoņiem, pret Komunistisko partiju.

Kad 1920. gada janvārī Latvijā krita padomju vara, latviešu tautas vēsturē iestājās drūms buržuāziskās kliķes patvaļas un reakcijas laiks. Buržuāzisko Latviju nodibināja ciešā sadarbībā ar starptautisko imperiālismu un ar tā palīdzību. Latvijas buržuāzija saviem spēkiem vien nebija spējīga saņemt varu. Angļu kara kuģi, vācu landesvērs un dzelzsdīvīzijas un vietējie vācu baroni ciešā sadarbībā ar ASV valdību palīdzēja Ulmanim sagrābt varu un izveidot imperiālistiem vēlamu un paklausīgu «neatkarīgās» Latvijas valdību.

Buržuāziskā Latvija bija tipiska kapitālistiskās diktatūras zeme, kur nežēlīgo darbaļaužu ekspluatāciju, bagātnieku tiesības apspiest strādniekus slēpa «demokrātisma» izkārtne un fiktīva deklarācija par visu pilsoņu vienlīdzību likuma priekšā. Visu pilsoņu «brīvība» izpaudās uz papīra, faktiskā brīvība bija tikai buržuāzijai.

«Demokrātija necīgam mazākumam, demokrātija bagātņiem, lūk, kāds ir kapitālistiskās sabiedrības demokrātisms.»²

Lai nodrošinātu savu stāvokli, nostiprinātu savu kundzību un privilēģijas, buržuāziskās Latvijas valdošā kliķe jau no varas pirmajām dienām sāka nežēlīgi izrēķināties ar saviem politiskajiem un šķiriskajiem pretiniekiem, strādņiekēm un progresīvi domājošiem cilvēkiem. Citādi tas arī nevarēja būt kapitālistiskā valstī, īpaši Latvijā, kur buržuāziskā reakcija bija sevišķi krasi jūtama, un tās asiņaino teroru smagi pārdzīvoja latviešu darbaļaudis.

Leņins norādīja, ka «kapitālistiskā iekārtā mums ir valsts vārda tiešā nozīmē, sevišķa mašīna, ar ko viena šķira apspiež otru un turklāt mazākums vairākumu. Protams, lai tāda lieta, kā ekspluatējamā vairākuma sistemātiska apspiešana no ekspluatatoru mazākuma sekmētos, apspiešana nav domājama bez ārkārtīgas mežonības, zvēriskuma, vajadzīgas asins jūras, caur kurām cilvēce arī iet savu ceļu verdzības, dzimtbūšanas, algotās verdzības stāvoklī.»³

² V. I. Leņins — Valsts un revolūcija. Rīgā, 1945. g., 64. lpp.

³ V. I. Leņins — Valsts un revolūcija. Rīgā, 1945. g., 66. lpp.

«Latvijas Komunistiskās partijas Centrālās Komitejas 1920. g. 30. marta vēstulē ir teikts: «Latvijā pie varas ir buržuāzija, un viņas demokrātisms izpaužas tikai tīri baltgvardiskās zvērībās, kuru priekšā nobāl cara reakcijas laiki un pat 1905. gada soda ekspedīcijas zvērības.

Lai saprastu, cik plašus apmērus pieņēmusi Ulmaņa valdības reakcija, jāiegaumē, ka zvēriski nogalināto strādnieku skaits pēdējā gadā desmitkārtīgi pārsniedz 1905.—1908. gadā nogalināto skaitu.»⁴

Latvijas buržuāzija savas šķiras aizsardzībai izveidoja plašu policijas, tiesu un cietumu tīklu. Tika nodibināta īpaša bruņota aizsargu organizācija, kuru audzināja fašistiskā garā un speciāli apmācīja strādnieku vajāšanai un visa progresīvā nomākšanai. Cīņā pret strādnieku organizācijām aizsargi bieži pielietoja ieročus un spīdzināšanu. Likumā par aizsargu organizāciju bija noteikts, ka zināmos gadījumos tā izpilda policijas funkcijas.

Buržuāziskajā Latvijā tās divdesmit vienā pastāvēšanas gadā darbojās spēcīgas, bagātīgi apgādātas, valdošai šķirai padevīgas policijas un izmeklēšanas iestādes. So izmeklēšanas orgānu «darbu» cīņā ar buržuāzijas pretiniekiem augsti vērtēja citās Eiropas un Āzijas buržuāziskajās valstīs, un tās sūtīja savus pārstāvjus uz Latviju pieredzes iegūšanai. Izmeklēšanas orgānu struktūras pamatā bija cariskās Krievijas ohrankas sistēma.

Izmeklēšanas tiesnešus komplektēja no juristiem, bet izziņas orgānu darbinieku izglītība bija dažāda: bija tādi, kas beiguši policijas skolu, vai arī valdošai šķirai sevišķi uzticamas personas bez speciālās izglītības.

Gūt pilnīgu vai kaut cik izsmelošu pārskatu par izziņas orgānu ierēdņu un izmeklēšanas tiesnešu speciālajiem apmācības veidiem buržuāziskajā Latvijā nav iespējams arhīvu materiālu trūkuma dēļ.

Ir zināms, ka Rīgā darbojās policijas skola, kur topošos policistus galvenokārt apmācīja šaušanā, vingrošanā, ielas kustības regulēšanā u. tml. 1923. gadā pie Tiesu palātas prokurora nodibināja zinātniskās tiessekspertīzes institūtu pēc cariskās Krievijas institūtu parauga.

Par institūta direktoru iecēla profesoru A. Kangeru, kas daudzus gadus strādāja Odesas zinātniskās tiessekspertīzes kabinetā un Odesas augstskolas ķīmijas katedrā. A. Kangeras valdībā Rīgas institūts nodarbojās ne tikai ar ekspertizēm, bet arī ar izmeklēšanas un izziņas darbinieku kvalifikācijas celšanu,

⁴ A. Jablonskis — Buržuāzijas tiesas un strādnieku šķiras stāvoklis tā sauktajā «demokrātiskajā» Latvijā. LVI, 1947. g., 8. lpp.

organizējot īslaicīgus kursus un konsultācijas. Institutā sistemātiski lasīja lekcijas praktiskiem darbiniekiem par krimināltehnikām izmeklēšanas metodēm.

1927. gadā A. Kangers iesāka lasīt krimināltechnikas kursu Latvijas universitātes juridiskajā fakultātē. Sākumā kurss bija viengadīgs, pēc tam divgadīgs. A. Kangers lekcijas lasīja līdz 1933. gadam.

Turpmāko gadu augstskolas programās krimināltehnika vairs netiek minēta.

1934. gadā uzsāka darboties Iekšlietu ministrijas policijas skola, kur pasniedza valodas, matemātiku, kriminālo tehniku, psiholoģiju, krimināltiesības, izlūkošanu u. c. priekšmetus.

Kriminālistika kā atsevišķa zinātnes nozare nepastāvēja. Teorētisko darbu skaits izmeklēšanas metožu, krimināltechnikas un tiesespertizes jautājumos ir ļoti niecīgs.

Policijas skolas lektors J. Šķērstiņš 1928. g. izdeva brošūru: «Noziedzīgu nodarījumu izmeklēšana un atklāšana».

1930. g. A. Kangers sacerēja rakstu «Rokrakstu salīdzināšanas materiāla nozīme rokraksta identificēšanā».

1937. gadā «Grāmatrūpnieks» izdeva P. Bērziņa brošūru «Zinātniskā tiesespertize».

Bez tam ir vēl daži raksti žurnālos.

Ja izanalizē krimināllietas un šos darbus, var secināt, ka izmeklētāji bijuši bez attiecīgām teorētiskām zināšanām un tehniskām iemaņām, ka izmeklēšanas procesā valdījusi patvaļa un nelikumības, ka tajā pielietotas antizinātniskas metodes. Patvaļā bija ieinteresēta buržuāziskā kliķe, jo tad tai bija brīvas rokas jebkurā laikā un situācijā ievirzīt izmeklēšanu pēc *sava* prāta un izrēķināties ar darbaļaužu masām, saviem pretiniekiem. Jāpiebilst, ka buržuāziskās izmeklēšanas metodes nav iespējams zinātniski pamatot, jo tās ir antizinātniskas. Ja zinātniski pamatotu, atsegtu noziegumu izdarīšanas iemeslus, tiktu atmaskota kapitālisma reakcionārā būtība. Tas nozīmē, ka kriminālistika būtu vērsta pret buržuāziju.

Kā tad izpaužas izmeklēšanas darbības krimināllietu izmeklēšanas procesā?

Likuma gaismā izmeklēšanas process izskatījās objektīvs un demokrātisks. Taču praksē kriminālprocesa likumus, ja tas bija vajadzīgs, pēc būtības neievēroja. Tā, piemēram, kriminālprocesa likuma 293. pants noteica, ka kratīšana izdarāma pieaicināto liecinieku klātbūtnē, lai viņi varētu būt par kratīšanas rezultātu aculieciniekiem. Ja kratīšanas rezultātus vajadzēja falsificēt, piemēram, strādnieka dzīvoklī «atrast» nelegālu literatūru, tad kratīšanā piedalījās galvenokārt policisti, aizsargi vai per-

sonas, kuru uzvārdus neminēja, dzīves vietas nenorādīja. Tādējādi nebija iespējams vēlāk pārbaudīt, kā īsti notikusi kratīšana.

Par pieaicinātiem lieciniekiem parasti izraudzīja policijas ierēdņus un aizsargus. Politiskās apsardzības pārvalde ieteica šādu kratīšanas protokola paraugu:

«Kratīšanas protokols.

1924. g. janvārī, pamatojoties uz krim. proc. lik. 258. p. un 1924. g. 15. janvāra orderi Nr. 25, es, iekšlietu ministrijas politiskās apsardzības vecākais uzraugs Jānis Kārklīšs, piedaloties politiskās apsardzības uzraugiem Kalniņam un Pēterim Apsītim un klāt pieaicinātiem lieciniekiem Kārlim Auziņam, mājas sētniekam Ānsim Tauriņam un dzīvokļa saimniecei Annai Blūmai, izdarīju kratīšanu Rīgā, Marijas ielā Nr. 5, dz. 3 pie Rajas Jankela m. Zilberman viņas dzīvoklī, sastāvošā no 3 istabām, 1 ķeķa, 1 koridora un 2 pieliekamām telpām.

Kratīšana iesākta 15. janvārī 1924. g. pl. 1 un pabeigta 15. janvārī 1924. g. pl. 2.

Pie kratīšanas atrasti un pievienoti pie šī protokola nogādāšanai uz politisko apsardzību sekojoši lietiskie pierādījumi:

1) 2 melnos vākos klades ar komunistiska satura rakstiem, atrastas no uzrauga Kalniņa rakstāmgaldā Zilberman rakstāmistabā;

2) 12. eks. 1923. g. izdevuma komunistu proklamāciju ar virsrakstu «Nost kapitālismu», atrastas no uzrauga K. Kalniņa paslēptas koridora sienas ventilatorā;

3) 15. eks. 1921. g. izdevums komunistu proklamāciju, rakstītas uz 1/4 lapas ar ķīmisku tinti ar virsrakstu «Cīņa par vienu fronti», atrastas no uzrauga P. Apsīša paslēptas pieliekamās telpās;

4) 6 uz čaulišu papīra, ar ķīmisku zīmuli aprakstītas sarulētus vīstoklišus, atrastus no uzrauga P. Apsīša Rajas Zilbermanes gultā, paslēptus galvas spilvenā.

5) 1 ar ķīmisku zīmuli uz čaulišu papīra aprakstītu, salocītu zīmīti, kuru Zilberman kratīšanas momentā ātri iebāza mutē un gribēja aprīt, bet zīmīte no manis, vecākā uzrauga Kārklīša, tika izvilktā sakošļātā veidā.

6) 1 pasi uz Izaka Movšansona vārda zem Nr. 1543, izdota 1921. g. 5. janvārī no Rīgas prefektūras, atrasta no uzrauga Pētera Apsīša, paslēpta aiz karājošās pie sienas fotogrāfijas rāmja;

7) Vācijas laikraksts «Die Rote Fahne», 2. no 1923. g., 5. un 6. un 2. no 1924. g., atrasti no uzrauga K. Kalniņa kumodes apakšējā atvilktnē. Laikraksti atzīmēti no manis ar ķīmisku zīmuli kreisās puses augšējā stūrī A NN no 1—4.

Kratišanas protokols man priekšlasīts, ka viņā minētie priekšmeti patiešām manā dzīvoklī atrasti un pie kratišanas man nekas nav zudis.

Kratišanu izdarīja vecākais uzraugs:

Uzraugi:

Pie kratišanas bija klāt:

Rīgas policijas III iecirkņa vec. palīgs:
kārtībnieks:

Sētnieks:

Saimniece»⁵.

Šā parauga forma norāda arī uz kratišanas taktiku.

Mēs redzam, ka kratišanu vienlaicīgi izdara vairākas personas dzīvokļa dažādās telpās, tādēļ pieaicinātam sētniekam, kuru varētu uzskatīt par vienīgo neieinteresēto personu, fiziski nebija iespējams būt visur klāt un redzēt, kas tiek atrasts. Arī dzīvokļa saimniekam tas nebija iespējams. Tādu kratišanas paņēmieni ieteica ar nolūku, jo tas deva iespēju «atrast» visu, kas bija nepieciešams, lai buržuāzija varētu izrēķināties ar tai nepaklausīgiem strādniekiem.

Arī «teorētiķis» J. Šķērstiņš ieteic: «Kratišana vislabāk izdara vairākiem policistiem».⁶

Policija, apzinādamās, ka tādu kratišanas protokolu var ne-parakstīt persona, pie kuras izdarīta kratišana, attiecīgi norādīja instrukcijā:

«1) Ja izkratītā persona atsakās parakstīt kratišanas protokolu, tad jāpieaicina 2 liecinieki, kuri apliecina, ka protokolā minētie priekšmeti tiešām atrasti pie izkratītās personas un protokolā norādītās vietās, motivējot protokolā iemeslus, aiz kādiem apvainotā persona liedzās protokolu parakstīt.»

Arī šī instrukcija ir visreakcionārākā demokrātisma graušana, jo kā var cilvēks apliecināt, kas atrasts, ja viņš vispār kratišanas procesā nepiedalījās un tāvad nevar apliecināt, «ka protokolā minētie priekšmeti tiešām atrasti pie izkratītās personas.»

Tāpēc liekuļoti skan piektais punkts: «Instrukcijā par kratišanu un izņemšanu». «Pirmā un galvenā prasība tādēļ ir pieaicināt pie kratišanas vismaz divus lieciniekus, kuriem jābūt sa-

⁵ LPSR CVA F 3235 apr. 1/7 l. 26 l. 54.

⁶ J. Šķērstiņš — «Noziedzīgu nodarījumu izmeklēšana un atklāšana», Rīgā, 1928. g., 19. lpp.

prātīgiem un lasītpratējiem, lai vēlāk pie tiesas viņi varētu apliecināt kratīšanas likumību un atrasto lietu pareizību»⁷

Lai gan instrukcijā bija norādīts, ka «kratīšanai vajadzīgs orders», praktiski tos nesastādīja un personai, kuras dzīvoklī izdarīja kratīšanu, neuzrādīja. Pirms dzīvokļa kratīšanas ne tikai neuzrādīja orderus, pat lēmumus par kratīšanas izdarīšanu nesastādīja. Tā centrālkriminālpolicijas likuma 8. pants dod sekojošus norādījumus saviem darbiniekiem: «... likuma pantā prasa arī, lai pirms kratīšanas vai apcietināšanas tiktu sastādīts lēmums, kurā būtu pievesti visi tie motīvi, kuri prasa vai nu kratīšanas vai apcietināšanas izdarīšanu. Šie lēmumi aizdomās stāvošām vai apvainotām personām netiek pasludināti, kā arī nevienam nav nosūtāmi noraksti, bet pievienojami pie izziņas.»⁸

1931. g. 21. februārī apstiprinātās Rīgas apgabaltiesas izmeklēšanas tiesnešu instrukcijas 151. p. norādīts, ka par kratīšanas vai izņemšanas iemesliem izmeklēšanas tiesnesim jāsatāda motīvets lēmums.⁹

Nedz orderi, nedz lēmumi par kratīšanas izdarīšanu krimināllietās nav sastopami.

Jānis Izars sūdzējās Rīgas apgabaltiesas prokuroram par to, ka 1937. g. 19. janvārī vēlu vakarā viņa dzīvoklī ieradušies policijas kārtībnieki Liepiņš, Kinsals, Viksne un, bez ordera uzrādīšanas, bez jebkādiem paskaidrojumiem, izvieduši no dzīvokļa Izara ciemiņus, izvaidījuši visu dzīvokli un atņēmuši dažādas mantas apmēram 3000 latu vērtībā. Izars mēģinājis protestēt un aizsargāties, par ko viņu pamatīgi piekāvusi, žņauguši rikli tā, ka viņš beidzot saslimis.

Sūdzību pārbaudīja. Nopratināja daudzus lieciniekus un policijas kārtībnieku vainu pierādīja pilnīgi. Daļu no atņemtajām mantām Izaram atdeva, taču policistus pie atbildības nesauca. Lietu izbeidza «pierādījumu trūkuma dēļ». Izbeigšanas iemesls bija tas, ka policisti neesot izdarījuši nekādu vardarbību, bet tikai izdarījuši kratīšanu pie aizdomīga cilvēka.¹⁰

1924. g. 29. martā Valkas apr. I iec. kriminālpolicijas uzraugs A. Jākobsons izdarījis kratīšanu J. Ķikava dzīvoklī krimināllietā par dzīvokļa uzspridzināšanas un nodedzināšanas mēģinājumu. No lietas materiāliem redzams, ka izdarīt kratīšanu Ķikava dzīvoklī nebija nekāda pamata. Orders netika nedz noformēts, nedz uzrādīts. Kratīšanā piedalījās «liecinieki» — po-

⁷ Latv. PSR CVA — F 3235 apr. 1/7 l. 2633 lpp. 4.

⁸ Latv. PSR CVA — F 3235, apr. 1/7 l. 95, lpp. 134.

⁹ Latv. PSR CVA 1537 apr. 13 l. 163, lpp. 21.

¹⁰ Latv. PSR CVA F 1537, apr., 14. l. 51.

licijas kārtībnieks Rungulis, aizsargu nodaļas priekšnieks Puppe un aizsargu rotas komandieris Kreilis. Kratišanas rezultātā nekās netika atrasts, bet J. Ķikavam bija nozudušas dažas vērtlietas.¹¹

Dzīvokļa kratišanai parasti sekoja arests, kaut gan Satveršme garantēja pilsoņu brīvību un neaizskaramību.

Nelikumīgas kratišanas un aresti sevišķi plaši izvērtās vēlēšanu kampaņu laikā, valsts svētku un 1. Maija svētku priekšvakarā.

Buržuāziskajā Latvijā bija gluži tāds pats stāvoklis, kāds patlaban ir ASV un citās imperiālistiskajās valstīs. Ņujorkas tiesnesis Franks Olivers izteicies, ka atgādinājums par orderi izraisot juristiem smieklus, bet ja gribot redzēt, kā policists vārtās pa grīdu no smieklēm, tad esot jāatgādina tam konstitūcijas noteikumi par kratišanu un aresta izdarīšanu.¹²

Tikai pēdējā buržuāziskās Latvijas pastāvēšanas gadā — 1939. g. acīm redzot Latvijas teritorijā dislocēto Padomju Armijas daļu ietekmēti, policisti dažos gadījumos sāka ievērot likumus, pieaicināt pie kratišanas īstus lieciniekus, kuru uzvārdi un adreses minētas protokolā. Personu, pie kuras izdarīta kratišana, uzaicināja labprātīgi uzrādīt meklējamo objektu saskaņā ar kriminālprocesa likuma 293. p.

Buržuāziskā tiesa un izmeklēšanas orgāni visādos veidos aizsargāja savas šķiras pārstāvjus, un, ja tie izdarīja noziegumu, centās tos attaisnot.

Lūk, piemērs, kas liecina, ka pat ļoti smaga nozieguma izdarītājs, slepkava Antons Gūtmanis pilnīgi attaisnots tikai tādēļ, ka bijis aizsargs.

29 gadus vecais A. Gūtmanis bija apsūdzēts par to, ka viņš 1931. g. 28. jūnijā Valmieras apriņķa Pociema pagasta Klinķu mājās tīši nošāvis strādnieku Ivanovu. Apsūdzības rakstā bija teikts: «1931. g. 28. jūnijā Valmieras apriņķī Pociema pagastā Klinķu mājās, Vasilijs Ivanovs un Regina Strupiņš, guļot pa nakti šķūnī, izdzirdēja ārā sarunājamies Antonu Gūtmani un brāļus Alfrēdu un Oskaru Vikmaņus. Viens no viņiem atvēra šķūņa durvis un sauca Ivanovu ārā. Kad Ivanovs tomēr palika guļot, visi trīs vīrieši aizgāja, bet drīz atkal atgriezās un viens no viņiem uzlēja šķūnī guļošiem Ivanovam un Strupiņš ūdeni. Ivanovs piecēlās, paķēra dakšas un dzinās pakaļ Gūtmanim un Vikmaņiem. Alfrēds un Oskars Vikmaņi aizskrēja tālu uz

¹¹ Latv. PSR CVA F 1537, apr., 5, 1. 333.

Митричев ¹² С. П., Реакционная сущность буржуазной криминалистики, М., 1955 г., стр. 39.

priekšu, bet Gūtmani Ivanovs panāca. Nepaspēja Ivanovs pie-
skriet pie Gūtmaņa, kad norībēja šāviens. Lode ķēra Ivanovu
galvā un tas nokrita gar zemi. Nenākot pie samaņas, Ivanovs
tanī naktī nomira.»

Ivanovs kalpoja par puisī pie budža Klinķu mājās, bija vie-
nīgais savu vecāku apgādnieks, un liecinieki viņu raksturojuši kā
«klusu, ļoti strādīgu, gādīgu puisī». Gūtmanis un Vikmaņi bija
iereibuši un, nīrgādāmie par «latgalieti», vai kā krimināldoku-
mentos arī teikts, par «čangali», Ivanovu nogalināja.

Lai mīkstinātu Gūtmaņa noziedzīgo darbību, tika izgudrota
versija, it kā Ivanovs uzbrucis Gūtmanim ar dakšām. Bet lietā
tas nav pierādīts, un sākumā arī pats Gūtmanis par to neliecina.

Gūtmanis nodots tiesai pēc Soda likuma 453. p., t. i., par slep-
kavību. Sis pants paredzēja spaidu darbus uz laiku, ne mazāku
par 8 gadiem.

Tācu Rīgas apgabaltiesas III kriminālodaļa 1932. g. 9. martā
nosprīdusi: «Latvijas pilsoni Antonu Kārļa d. Gūtmani, 29 ga-
dus vecu, uz Soda Likuma 459. 9. 20 p. 53. p. un 54. p. pamata
sodīt ar ieslodzījumu cietumā uz trīs mēnešiem, norēķinot no šī
soda trīs nedēļas iepriekšējā apcietinājumā pavadītā laika. Tiesas
izdevumus uzlikt apsūdzētam Gūtmanim, bet viņa maksātspē-
jas gadījumā tos ņemt uz valsts rēķina . . .»

Tātad, bez kaut kāda pamata tiesa Gūtmaņa nodarījumu pār-
kvalificēja uz Soda likuma 459. p., t. i., nonāvēšanu aizstāvoties.

Šo nepamatoto tiesas spriedumu Gūtmanis pārsūdzēja, jo
apsūdzība pēc Soda likuma 459. p. tiesām nebija pierādīts, un
otrrreizējais spriedums skanēja: «Uz Kriminālprocesa Likuma
784. p. 1. pkt. pamata apsūdzēto Antonu Kārļa d. Gūtmani atzīt
no tiesas par attaisnotu Soda Likuma 453. p. paredzētā smagā
noziedzumā.»

Gūtmanis apcietinājumā atradās tikai trīs nedēļas, tad tika
atbrīvots pret drošības naudu, ko saņēma atpakaļ pēc attaisno-
šanas.¹³

Lūk, tā likumi izpaudās dzīvē. Aizsargs varēja nošaut strād-
nieku un palikt nesodīts.

Jāatzīmē, ka Gūtmaņa lietu «izmeklēja» četrus mēnešus. Vēl
ilgāk lieta «gulēja» tiesā. Buržuāzija nesteidzās tiesāt savu lo-
cekli, kaut arī viņš bija izdarījis smagu noziegumu.

Pret apsūdzētiem bieži tika pielietoti varas līdzekļi, prasīja
atzīšanos uzrādītajā apsūdzībā. Sevišķi rupji politiskās policijas
izmeklētāji izturējās pret strādnieku šķiras pārstāvjiem. Pielie-
tojot dažādus spīdzināšanas līdzekļus, sišanu, draudus, neliku-

¹³ Latv. PSR CVA F 1536., apr. 42. l. 6813.

mīgus arestus un tml., viņi mēģināja panākt apcietināto atzīšanos noziegumos, ko tie nebija izdarījuši. Spīdzināšanas metodes ar laiku «kļuvušas konspiratīvākas, izsmalcinātas. Ja pirmajā laikā laudis nošāva uz vietas, uz pirmā garāmgājēja norādījumu, ka zināmais cilvēks ir komunisti, tad tagad vispirms arestē, spīdzina, izpildot izmeklēšanas formalitātes, un pēc tam nošauj «bēgot» vai arī uz «lauka karatiesas» sprieduma pamata, lai ārēji viss izskatītos demokrātiski un likumīgi»¹⁴

Spīdzināšanas paņēmieni bija daudzveidīgi, visvairāk pielietoja sišanu ar dūrēm, gumijas nūju un citiem priekšmetiem. Policisti fiziski iedarbojās uz vissāpīgākajām ķermeņa vietām ar vislielāko cinismu un cietsirdību. Tā, piemēram, 1931. g. 20. aprīlī Valmierā aizdomās par veikala aplaupīšanu aizturēts S. Anohins. Viņš aizvests uz policijas iecirkni un ievietots aresta telpu kamerā. Pēc pāris stundām vecākais policijas kārtibnieks Zilgalvis, atslēdzis kameras durvis, izaicinājis Anohinu koridorā, kur atradušies arī vecākie policijas kārtibnieki A. Strēlis un Mūrnieks. Anohinu uzaicinājuši atzīties veikala aplaupīšanā. Kad Anohins neatzinies, viens no policistiem uzmaucis Anohinam no mugurpuses galvā maisu un iespēris pa labā ceļa locītavu un pa muguras lejas galu. Anohins pakritis. Policisti novilkusi viņam zābakus un noguldījuši uz grīdas. Pēc tam sākuši spīdzināt. Situācija pa kailajām pēdām ar gumijas nūju un spārdījuši kājām. Zilgalvis pielietojis pat visnegēlīgākos spīdzināšanas paņēmienus. Kad upuris sāpēs iekliedzies, viņam aizbāzta mute. Spīdzināšana ilgusi apmēram 15 minūtes. Pēc tam Anohins nesamaņā ievietots kamerā.¹⁵

1930. g. 23. novembrī Ogrē nelikumīgi aizturēts pilsonis A. Vints. Uzraugs Millers un jaunākais kārtibnieks E. Bresle pratināšanas laikā prasījuši, lai Vints atzītos lašu zādzībā. Taču Vints nebija nekā zādzis un nesaprata, kādēļ viņu aiztur. Tad Millers pavēlējis Breslem: «atvelc, gan jau atzīsies». Bresle sagrābis Vintu aiz rīkles un ar gumijas nūju sitis pa muguru un kaklu. Vints sācis kliegt. Lai kliedzienu nedzirdētu, ieslēgts gramofons, un Vints dauzīts vēl spēcīgāk. Viņam novilkusi svārkus un spīdzinājuši tik ilgi, kamēr viņš parakstījis protokolu. Kaut tas tika pierādīts, izmeklējot Vinta sūdzību prokuroram, krimināllietu pret Milleru izbeidza «pierādījumu trūkuma dēļ», motivējot ar to, ka citi policijas darbinieki blakus telpās nekā neesot dzirdējuši.¹⁶

¹⁴ Latvijas demokrātijas moku kambaros. Izd. «Spartaks» 1923. g., 11. lpp.

¹⁵ Latv. PSR CVA F 1537 apr. 9, l. 624.

¹⁶ Latv. PSR CVA F 1537 apr., 9, l. 621.

Veikala zādzības buržuāziskajā Latvijā bija visai izplatītas, bet policistiem atrast zagļus ne vienmēr bija pa spēkam, tādēļ bieži vien arestēja pilnīgi nevainīgus pilsoņus un ar vardarbību mēģināja tos piespiest «atzīties zādzībās».

Tā, piemēram, Valkas apriņķa policijas 1. rajona uzraugs Ziemelis aizturējis J. Sūnu un kopā ar trim policijas kārtībniekiem mēģinājis izspiest no viņa atzišanos. Sūnu situši ar gumijas nūju, dūrēm, spārdījuši kājām. Viņam ap galvu aptinuši maisu un situši līdz nesamaņai.¹⁷

Pēc oficiālajiem datiem, 1934. gadā buržuāziskajā Latvijā notikušas 14101 zādzība.¹⁸

Aizsargiem bija dotas tādas pašas tiesības kā policistiem. Saskaņā ar K. Ulmaņa 1919. g. 20. martā parakstītiem noteikumiem aizsargiem bija tiesības apcietināt gan noziegumā notvertos, gan «šaubīgos un aizdomīgos».¹⁹

Aizsargi savas tiesības plaši izlietoja politiskā cīņā, pret strādniekiem. Viņi izdarīja izziņu krimināllietās. Tā, piemēram, Vecpiebalgas aizsargs Kārlis Viksne izdarīja izziņu zādzības lietā. 1933. g. 2. VI viņš arestēja Paulīni Saujiņu. Aizsargs mēģināja panākt no viņas atzišanos zādzībā. Viņš iespieda sievietes pirkstus durvju starpā, un durvis ar sparū aizcirta. Un tas notika policijas telpās, policistu klātbūtnē. Bet tā kā Saujiņa neatzinās un citu pierādījumu nebija, tie bija spiesti viņu tūlīt atbrīvot. Cietušā gāja pie ārsta, sūdzējās prokuroram, kas bija spiests lietu izmeklēt. Spīdināšana tika pilnīgi pierādīta, tomēr lietu izbeidza «pierādījumu trūkuma dēļ». Viksne kategoriski noliedza savu vainu, un kā lai tiesā savus rokas puišus.²⁰

Buržuāziskajā Latvijā bija plaši izplatīta kukuļu ņemšana, sevišķi policistu vidū. Par kukuli atbrīvoja zagļus, viltotājus un citus noziedzniekus, bet, lai izspiestu kukuli, policisti praktizēja nelikumīgus arestus, kratīšanas, pratināšanas.²¹

Tā Rīgas rajona policijas uzraugs Zīle bija saņēmis kukuli — 200 latu par to, ka nesastādīja auglotājam kratīšanas protokolu. Tā kā uzraugs Zīle sistemātiski ņēma kukuļus, uz pilsoņu sūdzību pamata pret viņu ierosināja kriminālvajāšanu. Taču lietu izbeidza «pierādījumu trūkuma dēļ».²²

Uz pilsoņu sūdzību pamata 1938. g. 4. novembrī ierosināta krimināllietā pret virskārtībnieku M. Piziku par sistemātisku

¹⁷ Latv. PSR CVA F 1537. apr. 10, l. 60.

¹⁸ Zurnāls «Policija» 1936. g. Nr. 2, lpp. 70.

¹⁹ Latv. PSR CVA F 1537. apr. 3, l. 575, 43. lpp.

²⁰ Latv. PSR CVA F 1537. apr. 11, l. 27.

²¹ Latv. PSR CVA F 1537. apr. 3, l. 156.

²² Latv. PSR CVA F 1537. apr. 9, l. 636.

kukuļu ņemšanu. No lietas materiāliem redzams, ka M. Piziks atņēmis pilsoniem produktus tirgū vai ceļā uz tirgu. Pēc būtības tā bija nevis kukuļu ņemšana, bet īsta laupīšana. Kaut gan Pizika vaina bija pilnīgi pierādīta, tomēr lietu izbeidza «pierādījumu trūkuma dēļ.»²³

Viena no vistumšākajām un šausmīgākajām vietām buržuāziskajā Latvijā bija Rīgas prefektūra.

Rīgas prefektūras telpās, kas īstenībā bija centrālā policijas iestāde Latvijā, un kā darbību izvirzīja par paraugu citām policijas iestādēm, notika vissmagākie noziegumi. Seit policijas ierēdņi visplašākos apmēros spīdzināja arestētos. No spīdzināšanas mira daudz nevainīgu pilsoņu.

1924. g. 7. IX Rīgas apgabaltiesas prokurora biedrs A. Erdmanis izziņas kārtībā Rīgas prefektūras telpās nopratināja arestēto G. Manzurovu sakarā ar viņa sūdzību.

Pratināšanas protokolā fiksēts, ka 1924. g. 10. septembrī kriminālpolicijas uzraugs Virziņš «Luna» parkā aizturējis Manzurovu un automobili nogādājis viņu Rīgas prefektūras aresta telpās. Neviens nepaskaidroja viņam, par ko viņš arestēts, neviens viņu nenopratināja. Vēlu vakarā Manzurovu noveda kancelejā, kur atradās apmēram 10 policistu. Neko neteikuši, tie sagrāba Manzurovu un sāka sist ar dūrēm pa vēderu, seju, kaklu. Starp sitējiem bija arī policijas inspektors Upmans. Pēc samaņas zaudēšanas Manzurovu nogādāja atpakaļ aresta telpās.

Acimredzot tā bija sagatavošana pratināšanai, jo nākošajā dienā Manzurovu atkal aizveda uz kanceleju un lika priekšā parakstīt protokolu par izdarītajām zādzībām. Manzurovs atteicās protokolu parakstīt, un viņu atkal sāka spīdzināt. No ievainojumiem Manzurovs saslima, nevarēja ne staigāt, ne ēst. Viņš pieprasīja ārstu un prokuroru. Bet ārstu pie viņa pielaida tikai pēc nedēļas. Ārsts izdarīja paviršu ārējo apskati un konstatēja vieglus miesas bojājumus. Tai pašā dienā ieradās arī prokurors.

Izziņas gaitā policistu vaina tika pierādīta, bet, lai viņus attaisnotu, Manzurovu izlaida no apcietinājuma un viņam lika 14 dienu laikā atstāt Latvijas valsts teritoriju. Pēc Manzurova izraidīšanas no Latvijas, 4. novembrī izmeklēšanas tiesnesis sāka Manzurovu «meklēt» un lietā ir vairākas izziņas par to, ka Manzurovs nekur nav atrodams. Tā kā Manzurovu nevarēja nopratināt, 1925. g. 9. aprīlī Tiesu palāta krimināldepartamenta rīcības sēdē nolēma iepriekšējo izmeklēšanu pret Kriminālās

²³ Latv. PSR CVA F 1537, apr., 14., l. 3.

²⁴ Latv. PSR CVA F 1537 apr., 5, l. 18.

Pārvaldes ierēdņiem pēc S. L. 676. p. «pierādījumu trūkuma dēļ izbeigt».²⁴

1923. gada 13. augustā «atzdomās par izdarīto slepkavību» arestēja strādnieku V. Kravčenko, kas no spīdzināšanas mira Rīgas prefektūras telpās. Par to, atstādams Latvijas teritoriju, ziņoja Rīgas II policijas iecirkņa uzraugs R. Bedrišs Latvijas Sociāldemokrātiskās strādnieku partijas Centrālajai Komitejai.

Kravčenko nāves gadījuma izmeklēšana ieilga līdz 1927. g. 18. februārim, kad lietu izbeidza «nozieguma notikumu nepierādīšanas dēļ».²⁵

No lietas materiāliem izriet, ka Kravčenko arestēts uz policijas špika Rozenberga ziņojuma pamata. Bet Rozenbergs bijis ar Kravčenko naidīgās attiecībās. Fakts, ka Kravčenko nogalināts prefektūrā, bija pilnīgi pierādīts. Nopratināšanas protokolā lasāma kāda arestētā liecība. Tas dzirdējis kāda kārtībnieka izteicienu: «pagājušo nakti vienam par daudz tika, atstiepās.»

Lūk, izraksts no kārtībnieka G. Rastopčina 1926. g. 12. oktobra nopratināšanas protokola:

«Sākot ar 1920. g., es kalpoju Rīgas prefektūrā kā kārtībnieks. Sakarā ar Kravčenko nāves cēloni es atceros sekojošo. 1923. g., neatceros kādā dienā, bet ap 8,40 vakarā, es ieradās Rīgas prefektūras telpās uz dežūru, kura sākās pl. 9. Es jautāju vec. kārtībniekam Kuigešam, ar kuru man vajadzēja mainīties, vai kāds atrodas aresta telpās. Aresta telpās viņš norādīja uz grīdas gulošo Kravčenko. Kuigešs deva man saprast, ka Kravčenko esot sists no policijas ierēdņiem. Kravčenko bija miris. II rajona inspektors Dombrovskis pavēlēja man Kravčenko noņemt rokas dzelžus, ar kuriem viņš visu laiku gulēja. Pēc tam es dzirdēju, ka Dombrovska kabinetā tika laužti krēsli un logi un ar tinti nosmērēta siena. Durvis ir plānas un viss bija dzirdams. Es zināju, ka tanī vakarā Kravčenko bija arestēts uz Dombrovska pavēli tikai tamdēļ, ka bija sasitis policijas slepeno agentu Rozenbergu.»²⁶

Uzraugs Lauberts liecināja, ka «uzraugs Kalniņš ir turējis Kravčenko ciet, kad Dombrovskis sīta.»

Kriminālpolicists A. Boders liecina: «No sarunām ar kolēģiem es dabūju zināt, ka otrā rajona telpās notikusi sišana, ka inspektors Dombrovskis esot sītis Kravčenko ar sava spieķa galvu. Esot atsītis nieri, laužtas ribas.»

Un, kaut arī paši policijas darbinieki apstiprināja Kravčenko

²⁵ Latv. PSR CVA 1537, apr. 6, l. 313.

²⁶ Latv. PSR CVA 1537 apr., l. 313, 72. lpp.

spīdināšanu un nāves cēloni, inspektoru Dombrovski netiesāja, viņam pat neaizrādīja par izdarīto noziegumu.

Sākumā, kad kļuva zināms par Kravčenko nonāvēšanu prefektūrā, laikrakstos parādījās ziņojums, ka viņš esot noslēcis Sarkandaugavā. Vēlāk tie paši laikraksti ziņoja, ka Kravčenko esot kriminālpolicijā pakāries.

Ja dažreiz pat prokuratūra bija spiesta atzīt, ka policisti ir sodāmi par vardarbībām, tiesā par policistu vardarbībām vienmēr lietas izbeidza. Lūk, piemērs — izraksts no apsūdzības slēdziena vecākā policijas kārtibnieka Sukša lietā.

«Latvijas pilsonis Dāvis Voldemārs Suksis, dzimis 1905. g. 20. aprīlī Trikātes pagastā, 32 g. vecs, apsūdzēts, ka viņš, sastāvēdams valsts dienestā par Plāņu-Bilskas pagasta vecāko policijas kārtibnieku, 1937. g. 8. augustā Valkas apriņķī, Plāņu pagasta namā, izdarot izziņu Arnoldam Poncinsam piederošā velosipēda zādzības lietā, nolūkā iespaidot Voldemāra Knābja atzišanos minētā velosipēda zādzībā, lietojis ar taisnu tiesu nesavienojamus līdzekļus, sitot Knābim ar roku sejā un vairākas reizes ar gumijas sitamo rundziņu pa abu kāju augšstilbiem, no kā Knābim abu kāju augšstilbu mugurpusē radās zilumi un ādas uztūkumi, t. i., Sodū lik. 148. p. 1. d. paredzētā noziegumā.

Saskaņā ar Kr. pr. lik. 1042. un 293. p. šī lieta iztiesājama Rīgas apgabaltiesā. 25. martā 1938. g. Prokurora biedrs: (A. Vinčels)».²⁷

1938. g. 15. novembrī tiesa attaisnoja Suksi «pierādījumu trūkuma dēļ.»

Buržuāziskā presē bija ne mazums rakstu par policistu patvaļu un kukuļošanu.

Tā, piemēram, «Sociāldemokrāts» 1932. g. 18. martā rakstīja par cilvēku sistemātisku piekaušanu kriminālpolicijā, pie kam min policistu Jamarovsku, kas sevišķi rupji rīkojās. Sakarā ar to prokurors bija spiests ierosināt pret Jamarovski krimināllietu. Šī lieta atrodas valsts arhīvā. Kaut gan Jamarovska vaina pierādīta, tomēr to izbeidza «pierādījumu trūkuma dēļ.»²⁸

Avīzes «Latvis» — 1933. g. 8. marta numurā parādījās raksts par Valmieras apriņķa policijas 1. iecirkņa priekšnieku Daigeli. Daigelis sistemātiski piekāva arestētos; izdarīja nelikumīgus arestus, viņš un viņa sieva ņēma kukuļus; sieva lika rezolūcijas uz dokumentiem utt. Pret Daigeli ierosināja krimināllietu, ko izmeklēja gandrīz veselu gadu. Lietā savākti vairāki simti doku-

²⁷ Latv. PSR CVA F. 1537. apr. 2, l. 1151 lpp. 8.

²⁸ Latv. PSR CVA F. 1537., apr. 10, l. 61.

²⁹ Latv. PSR CVA F. 1537., apr. 11, l. 24.

mentu. Daigeļa vaina pierādīta vispusīgi un pilnīgi, tomēr tiesa lietu izbeidza.²⁹

Avīzē — «Pēdējā brīdī» 1929. g. 15. maija numurā ievietots raksts «Policija saņem nevien «mīlestības dāvanas» uz svētkiem, bet arī «pateicības algu par nakts mājām» iecirkņa aresta telpās. (Politikas un birokrātisma džungļos)», kurā teikts, ka 1929. g. 22. februārī ap plkst 22 Rīgas stacijā aizturēts kāds Igaunijas pilsonis Herms iereibušā stāvoklī. Atskurbšanai viņu nogādāja Rīgas prefektūras 6. iecirknī. Uzraugs J. Sudrabiņš izņēma no Herma mēteļa kabatas savā «glabāšanā» 521 latu un 82 santīmus un 73 Igaunijas markas. Protokols netika sastādīts. Nākošajā rītā Sudrabiņš pieprasīja no Herma 1/3 daļu par naudas «atdošanu» un Herms bija spiests viņam iedot 100 latu. Hermam izsniedza ap 200 latu, pārējo Sudrabiņš nebija «atradis».

Herms sūdzējās, un tā kā Sudrabiņš no sava laupījuma nebija iedevis citiem uzraugiem, viņu arī beidzot ieslodzīja uz vienu mēnesi cietumā. Raksturīgi, ka prokurors piedāvāja tiesai lietu izbeigt «mazsvarīguma dēļ».³⁰

Bet, ja arī tiesa, sabiedrības domas spiesta, varmāku notiesāja, valsts prezidents viņu nereti apžēloja. Tā, piemēram, 1923. g. 10. septembrī valsts prezidents apžēloja vecāko policijas kārtībnieku Jāni Purenī, kuru par mazgadīgo (9 gadus vecās Lazdas un 13 gadus vecā Mārtinsona) sišanu ar drašu pātagu ar svinu galā notiesāja uz vienu (!) mēnesi. Valsts prezidents nolēma Purenī apžēlot, nosacīti atlaižot viņam piespriesto sodu.

Tiesa neuzdrīkstējās Purenī attaisnot, jo mazgadīgie bija ievietoti slimnīcā un par viņu spīdzināšanu uzzināja plaša sabiedrība. Bet buržuāziskā tiesa, parādot savu reakcionāro seju, un, mīdama kājām «demokrātiskos» likumus, piesprieda savam kalpam tikai vienu mēnesi cietumā, kaut gan sodu likumu 676 p. 2. daļa paredzēja par šādu noziegumu ieslodzījumu pārmācības namā.³¹

Arhīva materiāli liecina arī par sieviešu nelikumīgu aizturēšanu un izvarošanu policijas telpās. Tā, piemēram, Vecgulbenes miesta vecākais policijas kārtībnieks Jēriņš 1925. g. 25. janvārī uzaicināja pie sevis uz nopratināšanu pilsoni Ķelli. Kad Ķelle ieradās, Jēriņš aizslēdza durvis un viņu izvaroja. Izvarošanas fakts tika pierādīts, un tiesa bija spiesta Jēriņu notiesāt ar ieslodzījumu pārmācības namā uz 3 gadiem. Bet spriedumu neizpildīja, jo Jēriņu nevarējuši «atrast». Viņš esot pazudis.³²

³⁰ Latv. PSR CVA, F. 1537, apr. 9, l. 632.

³¹ Latv. PSR CVA, F. 1537, apr. 3, l. 163.

³² Latv. PSR CVA F. 1537, apr., 5, l. 948.

Jau parastajās krimināllietās lietoja visai rupjus spīdzināšanas paņēmienus, taču politiskajā apsardzē pratināšanas paņēmieni bija daudz «izsmalcinātāki» un nežēlīgāki. Bez apsūdzētā piekaušanas, spīdzināšanai lietoja dažādus elektriskus piederumus un mašīnas; mērdēja badā; deva sāļu ēdienu un pēc tam dienām nedeva dzert; kāra pie rokām vai stundām ilgi karināja ar galvu uz leju un tml. Tie, kas bija politiskās pārvaldes apcietinājumā, zaudēja savu veselību uz visu mūžu, vai pat mira tūlīt pēc «pratināšanas». Par politiskās apsardzes izmeklētājiem bija daudz sūdzību, bet politiskās lietās tika darīts viss, lai noslēptu un attaisnotu nelikumības.

Interesanti atzīmēt, ka līdz 1934. gada fašistiskajam apvērsumam atsevišķos gadījumos, kad citas izejas nebija, pret politiskās apsardzes darbiniekiem par nelikumīgiem pratināšanas paņēmieniem ierosināja krimināllietas, bet fašistiskās diktatūras laikā politapsardze bija visuvarena, tai bija pilnīgi brīvas rokas un šai periodā krimināllietas netika ierosinātas.

Lūk, kā pratināja politiskajā apsardzē.

1923. g. 16. oktobrī apcietināja 18 gadus veco Arnoldu Krievu. Pratināšanā bija klāt 9 cilvēki. Viņu apvainoja noziegumā, kuru viņš nebija izdarījis, un inkriminētā darbībā viņš neatzinās. Viņu sāka grūstīt, spārdīt pa dzimuma orgāniem un sist ar dūrēm. Spīdzināšana ilga pusotras stundas. Pēc tam izdarīja pārtraukumu. Tai pašā dienā Krievu otrreiz atveda uz pratināšanu un pielietoja tos pašus paņēmienus, taču šoreiz 9 aģentu vietā bija tikai 3. Nākamajā dienā ap plkst. 11 no rīta Krievu pratināja viens aģents, kas piedāvāja parakstīt fiktīvu protokolu. Kad Krievs atteicās to darīt, pratinātājs pasauca divus citus aģentus un trijatā sāka sist Krievu ar ādas nūju, spēra kājām, dūra adatām. Turklāt izmeklētājs draudēja Krievu nosaut, «tikko Latvijā būšot monarhija».

Pēc spīdzināšanas pratināmo vajadzēja nešus nogādāt aresta telpās.³³

Politiskajā pārvaldē nežēlīgi spīdzināja arī Jāni M. Lūk, ko viņš rakstīja Rīgas termiņcietumā Rīgas apgabaltiesas prokuroram 1924. g. 17. februārī:

«Arestēts naktī no 16. uz 17. janvāri š. g., tiku novests Politiskā Apsardzībā plkst. 4 naktī, kur pie nopratināšanas tiku sist no 4—6 cilvēkiem, kuri mainījās, ar dūrēm pa galvu, seju, kakla dzīslām un vēderu, tiku rauts aiz matiem un ausīm, daudzā galva pret sienu, līdz sāka asinis plūst pa muti un degunu, tiku sperts ar kājām pa dzimuma orgāniem un vēderu, nogrūsts zemē

³³ Latv. PSR CVA F. 1537, apr. 5, l. 19.

un kājām spārdīts no vienas istabas puses uz otru, tika dedzināta seja ar kvēlojošu cigāra galu, tiku nostādīts uz ceļiem, paceltām rokām un sist ar malkas gabalu pa kakla dzīslām, līdz pakritu. Sišana ilga apmēram 5 stundas no vietas ar īsiem pārtraukumiem. Prasīts tika, lai norādu komunistu laikraksta «Cīņa» tipogrāfiju. Pēc sišanas tiku novietots t. s. «slepenā aģentūrā», aukstās telpās, kur pavadīju piecas dienas. Otrreiz uz nopratināšanu tiku aizvests 10 vakarā uz 27. janvāri izmeklēšanas ierēdņa telpās, kur tiku sist ar dūrēm pa galvu, daudzā galva pret sienu, rauts aiz matiem, spārdīts ar kājām pa dzimuma orgāniem, sist ar pipku ar svina galu pa galvu un muguru, spiestas acis ar pirkstiem, tika pavēlēts noģērbties un atstāties uz krēsla, pie kam rādīja cilpu un draudēja uzlikt uz dzimuma orgāniem un raut. Kad nepaklausīju, tika ar varu rautas drēbes no muguras un visādi daudzīts. Sišana ilga apmēram divas stundas.»

Sakarā ar šo lūgumu tika ierosināta krimināllieta. Ārsta dokumenti, citu arestēto liecības pilnīgi pierādīja nelikumīgo pratīnāšanu un spīdzināšanu, bet lietu izbeidza «pierādījumu trūkuma dēļ.»³⁴

Jānis M. pašreiz strādā atbildīgā valsts iestādē. Viņš ar šausmām atceras pārdzīvoto.

1924. g. 25. janvārī Jelgavā Politiskās apsardzības aģenti arestēja un aizveda uz Rīgu 18 gadus veco Arturu Ābolkalnu. Nākošajā naktī viņu izsauca uz nopratināšanu. Istabā bija trīs cilvēki, kas prasīja, lai viņš atzīstas, ka sastāv Komunistiskajā partijā. Ābolkalns nebija komunist un tādēļ arī atzīties nevarēja. Viņu sāka sist ar malkas pagali un spārdīt kājām, izsita trīs zobus un pārļauza ribas. Spīdzināšana ilga vairāk nekā stundu. Nākošajā dienā Ābolkalna spīdzināšana ilga apmēram trīs stundas. Viņu spīdzināja trīs nedēļas. 16. februārī viņu pārveda uz termiņcietumu. No cietuma Ābolkalns nosūtīja sūdzību prokuratoram, uzrādīja lieciniekus, nosauca spīdzinātāju Folkmani.³⁵

Sakarā ar sūdzību ierosināja krimināllietu, kuru izmeklēja Rīgas pilsētas 3. iecirkņa izmeklēšanas tiesnesis. Lietu izbeidza «pierādījumu trūkuma dēļ.»

Arturs Ābolkalns pašreiz dzīvo Rīgā.

Bet Folkmaņa lietu atrisināja ļoti vienkārši. Politiskās apsardzes priekšnieks izdeva izziņu, ka Folkmanis «nav oficiāli sastāvējis apsardzes dienestā, bet kādu laiku bija slepens ziņo-

³⁴ Latv. PSR CVA F. 1537 apr. 5, l. 19.

³⁵ Latv. PSR CVA F., 1537, apr. 5, l. 19.

tājs-sekotājs», tātad pratināšanā «nevarēja» būt klāt. Bez tam, lietā ir izziņa, ka Folkmanis izbraucis no Rīgas, tātad viņu «nebija iespējams» nopratināt. Tādēļ izmeklētājs secināja, ka Folkmanis ir «izgudrota» persona.

Krimināllietās par izmeklētāju nelikumīgajām izdarībām raksturīgi ir prokuratūras revidentu atzinumi, kas parasti šādas lietas izmeklēja. Atzinumos visā pilnībā tiek aprakstīti izmeklēšanas rezultāti, minēti pierādījumi un jāsaaka, ka tie bija rūpīgi vākti, daudz un pilnīgi pierādīja izmeklētāju vainu, bet atzinumu rezultatīvajā daļā vienmēr ir priekšlikums lietas izbeigt pierādījumu trūkumu dēļ, jo vainīgie, lūk, neatzīstas.

Nav atrodama neviena lieta, kur par rupjajām nelikumībām būtu notiesāts kāds izmeklēšanas ierēdnis vai policijas darbinieks.

Izmeklēšanas orgānu darbībā varmācības bija tik plaši izplatītas, ka augstākajām instancēm dažreiz pat vajadzēja «aizrādīt» uz spīdzināšanas nepieļaujamību.

Tā Iekšlietu Ministrijas Politiskās apsardzes priekšnieka apkārtrakstā teikts: «Neskatoties uz manu apkārtrakstu no 18. X 23. g. Nr. 251550, man pēdējā laikā ienākušas sūdzības par to, ka politiskās apsardzes ierēdņi pie politisko pratināšanas, lai panāktu pēdējo atzīšanos — lieto varas līdzekļus, kuri noiet līdz arestēto sišanai.

Ar šo vēlreiz kategoriski aizrādu, ka par šo nelikumīgo rīcību saukšu pie atbildības».³⁶ Šādam brīdinājumam, protams, bija tīri formāls raksturs, jo nelikumības joprojām turpinājās un nevienu netiesāja, pat pie disciplinārās atbildības nesauca, kaut gan Kriminālprocesa likumu 450. p. norādīja, ka «nav jādzenas panākt apsūdzētā atzīšanos ar solījumiem, izvilinājumiem, draudiem vai tamlīdzīgiem izspiedu līdzekļiem.»

Tāda pati patvaļa valdīja iepriekšējā izmeklēšanā. Arestēja bez vajadzības, iemesliem un bez likumīga pamata. Izmeklēšanas orgānu attieksme pret mantīgo šķiru pārstāvjiem bija visai iecietīga. Tādu drošības līdzekli kā apcietinājumu valdošās šķiras pārstāvjiem nekad nepielietoja.

Kriminālprocesa likumu 476. pants lēmumā par apcietinājumu paredzēja norādījumu; kas un kad taisījis lēmumu; apcietinātās personas nodarbošanās; vārdu, tēva vārdu un uzvārdu; noziedzīgo nodarījumu, par kuru apcietinātais tiek apsūdzēts vai turēts aizdomās un apcietināšanas pamatus.

Prokurora vai tiesas sankcija par arestēšanu likumā nebija paredzēta.

³⁶ Latv. PSR CVA F 3235 apr. 1/7, l. 95, 37. lpp.

Kriminālprocesa likumu 477. pants prasīja, lai apsūdzētajam tiktu uzrādīts lēmums par apcietināšanu.

Praksē šādus lēmumus parasti nesastādīja, un arestētais pat nezināja apcietināšanas iemeslus.

No minētajiem piemēriem izriet, ka netika pildīts arī kriminālprocesa 443. p., kas noteica, ka pirmo reizi apsūdzētais jānopratina nekavējoties un katrā ziņā ne vēlāk kā divdesmit četru stundu laikā pēc viņa ierašanās vai atvešanas, respektīvi, apcietināšanas. Bet, ja no apsūdzētā paskaidrojuma izriet, ka viņš apcietināts aiz pārskatīšanās vai pārpratuma, policijai viņš nekavējoties jāatbrīvo. (447. p.). Kādā politiskās apsardzes apkārtrakstā ir teikts: «Beidzamā laikā tiek ievērots, ka rajonu pārziņi izmeklēšanā atrodošos apcietinātos notur apcietinājumā daudz ilgāku laiku, nekā tas paredzēts politiskās apsardzības noteikumos, bez kā par to arī ziņotu pārvaldei dēļ apcietinājuma termiņa pagarināšanas».³⁷

Apkārtrakstos tikai konstatēja faktus, bet neizdarīja nekādas secinājumus. Tā reaģēja uz visrupjāko likumu pārkāpšanu. Sūdzības parasti netika izmeklētas, bet, tā kā sūdzību bija daudz, rakstīja apkārtrakstus, kas pēc būtības neaizliedza, bet pamudināja pielietot spaidu līdzekļus.

Kā sākumā minēts, izmeklēšanas darbība buržuāziskajā Latvijā balstījās uz antizinačniskiem pamatiem, jo tikai tādā ceļā varēja sargāt kapitālistisko iekārtu.

Apsūdzētā atzīšanos uzskatīja par galveno pierādījumu, tāpēc par katru cenu centās panākt, lai vainīgais atzīstas. Jau minētais Kriminālprocesa likumu 447. p. apcietināšanas nepieciešamību padarīja atkarīgu no apsūdzētā paskaidrojuma satura. Likums neprasiya, lai apsūdzība būtu vispusīgi pierādīta. Viens no izmeklēšanas «teorētiķiem» — kriminālpolicijas inspektors K. Asaris rakstā «Apvainotā pratināšana» žurnālā «Policija» (1939. g. 151. l. p.) pamāca: «Kriminālistam jācenšas nodibināt patiesību taisnības interesēs un tā izriet, ka izmeklēšanas ierēdņiem jācenšas panākt *apvainotā atzīšanās*, jo no visiem pierādījumiem tā uzskatāma par nopietnāko.» Tādējādi arī galveno uzmanību pievērsa apsūdzētajam, un meklēja tikai tādus faktus, kas liecināja par labu pieņemtajai apsūdzības versijai, un pašu apsūdzēto spieda liecināt tās garā.

No vienas puses, tā bija vardarbība pret tiem, ar kuriem griebeja izrēķināties, bet, no otras puses, katrā gadījumā varēja attaisnot to, kuru attaisnot bija ieinteresēta valdošās šķiras iero-

³⁷ Latv. PSR CVA — F 3235 apr. 1/7. l. 44, 153. lpp.

cis — buržuāziskā tiesa, piemēram, policijas ierēdņi, kas izdarījis nelikumīgas darbības.

Pret valdošās šķiras pretiniekiem pastāvēja tikai apsūdzošas versijas un nekādus attaisnojumus neievēroja. Tā, piemēram, A. Deglavs, kas nepamatoti tika arestēts un saukts pie atbildības uz 1917. g. 2. augusta likuma pamata, savā 1929. g. 17. marta sūdzībā Iekšlietu ministram rakstīja, ka viņam pat «netika dota iespēja sacīt kaut ko sevis attaisnošanai.»³⁸ A. Deglavs nelikumīgi atradās apcietinājumā no 1929. g. 28. novembra līdz 1930. g. 16. februārim.

Balstoties uz antzinātniskās teorijas, liecinieku liecībām pievērsa mazāk uzmanības, jo liecinieki varot kļūdoties, uztvert subjektīvi, nepareizi izprast, dot tiši nepatiesas liecības un tml. Analizējot krimināllietas, redzams, ka lietās ir samērā maz liecinieku nopratināšanas protokolu. Caurmērā uz katru apsūdzēto nopratināti 3 līdz 5 liecinieki, pie kam galvenokārt policijas un aģentūras darbinieki. Lieciniekus parasti nebrīdināja par apzināti nepatiesu liecību došanu. Liecinieku nozvērināšanu iepriekšējā izmeklēšanā likums paredzēja 3 gadījumos: «1) kad liecinieks sataisījies uz tālu ceļu un viņa atgriešanās var novilcināties; 2) kad liecinieks atrodas slimības stāvoklī, kurš apdraud viņa dzīvību; 3) kad liecinieka dzīves vieta atrodas ārpus tās tiesas apgabala, kurai piekrit lietās iztiesāšana, un pie tam tādā attālumā no tiesas sēdes vietas, ka viņam nav iespējams ierasties pie tiesas bez sevišķām grūtībām» (Kriminālprocesa likumu 489. p.).

Instrukcija Rīgas apgabaltiesas izmeklēšanas tiesnešiem aizliedza konfrontēt apsūdzētos savā starpā, kā arī konfrontēt apsūdzētos ar lieciniekiem.³⁹

Likums neparedzēja lasītnepratēju nopratināšanas kārtību. Pratināšanas protokolus nolasīja lasītnepratējam un pieprasīja viņa labās rokas rādītāja pirksta nospiedumu uz protokola, t. i., pierakstīto liecību pareizības apstiprināšanai. Citas personas, kas varētu protokolu izlasīt un ar savu parakstu apliecināt protokola pareizību, neaicināja, kaut gan kriminālprocesā likumu 517. p. paredzēja, ka rakstītnepratēju vietā uz viņu mutisku lūgumu protokolā parakstās tie, kam viņš uzticas. Skaidrs, ka te bija lielas iespējas liecību viltošanai.

Tā, piemēram, kādā kriminālaborta lietā tika nopratināta cietušās māte J. Glazere. Protokolu viņa «parakstīja» ar pirksta

³⁸ Latv. PSR CVA — F 3235 apr. 2, l. 4607 lp. 126.

³⁹ Latv. PSR CVA F 1537 apr. 13, l. 163 12. lpp.

⁴⁰ Latv. PSR CVA F. 1537 apr. 1, l. 612, 7. lpp.

nospiedumu.⁴⁰ Pirksta nospiedums izpildīts pavirši. Papilārliniju aina nav saskatāma. Nav arī norādīts, kāda pirksta nospiedums ir atstāts. Tāds pirksta nospiedums nav noderīgs indentificēšanai.

Kriminālprocesa likumu 448. pants prasīja, lai apsūdzētais tiktu iepazīstināts ar apsūdzības būtību, bet praksē to parasti neievēroja, un apsūdzētie apsūdzību visā pilnībā nezināja. Izpēti to krimināllietu lēmumos par apsūdzības celšanu lielākoties trūkst apsūdzēto parakstu par iepazīšanos ar apsūdzību.

Lūk, tādas bija krimināllietu izmeklēšanas metodes buržuāziskajā Latvijā. Likumi pēc formas it kā demokrātiski, pēc būtības — reakcionāri.

Krimināllietu izmeklēšanas metodika balstījās galvenokārt uz pratināšanu un, kā jau norādīts, it īpaši uz apsūdzēto pratināšanu. Zinātniski tehniskos līdzekļus izmeklēšanā nepielietoja.

Tā, piemēram, izmeklējot ugunsgrēku Valmieras elektrostacijā, kura rezultātā bija cēlušies lieli zaudējumi, nav pieprasīti speciālistu atzinumi, nav izdarīta nozieguma vietas apskate. Lietā ir tikai pratināšanas protokoli. Ugunsgrēka cēlonis nav noskaidrots. Izmeklēšana notikusi trīs gadus un tā kā ugunsgrēks izcēlies tieši 1. maijā, noziegumu pierakstīja komunistiem.⁴¹

Nav konstatēti tādi gadījumi, kur nozieguma vietā tiktu izņemtas pēdas, pielietota fotogrāfija u. tml. Pat tādās lietās, kā auto un dzelzceļa avarijās, dzīvokļu zādzībās, ugunsgrēkos, kas buržuāziskajā Latvijā notika visai bieži, slepkavības lietās, izņemot pratināšanu, izmeklētāji citas darbības parasti neizdarīja. Arī speciālistus pieaicināja reti.

Svarīga nozīme īstenības noskaidrošanai krimināllietās ir lietpratēju atzinumiem. Nereti bez speciālista pieaicināšanas nav iespējams izmeklēt noziegumu. Dabiski, ka atzinumam tikai tad ir nozīme, ja lietpratējs dod patiesas atbildes uz izmeklētāja jautājumiem. Bet buržuāziskajā Latvijā lietpratēja stāvoklis un ekspertīzes process bija tā reglamentēts, ka atzinumu varēja viegli viltot. Gandrīz visos gadījumos ekspertīze izdarīta pavirši, zinātniski vāji pamatota.

Ekspertīzes objektu aplūkošanu, pētīšanu, pēc būtības izdarīja izmeklēšanas tiesnesis lietpratēja un divu pieaicināto liecinieku klātbūtnē. Sādu kārtību noteica Kriminālprocesa likuma 369. p.: «Izmeklēšanas tiesnesis izdara to priekšmetu iepriekšēju ārēju apskatīšanu, kuri jāaplūko un jāizmeklē lietpratējiem un sastāda protokolu par r e d z a m ā m» (mūsu pasvītrojums

⁴¹ Latv. PSR CVA F. 1537, apr. 5, l. 334.

I. I.) noziedzīga nodarījuma pazīmēm, ja tādas būtu, kā arī par visām minēto priekšmetu stāvokli notikušām pārmaiņām.»

Tā kā likums prasīja, lai izmeklēšanas tiesnesis atzīmētu noziedzīgās darbības pazīmes, t. i., izpētītu ekspertīzes objektus pēc būtības, dabiski, ka viņam bija galvenā loma, un lietpratējs bija tikai viņa padomdevējs. Neapšaubāmi, ka izmeklēšanas tiesnesis fiksēja tikai to, ko viņš uzskatīja par pareizu. Tādā ceļā bija iespējams sagatavot vēlamo «atzinumu». Liecinieku pieaicināšanai bija tikai formāla nozīme, tukša demokrātisma čaula. Ar šiem lieciniekiem buržuāzija mēģināja maskēt lietpratēju atzinumu neobjektivitāti.

Speciālistus kriminālistus jeb ekspertus kriminālistus speciāli nesagatavoja un kriminālistiskās ekspertīzes buržuāziskajā Latvijā tika izdarītas zemā zinātniskā līmenī.

Kriminālistiskās ekspertīzes izdarīja kā tiesas ekspertīzes institūts, tā arī privātpersonas.

Grafiskos pētījumus veica arī skolotāji kaligrāfi, kurus ieteica Rīgas skolas valde.⁴² Jāpiebilst, ka kaligrāfi rokraksta pētījumu kvalitātes ziņā bija pēdējā vietā. Citu buržuāzisko valstu kriminālistikā kaligrāfus izsmēja, un tos sen jau nomainīja grafologi.

Buržuāziskās Latvijas valdība nebija ieinteresēta sagatavot labus speciālistus kriminālistus, jo tādi analfabēti rokraksta pētījumos kā kaligrāfi bija «izdevīgāki».

Lūk, piemērs uz kāda «pētīšanas» rezultāta pamata eksperts kaligrāfs formulē atzinumu.

Minēsim vienu no tiesas ekspertīzes institūta eksperta A. Ziemeles aktiem. A. Ziemele darbojās buržuāziskās Latvijas pastāvēšanas gados. «Izmeklējot lūguma tekstus, bija redzams, ka tas izdarīts samērā lēnā gaitā, uzmanīgi, smagi rakstot. Aplūkojot parakstu mikroskopā, kopēšanas un caurpauzēšanas pazīmes neatrada. Salīdzinot šo parakstu ar paraugiem, kas izdarīti lēnā gaitā, smagi, neveikli rakstot, savstarpīgi bija redzams, ka to vispārējais rakstīšanas veids un sīkākas īpatnības tādā mērā sakrīt, ka jāsecina, ka tos ir rakstījusi viena un tā pati persona. Sakrišana izpaužas smagā, neveiklā rakstīšanas gaitā, rakstīšanas spiedienā, raksta absolūtā un relatīvā lielumā.»⁴³

Nav jābūt speciālistam, lai saprastu, ka eksperta atzinums ir pilnīgi nepamatots, nav norādītas konkrētas sakrišanas pazīmes. Ekspertīze izdarīta izmeklēšanas tiesneša kamerā.

Citēsim tehniskās pētīšanas atzinumu:

«Pārbaudot Latvijas iekšzemes pasē J. K. Nr. 012285 uz Vla-

⁴² Latv. PSR CVA F. 1537 apr. 13 l. 48. lpp. 25.

⁴³ Latv. PSR CVA F. 1537 apr. 1., l. 146, 39. lpp.

dislavas Ždanorovskijs vārda 2. lappusē ierakstīto dzimšanas gada skaitli «1918» atradu, ka šis gada skaitlis pases izdošanas laikā bijis ierakstīts «1916» ar tādu pašu tumši pelēku tinti, kā pārējais šinī lappusē ierakstītais teksts, bet vēlāk gada skaitļa pēdējais cipars «6», kura kontūras vēl saredzamas, pārtaisīts ar koši melnu tinti par ciparu «8» un, lai maskētu šo pārlabošanu, ir ar to pašu koši melno tinti pārvilkta par otru reizi pārējie gada skaitļa cipari «1, 9, 1».

Noteikt ekspertīzes ceļā, vai gada skaitļu pārlabošanu ir izdarījusi Vladislava Ždanorovskijs, jeb kāda cita persona, nav iespējams, jo cipara «6» pārtaisīšana uz «8» nav pietiekoši materiāla rokraksta salīdzināšanai.

Lūdzu atlīdzību par ekspertīzi, kas ilga 2 stundas.

Eksperts K. Vilsons.»⁴⁴

Akts nav ilustrēts, tādējādi nav iespējams pārbaudīt atzinuma pareizību. Kādā ceļā eksperts ir konstatējis sākotnējo tekstu, nav zināms. Vai te tika pielietots mikroskops vai fotogrāfija, vai ķīmiskās pētīšanas metodes. Slēdziens bez datuma, uzrakstīts uz 1936. g. 11. novembra ekspertīzes protokola.

Katrs lietpratēja atzinums var rasties tikai nopietna zinātniska, pētnieciska darba rezultātā. Bet par kādu pētniecisku darbu varēja būt runa buržuāziskajā Latvijā, kur lietpratējs atzinumu deva izmeklēšanas tiesneša kabinetā, dažreiz pat pusstundas laikā.

Kriminālprocesa likumu 370. p. noteica: «Ja nerodas sevišķi šķēršļi, aplūkošana caur lietpratējiem izdarāma izmeklēšanas tiesneša un pieaicināto liecinieku klātbūtnē.» 371. p. «Izmeklēšanas tiesnesim jāliek priekšā lietpratējiem mutiski vai rakstiski jautājumi, kas tiem izšķirami.»

Tādējādi, jautājumi, kuru atrisināšana prasa vismaz vairāku dienu pētījumus, tika izšķirti pāris stundu laikā.

Lūk, daži ekspertīzes protokolu un attiecīgu atzinumu piemēri.

«Ekspertīzes protokols.

1927. g. 22. oktobrī Rīgas apriņķa 1. iecirkņa izmeklēšanas tiesnesis izdarīja savā kabinetā divu pieaicinātu liecinieku klātbūtnē caur ekspertu Kārli Kārļa d. Vilsonu, dzīv. Rīgā Invalidu ielā 6, dz. 1 ekspertīzi — rokraksta salīdzināšanu, lai noskaidrotu, vai apskatīšanas protokolā no 5. septembra š. g. zem p. 9 minētā vēstule nav tikusi rakstīta no Roberta Andreja d. Rožkalna, kurš protokolā no 18. oktobra š. g. izdarījis pašrocīgu

⁴⁴ Latv. PSR CVA F. 1537. apr. 2., l. 750.

parakstu, pie kam ekspertam rokrakstu salīdzināšanai tika uzrādīta minētā vēstule un protokols no 18. oktobra š. g.

Eksperts deva slēdzienu, kurš pievienots pie šī protokola.

Eksperts lūdz izsniegt atlīdzību par ekspertīzi, kura ilga vienu stundu.

Eksperts:

Pieaicinātie liecinieki: (paraksti)

Izmeklēšanas tiesnesis:⁴⁵

Slēdziens.

Salīdzinot vēstules tekstu no 7. jūlija 1927. g. ar Roberta Rožkalna neapšaubāmo rokas raksta paraugu protokolā no 18. oktobra 1927. g., atrodama pilnīga līdzība visos rakstīšanas paņēmienos. Ņemot vērā visu iepriekš izteikto, nāku pie noteikta slēdziena, ka vēstuli no 7. jūlija 1927. g. minētu aprakstīšanas protokolā no 5. septembra š. g. zem pkt. 9 ir rakstījis Roberts Andreja d. Rožkalns personīgi.

Eksperts: K. Vilsons.»⁴⁶

«Ekspertīzes protokols.

1928. g. 27. oktobrī, Rīgas pilsētas 10. iecirkņa izmeklēšanas tiesnesis, apakšā parakstījušos pieaicināto liecinieku klātbūtnē, izdarīja caur lietpratēju Kārli Kārļa d. Vilsonu, dzīv. Rīgā, Invalidu Nr. 6, dz. I rokraksta ekspertīzi.

Lietpratējam tika uzrādīti: 1) rokraksts ar virsrakstu «Starptautiskais stāvoklis» un raksts ar virsrakstu «Tezes Latvijas Neatkarīgo Zociālistu partijas runātājiem 1. maija sapulcē», kuri atrodas lietā atsevišķā aploksnē un 2) Arnolda Deglava neapšaubāms rokraksta paraugs lietā uz 118. lapas.

Lietpratējam izšķiršanai tika uzstādīts sekošs jautājums: Vai augšā minētais raksts ar virsrakstu «Starptautiskais stāvoklis» un piezīmes uz raksta ar virsrakstu «Tezes Latvijas Neatkarīgo Zociālistu partijas runātājiem 1. maija sapulcēs» ir rakstīti ar Arnolda Deglava roku.

Salīdzinot rakstu, kurš sākās ar virsrakstu «Starptautiskais stāvoklis» un piezīmes ar tintes zīmuli un rakstu ar virsrakstu «Tezes Latvijas Neatkarīgo Zociālistu partijas runātājiem 1. maija sapulcēs» ar Arnolda Deglava neapšaubāmā rokas rak-

⁴⁵ Latv. PSR CVA F. 1537 apr. 42 l. 4064, 232. lpp.

⁴⁶ Latv. PSR CVA F. 1537 apr. 42 l. 4064, 233. lpp.

sta paraugu lietā uz 118. lp. atrodama pilnīgi raksturīga līdzība visos rakstīšanas paņēmienos.

Pieaicinātie liecinieki:

Izmeklēšanas tiesnesis (paraksti)

Lietpratējs

Ekspertīze ilga vienu stundu. Lūdzu atlīdzību

Lietpratējs.

Lietpratēja atzinums.

Nemot vērā apskatīšanas rezultātus, es, apakšā parakstīties lietpratējs, nāku pie noteikta atzinuma, ka rakstu, kurš sākas ar virsrakstu «Starptautiskais stāvoklis» un piezīmes ar tintes zīmuli labajā pusē uz hektografēta raksta, kurš sākas ar vārdiem «Tēzes Latvijas Neatkarīgo Zociālistu partijas runātājiem 1. maija sapulcē» ir rakstījis pašrocīgi Arnolds Deglavs.

Lietpratējs (Vilsons)»⁴⁸

Protokolu un slēdzienu salīdzināšana rāda, ka tie saturā sakrīt. Zīmīgi, ka šajos dokumentos netiek uzrādīti nedz izmeklētāju, nedz liecinieku uzvārdi, nav norādīta lietpratēja specialitāte. Tā kā netiek aprakstīti un analizēti paraugi, rokraksta pazīmes utt., nav iespējams pārbaudīt atzinuma pareizību. Taču nav jābūt speciālistam, lai saskatītu minēto dokumentu zemo kvalitāti, to nezinātnisko saturu. Un uz šādu «atzinumu» pamata buržuāziskā tiesa nepamatoti laupīja brīvību strādnieku šķiras pārstāvjiem.

Buržuāziskās Latvijas izmeklēšanas paņēmieni arsenālā bija tie paši līdzekļi, kādus sastopam mūsdienu imperiālistiskajās valstīs: nelikumīgi aresti, nepamatotas kratīšanas, spīdzināšana, pierādījumu falsifikācija. Viss tika darīts un viss bija atļauts valdošās kliķes varas nodrošināšanai.

Sevišķi nežēlīgi un ar vislielāko patvaļu izmeklēšanu izdarīja fašistiskās diktatūras laikā pret visiem, kas domāja citādi nekā valdošās šķiras pārstāvji. Fašistiskā Ulmaņa valdība ar teroru un provokāciju palīdzību izrēķinājās ar progresīvi domājošiem cilvēkiem, komunistiem un komjauniešiem.

1936. gadā «Cīņa» (Nr. 14) rakstīja: «Dažu nedēļu laikā pēc apvērsuma fašisti izdarīja masu apcietināšanas, pārpildot cietumus ar latviešu tautas brīvības cīnītājiem.» Bija pietiekoši, lai kāds policijas špiks nosauktu kādu pilsoni par komunistu, un šo pilsoni tūlīt arestēja. Ar streikotājiem un nepaklausīgiem strādniekiem izrēķinājās nekavējoši un neiedomājami cietsirdīgi.

⁴⁸ Latv. PSR CVA F 1536 apr. 2, l. 477, 138. lpp.

Fašisms, «kas sagrābis varu savās rokās, sāka bez Saeimas, ar kaila terora palīdzību nežēlīgi izrēķināties ar revolucionāro masu kustību.»⁴⁹

Buržuāziskās Latvijas valdība ar tās politisko apsardzi, kriminālpoliciju, tiesu, prokuratūru bija latviešu tautas visniknākais ienaidnieks un apspiedējs.

Latviešu tauta Komunistiskās partijas vadībā iznīcināja viduslaiku tumsonību ar tās moku kambariem un tagad veido sev gaišu nākotni, komunismu.

⁴⁹ J. Krastiņš — Latvija fašistiskās diktatūras laikā (1934—1940) LVI, 1949. g. 53. lpp.

**КРАТКОЕ СОДЕРЖАНИЕ СТАТЬИ И. О. ДОЦЕНТА, КАНД. ЮРИД.
НАУК И. ИНДУЛЕНА «РЕАКЦИОННЫЕ МЕТОДЫ РАССЛЕДОВАНИЯ
УГОЛОВНЫХ ДЕЛ В БУРЖУАЗНОЙ ЛАТВИИ»**

В буржуазной Латвии весь арсенал криминалистики был направлен в первую очередь против коммунистической партии. Буржуазная Латвия была типичной страной капиталистической диктатуры, рожденной международным империализмом.

Для защиты своего господствующего положения буржуазия Латвии организовала широкую сеть полицейских и судебных органов и тюрем. Была создана специальная вооруженная организация «айзсаргов», т. е. защитников, наделенная такими правами производства дознания, как: ареста, допросов, обысков. Органом дознания являлась полиция. Следствие по уголовным делам проводили судебные следователи...

Формально законом уголовного процесса были гарантированы объективность расследования, права обвиняемого, порядок ареста, обыска и т. д., однако на деле царил полнейший произвол. Так, например, для производства обыска в качестве понятых приглашались полицейские и айзсарги, которые одновременно осуществляли обыск в разных помещениях квартиры и таким образом «обнаруживали» листовки, запрещенную литературу и т. д., необходимые для репрессирования «непослушных» рабочих. Ордер и постановление для производства обыска не составлялись, хотя закон этого требовал. Требование о добровольной выдаче искомого не предъявлялось.

Одновременный обыск несколькими полицейскими в одном месте рекомендовался официальными инструкциями и наставлениями.

Основным доказательством по делу признавалось признание обвиняемого. Чтобы добиться признания, широко применялись инквизиционные методы допроса, кончавшиеся часто смертью обвиняемого. Особенно жестоко действовали молодчики политической полиции. Применялись изощренные приемы пыток, использовались колющие инструменты, электроаппараты и т. п. Допрашиваемых избивали железными

прутьями, резиновыми дубинками, били кулаками, ногами по половым органам, животу, голове. В глазах допрашиваемых гасились горящие папиросы. Иногда избиваемому надевали на голову мешок, чтобы он не мог видеть, кто его избивал. В статье приводится пример, когда айзсарг вставил пальцы руки женщины в дверную щель и с силой захлопнул дверь.

Естественно, что аресты и незаконные методы допросов не применялись к представителям господствующего класса, которым достаточно было не признаться в предъявленном обвинении и дело прекращалось за «недоказанностью». Приводятся примеры.

В процессе расследования широко распространены были взяточничество, вымогательство, насилие.

Научно-технические средства при производстве следственных действий не применялись. Допросу свидетелей уделялось мало внимания, так как к живым лицам высказывалось недоверие. Предпочитали «немых свидетелей» — вещественные доказательства и заключения экспертов. Производство экспертиз в буржуазной Латвии было поставлено так, что давалось желаемое следствию заключение. Закон обязывал следователя производить осмотр исследуемых объектов в присутствии эксперта, а эксперт давал заключение по результатам осмотра, т. е. на основании оценки признаков, выявленных следователем. Для производства графической экспертизы привлекались учителя школ и эксперты института судебной экспертизы, организованного в Риге в 1923 г. Основным направлением в графическом исследовании были каллиграфия и графология. Заключение экспертов научно необоснованы. Круг экспертиз весьма ограничен: медицинские, графические и техническое исследование документов. Судебно-медицинское исследование проводилось в медицинских учреждениях, а экспертиза документов, как правило, в кабинете судебного следователя. В основном применялись визуальные методы исследования.

Статья иллюстрирована примерами из следственной практики буржуазной Латвии по материалам Центрального государственного архива Латвийской ССР.

*Doc. v. i. S. GRAUZINIS,
jurid. zin. kandidāts*

PIEZĪMES PAR LATVIJAS PSR PROKURĀTORAS IZVEIDOŠANOS UN ATTĪSTĪBU 1940. UN 1941. GADĀ

1940. g. vasarā Latvijā izraisījās ievērojami vēsturiski notikumi — Latvijas strādnieki un zemnieki Komunistiskās partijas vadībā izdarīja sociālistisku revolūciju.

Tā laika vēsturiskie notikumi Latvijā jau plaši pētīti un aprakstīti padomju vēsturnieku, juristu, publicistu darbos, tie labi analizēti Latvijas Komunistiskās partijas vadošo darbinieku publikācijās.

Jautājums par prokuratūru, kam veltītas šīs piezīmes, mazāk apgaismotu mūsu literatūrā¹. Bet par šo jautājumu ir liela interese tiem, kas Padomju Latvijā studē tiesību zinātnes, tāpat Padomju Latvijas jauno juristu saimei, kas kļuvusi tik plaša pēc Lielā Tēvijas kara.

Tas ir jautājums par fašistiskās prokuratūras salaušanu Latvijā, par jaunās strādnieku un zemnieku sociālistiskās valsts — Latvijas Padomju Sociālistiskās Republikas prokuratūras, kā PSRS prokuratūras sastāvdaļas, izveidošanos, par tās pirmajiem darba soļiem, par jaunās darbaļaužu varas svarīgākajiem likumdošanas aktiem, kuru īstenošanā prokuratūrai bija sava loma, par prokuratūras jaunajiem kadriem un to audzināšanu, par sociālistiskās likumības nodrošināšanu tajā laika posmā.

Jūnijā 1940. gadā nodibinātā Tautas valdība izvērsa cīņu par Latvijas sabiedriski politiskās dzīves demokratizāciju. Visiem valsts pārvaldes orgāniem, tajā starpā arī prokuratūrai, bija jānodrošina Tautas valdības izdoto aktu realizēšana.

Tika realizēta kontrole par rūpniecību, ražošanu, par banku darbību, ieviesta 8 st. darba diena, likvidēts bezdarbs un izda-

¹ Par Latvijas PSR tiesu un prokuratūru plašāku darbu pašlaik gan publicējusi juridisko zinātņu kandidāte Erika Stumbaņa, «Суд и прокуратура Латвийской ССР». Издательство Академии наук Латвийской ССР Рига, 1962 г.

rīti citi darbaļaudīm vēlami un nepieciešami pārkārtojumi. Vienlaicīgi notika visa valsts aparāta demokratizācija. No valsts pārvaldes orgāniem, armijas, tiesas, prokuratūras, policijas tika padzīti fašisti un citi reakcijas spēki. Likvidēja fašistisko aizsargu organizāciju.

Lai pasargātu tautas mantu un tautas intereses no naidīgi noskaņotu elementu noziedzīgās rīcības, tautas valdība pieņēma likumu par kaitniecības apkarošanu,¹ aizliedzot iznīcināt, bojāt vai nobēdzināt savu vai svešu mantu, kā arī aizliedzot izvairīties no likumīgu pienākumu pildīšanas nolūkā kaitēt valsts vai sabiedriskām interesēm. Šim likumam bija sevišķa nozīme lauksaimniecības inventāra un ražas saglabāšanā. Tautas valdība pieņēma arī likumu par korupcijas apkarošanu², lai novērstu atsevišķu personu iedzīvošanos uz valsts un tautas rēķina. Šis likums piešķīra prokuratūrai vai attiecīgā resora vadītājam tiesību pārbaudīt, vai amatpersona savu mantu ir ieguvusi godīgā ceļā. Pamatotu šaubu gadījumā prokuratūrai vai attiecīgā resora vadītājam bija tiesība pieprasīt no amatpersonas izsmeltošas ziņas par viņai piederošās mantas iegūšanas veidu.

Lai novērstu uz laukiem spekulāciju ar zemi, tautas valdība pieņēma likumu³ par zemes spekulācijas apkarošanu.

1940. g. 14.—15. jūlijā notika Tautas Saeimas vēlēšanas. Šīs vēlēšanas noritēja darbaļaužu lielas politiskas pacilātības apstākļos. Par darbaļaužu bloka kandidātiem tika nodotas 97,6% visu vēlētāju balsis.

1940. g. 21. jūlijā notika Tautas Saeimas pirmā sesija. Izpildot Latvijas darbaļaužu gribu, tā pieņēma vēsturisko Deklarāciju par valsts varu. Tā bija deklarācija par padomju varas nodibināšanu Latvijā, par Latvijas pasludināšanu par Padomju Sociālistisko Republiku. Latvijā tika atjaunota padomju vara. Latviešu tautas dēlu un meitu asinis, izlietas Lielās Oktobra sociālistiskās revolūcijas laikā Krievijā, ciņā par padomju varu Latvijā 1919. gadā, ciņā par padomju varas atjaunošanu tumšajos un drūmajos buržuāziskās Latvijas pastāvēšanas gados nebija veltīgas.

Latvijas Komunistiskās partijas CK pirmais sekretārs A. Pelše savā referātā Latvijas PSR Augstākās Padomes un Latvijas Komunistiskās Partijas CK svinīgā sēdē 1960. g. 21. jūlijā, sakarā ar Padomju varas atjaunošanas 20. gadadienu Latvijā, visu Latvijas darbaļaužu vārdā uzsvēra: «Pirms 20 gadiem Latvijas strādnieki un zemnieki Komunistiskās partijas vadībā,

¹ Sk. «Valdības Vēstnesis» 1940. g. 13. jūlijs (Nr. 156).

² Sk. «Valdības Vēstnesis» 1940. g. 20. jūlijs (Nr. 162).

³ Sk. «Valdības Vēstnesis» 1940. g. 20. jūlijs (Nr. 162).

prasmīgi izmantodami revolucionāru situāciju, cēlās ienīstās Ulmaņa fašistiskās valdības gāšanai, izdārīja sociālistisku revolūciju un nelokāmi nostājās uz gaišā jaunās dzīves ceļa.»⁴

Tautas Saeimas deklarācijā par valsts varu tika uzsvērts: «Atrisinot jautājumu par valsts varas raksturu, mēs vērsām savus skatus uz mums draudzīgo Padomju Savienības tautu vēsturisko pieredzi un lielo priekšzīmi».⁵

Padomju Savienības brālīgo tautu lielā vēsturiskā pieredze mācīja, ka tikai padomju vara patiesi pauž un aizstāv darbaļaužu intereses, ka tā ir tiešām tautas vara, kurā valsti pārvalda pati tauta, bez muižniekiem, kapitālistiem un citiem ekspluatatoriem.

Tika pieņemts lēmums griezties pie PSRS Augstākās Padomes ar lūgumu uzņemt Latvijas PSR Padomju Savienības sastāvā.⁶

Tautas Saeima savā 22. jūlija sēdē pieņēma vēl divus vēsturiskus lēmumus:

- 1) Deklarāciju par zemes pasludināšanu tautas īpašumā un
- 2) Deklarāciju par banku un lielo uzņēmumu nacionalizāciju.⁷

1940. g. 5. augustā PSRS Augstākā Padome nolēma apmierināt Latvijas darbaļaužu lūgumu un uzņēma Latvijas PSR brālīgajā PSRS tautu saimē kā līdztiesīgu savienoto padomju republiku. Padomju Latvija kļuva par varenās Sociālistiskās lielvalsts loekli.

Pēc padomju varas atjaunošanas Latvijā, Tautas Saeima jūlija un augusta mēnešos pieņēma veselu virkni jaunu demokrātisku likumdošanas aktu.

1940. g. 25. augustā Tautas Saeima vienprātīgi apstiprināja Padomju Latvijas Pamatlikumu — Latvijas PSR Konstitūciju. Tani pašā dienā tika pieņemts likums, ar kuru Saeimu pasludināja par Latvijas PSR Augstāko Padomi.

Analizējot 1940. g. jūnija-augusta periodu Latvijā, redzam, ka šajos mēnešos Latvijas darbaļaudis Komunistiskās partijas vadībā bija izcīnījuši lielas vēsturiskas uzvaras. Šini laika posmā tika gāzts tautai naidīgais fašistiskais režīms un nodibināta tautas valdība. Pēc tautas demokrātiskās valdības nodibināšanas, sekoja virkne demokrātisku pasākumu, kas pavēra ceļu Padomju varas atjaunošanai Latvijā.

PSKP Centrālā komiteja, PSRS Augstākās Padomes Prezi-

⁴ «Cīņa» (Nr. 173) 1960. g. 22. jūlijā.

⁵ «Valdības Vēstnesis» 1940. g. 22. jūlijs (Nr. 163.).

⁶ Turpat.

⁷ «Valdības Vēstnesis», 1940. g. 23. jūlijs (Nr. 164.).

diji un PSRS Ministru Padome sakarā ar Padomju Latvijas darbaļaužu lielajiem vēsturiskajiem svētkiem — 20. gadadienu kopš Padomju varas atjaunošanas, savā apsveikumā republikas darbaļaudīm rakstīja: «Padomju varas atjaunošana Latvijā ievadīja radikālu pagriezienu latviešu tautas vēsturiskajos likteņos».⁸

Latvijas darbaļaužu uzdevums bija Latvijas Komunistiskās Partijas vadībā pārvērst Padomju Latviju no atpalikušas agrārās zemes ar vāji attīstītu rūpniecību par augsti attīstītu industriālu padomju republiku.

Tuvākajos mēnešos vajadzēja galīgi likvidēt vecā fašistiskās Latvijas valsts aparāta atliekas un to vietā izveidot jaunu, padomju valsts aparātu, kā arī izvērst cīņu par sociālistiskās likumības nostiprināšanu un ievērošanu republikā. Vajadzēja radīt jaunas proletāriskās valsts mehānismu un jaunu, padomju valsts aparātu. Bija nepieciešams izveidot jaunu tiesu orgānu sistēmu un jaunu prokuratūru revolucionārās sociālistiskās likumības nostiprināšanai un nodrošināšanai.

Šie uzdevumi nebija veicami dažās dienās. Bija nepieciešami vairāki mēneši, lai šos pasākumus realizētu.

Pēc fašistiskās diktatūras gāšanas un demokrātiskās tautas valdības nodibināšanas Latvijā kā centrā, tā uz vietām vēl kādu laiku saglabājās vecās valsts varas un pārvaldes orgānu formas. Tomēr bija nepieciešams izdarīt radikālus pārkārtojumus šo orgānu sociālajā sastāvā valsts varas un pārvaldes orgānu vecās formas vajadzēja papildīt ar jaunu, revolucionāru saturu. Lai to veiktu, darbaļaudis padzina no dažādām valsts iestādēm fašistiskās diktatūras pārstāvjus, gāztās valdības ielikteņus. Šinī darbā tika plaši izmantota brālīgo republiku, vispirms KPFSR lielā vēsturiskā pieredze. Tas atvieglāja vecā valsts aparāta noārdīšanas un jaunā valsts aparāta izveidošanas procesu Latvijā. Šis ļoti svarīgais un atbildīgais pasākums prasīja vairāku mēnešu laiku un darbu.

Pēc revolucionārajiem notikumiem 1940. g. vasarā Latvijā pirmajos mēnešos tiesas darbu vēl veica *Senāts, Tiesu Palāta, Apgabaltiesas un miertiesneši*, t. i., vēl pastāvēja vecās valsts tiesu organizācijas formas. Tiesu orgāni savā darbībā vēl formāli piemēroja vecās buržuāziskās Latvijas civilos un kriminālos likumus, kā arī tiesāšanas kārtības noteikumus. Protams, šīs vecās formas neatbilda jaunajiem apstākļiem, vajadzēja pilnīgi iznīcināt visu buržuāzisko tiesu sistēmu. Zināmu laiku blakus tai vēl pastāvēja arī vecā prokuratūras sistēma. Buržuāziskās Lat-

⁸ «Cīņa», Nr. 173, 1960. g. 22. jūlijs

vijas tiesu iekārtas likuma 65. pants noteica, ka prokuratūras pienākumus veic virsprokurors, prokurori un viņu biedri tieslietu ministra, kā ģenerālprokurora augstākā pārraudzībā. Buržuāziskajā Latvijā Tieslietu ministrs vienlaicīgi bija arī prokuratūras vadītājs, proti, veica ģenerālprokurora pienākumus.

Jau drīz pēc demokrātiskās tautas valdības nodibināšanas Latvijā tiesu un prokuratūras orgānos tika izdarīti radikāli pārkārtojumi. Tomēr šie pārkārtojumi tikpat kā neskāra tiesu sistēmu un prokuratūras struktūru, bet galvenokārt personālo sastāvu. No tiesu un prokuratūras orgāniem vispirms padzina reakcionāros elementus, tos atvietojo ar progresīvās darba intelligences pārstāvjiem. Tā piemēram, 1940. g. 5. jūlijā Ministru kabinets atbrīvoja no amata Rīgas apgabaltiesas prokuroru Antonu-Otto Kalmi un Tiesu palātas prokuroru Kārli Skaduli. To vietā darbā tika izvirzītas citas personas. Tādējādi tiesu un prokuratūras organizācijas formas vēl zināmu laiku palika tikpat kā neskartas. Tāds stāvoklis tiesas un prokuratūras struktūras jomā Latvijā zināmu laiku saglabājās arī pēc Latvijas PSR Konstitūcijas apstiprināšanas.

Lai galīgi noārdītu veco tiesu sistēmu un tās vietā nodibinātu jaunu Padomju varai atbilstošu un pieņemamu tiesu sistēmu, kas būtu spējīga veikt padomju tiesas atbildīgos un godpilnos uzdevumus, Latvijas PSR Augstākās Padomes Prezidijs 1940. g. 11. novembrī izdeva dekrētu: «Par Latvijas PSR tiesu sistēmas pārveidošanu». Saskaņā ar šo dekrētu bija jālikvidē vecā buržuāziskā tiesa un tās vietā jārada jauna padomju tiesu sistēma, kas iekļautos Padomju Savienības vienotajā tiesu sistēmā.

Padomju vara stājās arī pie prokuratūras orgānu izveidošanas Latvijā.

Pēc padomju varas atjaunošanas Latvijā bija nepieciešams speciāls orgāns, kas realizētu uzraudzību par likumības ievērošanu jaunajā padomju republikā.

Komunistiskās partijas un padomju valsts nodibinātājs V. I. Ļeņins cīņā par sociālistiskās revolūcijas iekarojumu nosargāšanu milzīgu nozīmi vēltīja sociālistiskās likumības ievērošanai un nostiprināšanai. V. I. Ļeņins vēstulē strādniekiem un zemniekiem sakarā ar uzvaru pār Kolčaku mācīja: «... nepieciešams stingri un godīgi ievērot Padomju varas likumus.»⁹ Šajā pašā vēstulē V. I. Ļeņins rakstīja: «Vismazākā nelikumība, vismazākais padomju kārtības pārkāpums, jau ir spraugā, kuru nekavējoties izmantos darbaļaužu ienaidnieki.»¹⁰

⁹ V. I. Ļeņins, Raksti 29. sējums, 500. lpp.

¹⁰ Turpat.

Visa padomju valsts attīstība liecina, ka partija un valdība ir nemitīgi cīnījusies par to, lai realizētu V. I. Ļeņina prasību par sociālistiskās likumības stingru ievērošanu.

N. S. Hruščovs PSKP XX kongresā pasvītroja: «Lielu uzmanību partijas Centrālā Komiteja ir veltījusi un joprojām veltī sociālistiskās likumības nostiprināšanai. Pieredze rāda, ka visniecīgākā sociālistiskās likumības pavājināšanu Padomju valsts ienaidnieki mēģina izmantot, lai darītu savu negēlīgo, graužošo darbu.»¹¹ Arī vēsturiskajā PSKP XXII kongresā — komunistiskās sabiedrības cēlāju kongresā — b. N. S. Hruščovs atkārtoti uzsvēra: «Partija piešķir lielu nozīmi likumības un tiesiskās kārtības tālākai nostiprināšanai un pilsoņu tiesību sargāšanai.»¹²

No cēlās un augstās Partijas kongresa tribīnes izskanēja aicinājums «*Mums jāieaudzina cieņa pret padomju likumiem*».¹³

Jaunajā Padomju Savienības Komunistiskās Partijas Programā zelta burtiem ierakstīts: «Partija izvirza sev uzdevumu panākt, lai stingri ievērotu sociālistisko likumību, izskaustu jebkādas tiesiskās kārtības pārkāpumus, likvidētu noziegumus, novērstu visus cēloņus, kas tos izraisa.»¹⁴

Runājot par prokuratūras orgānu izveidošanu Latvijā, jāatzīmē, ka Padomju Latvijas prokuratūras uzdevumi, darbības un organizācijas pamatprincipi nostiprināti PSRS Konstitūcijas IX (113. — 117. p.) un Latvijas PSR Konstitūcijas VII nodaļās (86.—89. p.).

Saskaņā ar PSRS Konstitūcijas 113. p. un Latvijas PSR Konstitūcijas 86. p. augstāko uzraudzību par to, lai visi Tautas Komisariāti un tiem pakļautās iestādes, kā arī atsevišķas amatpersonas un tāpat pilsoņi Latvijas PSR teritorijā cieši pildītu likumus, realizēja PSR Prokurors kā tieši, tā arī caur Latvijas PSR Prokuroru.

Pamatojoties uz PSRS Konstitūcijas 115., Latvijas PSR Konstitūcijas 87. p. 1940. g. 3. decembrī PSRS Prokurors par Lat-

¹¹ N. S. Hruščovs, PSKP CK Pārskata referāts Partijas XX kongresā. LVI, 1956. g. 106. lpp.

¹² N. S. Hruščovs, Par Padomju Savienības Komunistiskās Partijas Programu, LVI, Rīgā, 1961. g. 78. lpp.

¹³ N. S. Hruščovs, Padomju Savienības Komunistiskās Partijas Centrālās Komitejas Pārskats Partijas XXII kongresam. LVI, Rīgā, 1961. g. 104. lpp.

¹⁴ PSKP Programma, LVI, Rīgā, 1961. g. 94. lpp.

vijas Prokuroru iecēla Ernestu Soldnieku¹⁴. 1940. g. decembrī tika nozīmēti arī citi Latvijas PSR prokuratūras vadošie darbinieki. Seit nepieciešams atzīmēt, ka vecākās padomju republikas palīdzēja Latvijas darbaļaudīm nostiprināt sociālistisko likumību Latvijā. Uz Padomju Latviju sūtīja augsti kvalificētus un pārbaudītus juristu kadrus, kā, piemēram, b.b. E. Veinbergu, J. Rīdziņu, J. Grinbergu, E. Soldnieku, V. Lipinu u. c.

Saskaņā ar PSRS Konstitūcijas 116. p., Latvijas PSR Konstitūcijas 88. pantu Latvijas PSR Prokurors ar PSRS Prokurora apstiprinājumu iecēla apriņķu un pilsētu prokuroorus. Tādējādi uz vietām — apriņķos un pilsētās prokuratūras priekšgalā nostājās padomju varai uzticīgi darbinieki.

Latvijas PSR prokuratūra, būdama PSRS prokuratūras sastāvdaļa un balstīdamās uz padomju prokuratūras orgānu stingru centralizāciju un vienvadību, pildīja savus uzdevumus neatkarīgi no jebkādiem vietējiem orgāniem, pakļaujoties vienīgi PSRS Prokuroram.¹⁵

1940. gadā spēkā esošajā 1933. g. 17. dec. PSRS CIK un TKP apstiprinātajā nolikumā par PSR Savienības prokuratūru bija sīki paredzēti prokuratūras orgānu uzdevumi un to kompetence.

Saskaņā ar šā nolikuma 4. pantu PSRS prokuratūra realizēja savienoto republiku, tātad arī Latvijas prokuratūras darbības vispārējo vadību.¹⁶

Tālāk nolikuma 10. p. noteica, ka PSRS Prokurors dod savienoto republiku prokuroriem norādījumus par to darbību, prokuratūras darba jautājumu apspriešanai sasauca Savienoto republiku prokurooru sanāksmes, veic savienoto republiku prokuratūru orgānu darbības pārbaudi, saņem to darba atskaites.

PSRS Prokurora norādījumi un rīkojumi visiem prokuratūras orgāniem bija obligāti jārealizē dzīvē.¹⁷

Visi padomju prokuratūras organizācijas un darbības principi pilnā mērā tika attiecināti arī uz Latvijas PSR prokuratūru.

¹⁴ **Ernests Soldnieks** (1896.—1946.) — Latvijas PSR pirmais prokurors (1940.—1944. g.) dzimis Liepājā strādnieku ģimenē, PSKP biedrs kopš 1919. gada; pilsoņu kara laikā brīvprātīgi iestājies Sarkanā Armijā un tās rindās piedalījies kaujās pret padomju varas ienaidniekiem no 1918.—1920. g.; pēc tam ieguvis augstāko juridisko izglītību un no 1925.—1940. g. darbojies Ukrainas PSR prokuratūras organos vadošā darbā. Pārvaldīja latviešu, krievu, ukraiņu un vācu valodas. No 1945. gada pavasara līdz savai nāves dienai (10. VII) bija savas dzimtas pilsētas prokurors. E. Soldnieks bija LKP CK loceklis (ievēlēts IX kongresā).

¹⁵ Sk. PSRS Konstitūcijas 117. un Latv. PSR Konst. 89. p.

¹⁶ Sk. Советская Прокуратура в важнейших документах, М., 1956 г., стр. 403.

¹⁷ Sk. turpat 404.—405. lpp.

Kā PSRS prokuratūras sastāvdaļu, kā padomju valsts orgāns Latvijas PSR prokuratūra veica savu darbu pēc V. I. Ļeņina norādījumiem, kas izteikti viņa darbā «Par «divkāršo» pakļautību un likumību», pamatojoties uz PSRS un Latvijas PSR Konstitūcijām, Nolikumu par PSRS prokuratūru, vadīdamās no PSRS Prokuratūras norādījumiem, instrukcijām un pavēlēm.

Runājot par Latvijas PSR prokuratūras struktūru, jāatzīmē, ka tā principā neatšķīrās no pārējo Savienoto republiku prokuratūras struktūras.

Prokuratūras orgāni tika izveidoti saskaņā ar Latvijas PSR administratīvi-teritoriālo iedalījumu. Padomju Latvijas prokuratūras priekšgalā stāvēja Latvijas PSR Prokurors, ko iecēla PSRS Prokurors uz pieciem gadiem un kam viņš bija tieši atbildīgs un pakļauts.

Apriņķos darbojās apriņķa prokurori, kurus uz pieciem gadiem iecēla Latvijas PSR Prokurors un apstiprināja PSRS Prokurors. Pilsētās pastāvēja pilsētu prokuratūras ar pilsētas prokuroru priekšgalā, ko iecēla un apstiprināja tādā pašā kārtībā.

Lai gan Latvijas PSR 1940. g. Konstitūcijā nekas nebija teikts par rajonu prokuroriem, faktiski vēlāk sakarā ar rajonu izveidošanu tika radītas arī rajonu prokuratūras.

Liela loma Latvijas PSR prokuratūras darbā bija Latvijas PSR Komunistiskās (boļševiku) partijas norādījumiem sociālistiskās likumības nostiprināšanas un prokuratūras darba uzlabošanas jautājumos.

Laikā no 1940. g. 17. līdz 19. decembrim notika Latvijas Komunistiskās (boļševiku) Partijas 9. kongress. Šajā kongresā tika pārrunāti un apspriesti jautājumi par tiesas, prokuratūras, milicijas darbu, kā arī citi jautājumi sociālistiskās likumības nostiprināšanas jomā. Seit tika atsegti trūkumi tiesu, prokuratūras un milicijas orgānu darbā, kā arī nosprausti konkrēti uzdevumi šo trūkumu izskaušanā un sociālistiskās likumības tālākajā nostiprināšanā.

Republikas prokurors E. Soldnieks Partijas kongresā ziņoja, ka Padomju Latvijā jaunā padomju prokuratūra jau sākusi darbību, ka padomju prokuratūras ir izveidotas visās Latvijas pilsētās un 14 apriņķos. Pārējos 5 apriņķos vēl vajadzēja izvirzīt prokuratūras darbā uzticamus kadrus. Par prokuroriem un to palīgiem tika izvirzīti padomju varai uzticīgi darbinieki, kas pēc savas sociālās izcelšanās galvenokārt bija strādnieku šķiras pārstāvji. No Latvijas Komunistiskās Partijas 9. kongresa materiāliem redzams, ka pilsētu un apriņķu prokuroru vidū tai laikā bija 25 komunisti, no tiem 23 partijas biedri un 2 partijas kandidāti.

Republikas prokurors E. Soldnieks no Latvijas Komunistiskās Partijas 9. kongresa tribīnes, runādams par Latvijas PSR prokuratūras darbu, tās uzdevumiem, trūkumiem, aicināja izvērst cīņu par sociālistiskās likumības nostiprināšanu.¹⁸

Arī citi kongresa dalībnieki, piemēram, Tieslietu tautas komisārs A. Jabloniskis, Galvenās Milicijas pārvaldes priekšnieka vietnieks Aksenovs un citi lielu vērību veltīja tiesas, prokuratūras kā arī milicijas orgānu darba uzlabošanas jautājumiem.¹⁹

Tika konstatēts, ka daudzas tiesas Padomju Latvijā vēl pagaidām slikti veic savus uzdevumus, jo tajās vēl darbojas vecie tiesneši. Tāpēc vajadzēja visdrīzākā laikā pilnīgi reorganizēt tiesu darbu republikā.

Bija nepieciešams, lai Padomju Latvijas tiesas un prokuratūras orgāni veiktu savus uzdevumus tā, lai varētu vislabāk cīnīties par sociālistiskās likumības ievērošanu un nostiprināšanu. Kongress savā rezolūcijā uzsvēra, ka nepieciešams visnotaļ nostiprināt visu padomju valsts aparātu, arī tiesu un prokuratūru, ar jauniem padomju varai uzticamiem kadriem.

Arī Latvijas Komunistiskās (boļševiku) Partijas Centrālās Komitejas biroja sēdēs ne vienu reizi vien tika apspriesti jautājumi par sociālistiskās likumības nostiprināšanu, par tiesu un prokuratūras orgānu darbu republikā. Biroja sēdēs tika atrisināti dažādi tiesu un prokuratūras darba jautājumi. Latvijas Komunistiskās (boļševiku) Partijas Centrālā Komiteja diendienā rūpējās, lai tiesu un prokuratūras orgānu darbā iesaistītu un izvirzītu politiski uzticamus un juridiski kvalificētus kadrus. Lai uzlabotu tiesu un prokuratūras darbinieku kvalifikāciju, Latvijas Komunistiskās (boļševiku) Partijas CK birojs 1941. g. 19. martā nolēma organizēt Rīgā Juridisko skolu, kā arī ievērojami paplašināt juridiskās izglītības kursu tīklu. Sajā pašā biroja sēdē tika nolemts pievērst justīcijas orgānu sevišķu uzmanību cīņai pret spekulāciju, huligānismu un sabiedriskā sociālistiskā īpašuma zādzībām.

Republikas prokuroram E. Soldniekam uzlika par pienākumu krasi uzlabot prokuratūras uzraudzību iepriekšējās izmeklēšanas un izziņas orgānu darbā.²⁰

Latvijas Komunistiskās (boļševiku) Partijas Centrālās Komitejas birojs, konstatēdams likumības neievērošanas gadījumus, uzlika prokuratūras orgāniem pienākumu tos novērst. Viss tas

¹⁸ Партархив ЦК КП(б) Латвии, Фонд 101, опись 1, № Дела 1 (1940 г.), стр. 79—80.

¹⁹ Партархив, Фонд 101, опись 1, № Дела 119 (1941 г.), стр. 239—246 и стр. 322.

²⁰ Там же, стр. 71—72.

rāda, ka partija viltīja lielu vērību tiesu un prokuratūras orgānu darba uzlabošanai un kopā ar tiesu un prokuratūru cīnījās par jaunās, sociālistiskās likumības nostiprināšanu republiku.

*

V. I. Ļeņins 1919. g. Komunistiskās Internacionāles I. kongresā uzsvēra: «Padomju varas būtība ir tā, ka visas valsts varas, visa valsts aparāta pastāvīgais un vienīgais pamats ir tieši to šķiru, ko bija apspiedis kapitālisms, t. i., strādnieku un pusproletāriešu (zemnieku, kas neekspluatē cita darbu un kas pastāvīgi ķeras kaut vai pie daļējas sava darba spēka pārdošanas), masu organizācija. Tieši tās masas, kas pat visdemokrātiskākās buržuāziskajās republikās, būdamas pēc likuma ar vienlīdzīgām tiesībām, īstenībā ar tūkstoš paņēmieniem un viltībām tika atstumtas no piedalīšanās politiskajā dzīvē un no demokrātisko tiesību un brīvību izlietošanas, tagad tiek iesaistītas pastāvīgā un obligātā, turklāt noteicošā līdzdalībā valsts demokrātiskajā pārvaldīšanā».²¹

1940./41. gadā Padomju Latvijas prokuratūras orgānu darbā tika izvirzīti jauni darbinieki, kas varēja un arī spēja veikt savus atbildīgos pienākumus. Tie bija dažādu profesiju cilvēki, dažādu padomju iestāžu, partijas organizāciju un arodorganizāciju darbinieki, kas izprata partijas politisko līniju un bija uzticīgi Partijas un tautas lietai. Tomēr šiem darbiniekiem pagaidām vēl nebija pietiekošu zināšanu un prakses tiesu un prokuratūras darbā. Lai jaunie darbinieki varētu iegūt nepieciešamās zināšanas un pieredzi un vārda pilnā nozīmē kļūtu par padomju tiesu un prokuratūras kvalificētiem darbiniekiem, vajadzēja sniegt tiem palīdzību. Tā republikas prokuratūrā prokuratūras un izmeklēšanas darbam izraudzītiem biedriem tika noorganizēti īstermiņa juridiski kursi. Notika dažādas metodiskas konferences, semināri, apspriedes, tika lasīti referāti par dažādiem juridiskiem jautājumiem u. tml. Jaunie prokuratūras orgānu darbinieki praktizējās Republikas prokuratūras aparātā. Tika izvirzīts uzdevums 1941./42. mācību gadā visus jaunos prokuratūras un izmeklēšanas orgānu darbiniekus iesaistīt neklātienē juridiskās izglītības apgūšanā.

Republikas prokuratūras centrālā aparāta darbinieki bieži devās uz apriņķu prokuratūrām, lai sniegtu konkrētu palīdzību uz vietas.

1941. g. 6. janvārī Tieslietu Tautas Komisariātā sāka darboties 3 mēnešu juridiskie kursi, kurus beidza 77 personas, no

²¹ V. I. Ļeņins, Raksti 28. sēj., 430.—431. lpp.

tām 68 strādnieki. Sajosursos kursanti apguva Partijas vēsturi, PSRS un Latvijas PSR Konstitūcijas, PSRS tiesu iekārtu, krimināltiesības, civiltiesības, kolhozu un zemes tiesības, administratīvās tiesības, krimināl- un civilprocesus.

Protams, 3 mēneši ir daudz par maz, lai sagatavotu labus padomju tiesu un prokuratūras darbiniekus, tomēr nepieciešamās pamatzināšanas darba sākumam tika dotas. Tādējādi 1941. g. aprīlī tiesu un prokuratūras orgānu darbā tika uzņemti svaigi kadri, kas nāca tieši no darba tautas vidus. Pēdējam apstāklim bija ļoti liela nozīme revolucionārās likumības nostiprināšanā.

Izpildot Latvijas Komunistiskās (boļševiku) Partijas Centrālās Komitejas biroja lēmumu, 1941. g. 5. maijā pie Latvijas PSR Tieslietu Tautas Komisariāta sāka darboties viengadīgā Juridiskā skola ar 100 audzēkņiem, no tiem 54 vīrieši un 46 sievietes. Kā redzams, padomju vara pavēra plašu ceļu arī sievietēm, deva tām iespēju strādāt tiesu un prokuratūras orgānu darbā. Iepazīstoties ar šīs skolas audzēkņu biogrāfijām, redzams, ka tie pēc savas sociālās izcelšanās un stāvokļa bija darbaļaudis. Tā 61 bija strādnieks, 30 kalpotāji, 8 zemnieki un 1 amatnieks. No tiem tikai 17 personas bija beigušas vidusskolu, lielā daļā (65 cilvēki) buržuāziskās Latvijas laikā bija varējuši beigt tikai pamatskolu.

1941. gada jūnijā tika veikti sagatavošanas darbi, lai rīkētu otru 3 mēnešus juridiskos kursus, tomēr karš, ko izraisīja fašistiskās Vācijas nodevīgais uzbrukums Padomju Savienībai, izjauca šo kursu sākšanos.

Tādējādi mēs redzam, ka Latvijas PSR tika darīts viss, lai nodrošinātu tiesu un prokuratūras orgānus ar padomju varai uzticamiem jauniem juristu kadriem.

*

Prokuratūra Latvijas PSR 1940./41. gadā, realizēdama uzraudzību par likumu pareizību un vienveidīgu piemērošanu tiesu iestādēs, lielu vērību veltīja jautājumam, kā tiesas pilda savas funkcijas. Latvijas PSR prokuratūras orgāni, konstatēdami likumības neievērošanas gadījumus tiesu darbā, darīja visu iespējamo, lai nelikumības tiktu izskaustas.

Kad Latvijā 1940. g. tika atjaunota padomju vara, pirmajos padomju varas pastāvēšanas mēnešos vēl netika izdoti tādi jauni likumdošanas akti, kas noteiktu, ka visi vecās buržuāziskās valdības likumi uzskatāmi par atceltiem un spēku zaudējušiem. Vēl kādu laiku Padomju Latvijas valsts aparāta organi turpināja piemērot atsevišķus gāztās valdības izdotos likumus. Bez šaubām, šos likumdošanas aktus izlietoja par tik, par cik tos bija

nepieciešams un iespējams piemērot jaunajos apstākļos. No vecajām tiesību normām piemēroja tikai tās, kuras nerunāja preti revolūcijas interesēm un atbilda jaunajiem uzdevumiem. Jau demokrātiskā tautas valdība spēra pirmos soļus, lai izdotu jaunus likumus, kā arī izdarīja nepieciešamos grozījumus un papildinājumus vecajos likumdošanas aktos, bet 1940. g. rudenī Padomju Latvijā vecie buržuāziskās Latvijas likumi tika atvietoti ar jauniem padomju likumiem.

1940. g. 6. novembrī PSRS Augstākās Padomes Prezidijs izdeva dekrētu par KPFSR Krimināl-, kriminālprocesa, civil un civilprocesa, darba likumu un laulības, ģimenes un aizbildības likumu kodeksu pagaidu piemērošanu Lietuvas, Latvijas un Igaunijas PSR teritorijā.

Saskaņā ar šo dekrētu Latvijas PSR Tautas Komisāru Padome paziņoja, ka šie likumi Latvijas PSR teritorijā piemērojami sākot ar 1940. g. 26. novembri. Tika noteikts, ka saukšana pie kriminālatbildības par noziedzīgiem nodarījumiem, kas izdarīti Latvijas PSR teritorijā pirms Padomju varas nodibināšanas, kā arī attiecīgo orgānu pirms padomju varas nodibināšanas ierosināto izmeklēšanas un tiesu lietu izbeigšana un virzīšana pēc piekritības, izdarāma saskaņā ar KPFSR kodeksiem, spriedumi, ko tiesas taisījušas krimināl un civillietās pirms Padomju varas nodibināšanas Latvijā un kas nav izpildīti, nav izpildāmi. Šīs lietas bija no jauna jāizskata saskaņā ar KPFSR kodeksiem.

Prokuratūra realizēja uzraudzību par šā dekrēta izpildīšanu.

Liela loma sociālistiskās likumības nostiprināšanai Padomju Latvijā 1940./41. gadā bija Latvijas PSR Tieslietu Tautas Komisāra, Latvijas PSR Augstākās tiesas priekšsēdētāja un Republikas prokurora kopējām pavēlēm par tiesas darba uzlabošanu. Piemēram, 1941. g. 17. janvārī tika izdota Pavēle Nr. 38 visiem apgabaltiesu priekšsēdētājiem. Pavēlē bija teikts, ka, ievērojot tautas tiesās uzkrājušos neizspiesto lietu daudzumu, lai sekmētu ātrāku no vecajām tiesām pārņemto lietu izspriešanu, tiek uzdots:

1. Rīgas, Liepājas, Daugavpils, Valmieras un Gulbenes apgabaltiesām izspriest visas no agrākām apgabaltiesām pārņemtās civil- un krimināllietas, nevirzot šīs lietas citām tiesu iestādēm;

2. Minēto darbu nobeigt līdz 1. aprīlim un ziņot Tieslietu tautas Komisāram, Augstākai tiesai un prokuratūrai par šīs pavēles izpildi.

3. Pilsētu un apriņķu prokuroriem uzraudzīt šo lietu iztiesāšanu.

1941. g. 30. martā Latvijas PSR Tieslietu tautas Komisārs un Latvijas PSR Prokurors izdeva kopīgu pavēli Nr. 258 par

Krimināllietu caurskatīšanas kārtību par noziegumiem, kas izdarīti pirms KPFSR kodeksa ieviešanas Latvijas PSR teritorijā, t. i. par KPFSR kodeksa piemērošanas kārtību, nepieļaujot atsaukšanos uz agrākiem kapitālistiskās iekārtas laikā izdotiem likumiem.

Sevišķi svarīga nozīme prokuratūras orgānu darba koordinēšanai un uzlabošanai bija Latvijas PSR apriņķu, pilsētu un rajonu prokuroru instruktīvai sanāksmei, kas notika Rīgā 1941. g. no 5. līdz 8. februārim. Pirmo reizi Padomju Latvijas prokuratūras darbinieki sapulcējās šādā plašā un svarīgā sanāksmē. Blakus veciem buržuāziskās Latvijas prokuratūras orgānu darbiniekiem, kuri bija izteikuši gatavību labi un godīgi strādāt un kurus padomju vara uzskatīja par iespējamu nodarbināt atbildīgajā prokuratūras darbā, šinī sanāksmē ņēma dalību vesela virkne jaunu prokuratūras darbinieku, kas tikko kā bija sākuši savu darbu. Šie vakardienas strādnieki, zemnieki, bijušie politiskie ieslodzītie un citi padomju varai uzticīgi cilvēki, būdami prokuratūras orgānu darbinieki, guva jaunas darba atziņas šajā sanāksmē.

Sanāksmes dienas kārtībā bija ietverti dažādi prokuratūras darba jautājumi. Sanāksmes dalībnieki rezumēja savus darba sasniegumus, atzīmēja kļūdas un trūkumus un nosprauda konkrētus uzdevumus tālākai prokuratūras darba uzlabošanai un sociālistiskās likumības nostiprināšanai.

Sanāksmē tika iztirzāti atsevišķi prokuratūras uzraudzības darba jautājumi. Tika nolasīti un apspriesti vairāki saturīgi referāti. Republikas prokuratūras vadošie darbinieki informēja par atsevišķu republikas prokuratūras daļu darbu. Tā, piemēram, toreizējais Republikas prokuratūras izmeklēšanas daļas priekšnieks b. Lipins nolasīja referātu par izmeklēšanas darba vadību. Sanāksmes dalībniekiem nebija neslēpums, ka iepriekšējās izmeklēšanas darbs vēl nav pietiekami labi nostādīts. Bija nepieciešams izvērst cīņu pret huligāniem, spekulantiem, padomju varai kaitīgiem elementiem un citiem likuma pākāpējiem. Tika izvirzīts uzdevums noziegumus izmeklēt maksimāli ātrā laikā, kā arī risināti atsevišķi iepriekšējās izmeklēšanas praktiskā darba jautājumi.

Sanāksmē tika pārrunāti arī citi prokuratūras uzraudzības darba jautājumi, proti, par prokurora lomu, realizējot uzraudzības krimināl un civilīetās; par prokurora uzraudzību par strādnieku-zemnieku milicijas orgānu izziņas darbu; par prokurora uzdevumiem vispārējās uzraudzības jomā un citi svarīgi jautājumi.

Sanāksmē apsprieda ļoti svarīgu un vienmēr aktuālu jautājumu par prokurora autoritāti. Tika uzsvērts, ka prokuroram jā-

būt ideāli godīgam cilvēkam, kura vārdu uzklausa, kuram tic. Bet prokurora autoritāte izveidojas, kad prokurors ar pareizu pieeju stājas pie jautājuma izšķiršanas par cilvēka saukšanu pie atbildības, kad viņš vērigi izturas pret darbaļaužu sūdžībām, ir modrs, izprot Partijas līniju un precīzi izpilda tās uzliktos pienākumus.

Latvijas PSR apriņķu, pilsētu un rajonu prokuroru sanāksme parādīja, ka prokuratūras darbinieki pareizi izprot savus uzdevumus cīņā par sociālistiskās likumības ievērošanu, cīņā pret noziegumiem. Sanāksme nosprauda konkrētus uzdevumus prokuratūras darba trūkumu izskaušanā un darba uzlabošanā.

*

Prokuratūra Latvijas PSR 1940./41. gadā, veidama savus uzdevumus sociālistiskās likumības ievērošanā un nostiprināšanā, sadarbojās ar padomju un partijas orgāniem. Sevišķi šī sadarbība izpaudās tiesu un prokuratūras orgānu starpā, jo abu šo padomju valsts orgānu galvenais uzdevums bija stāvēt sociālistiskās likumības stingrās ievērošanas sardzē. Lai tiesa un prokuratūra spētu godam veikt savus uzdevumus, vajadzēja rūpēties par tiesu un prokuratūras darbinieku kvalifikācijas un idejiski-politiskā līmeņa nepārtrauktu celšanu. Šim nolūkam bieži tika rīkotas kopējas tiesu un prokuratūras darbinieku sanāksmes gan Rīgā, gan arī lauku rajonos. Piemēram, 1941. g. 12. aprīlī Valmieras tiesu namā notika sapulce, kurā piedalījās Valmieras tiesu un prokuratūras darbinieki.

Vēl jāatzīmē, ka tiesu un prokuratūras darbinieki sastādīja kopējus idejiski-politiskā līmeņa un kvalifikācijas celšanas darba plānus.

Piemēram, sākot ar 1941. g. aprīli tika izstrādāts Valmieras tiesu un prokuratūras darbinieku ražošanas un sabiedriski-politiskā darba plāns katram mēnesim.

Plānos tika paredzēts rīkot pārrunas par Partijas vēsturi, politinformācijas, pārrunas par izlasīto daiļliteratūru, dažādu sabiedrisko organizāciju darba apspriešanu u. tml. Sajos plānos tika paredzēti dažādi juridiski semināri 3—4 reizes mēnesī.

Tā 1940./41. gadā atjaunojoties padomju varai Latvijā tika izveidota Latvijas PSR prokuratūra, kas cīnījās par sociālistiskās likumības ievērošanu un nostiprināšanu republikā, palīdzēja Latvijas darbaļaudim celt jaunu, skaistu un laimīgu dzīvi. Nodevīgais imperiālistisko valstu izraisītais karš uz laiku pārtrauca Latvijas PSR prokuratūras darbību. Labākie un uztica-

mākie Latvijas PSR prokuratūras darbinieki deva savu ieguldījumu kopējā PSRS tautu cīņā pret fašistisko nezvēru. Pēc fašistiskās Vācijas karapūļu padzīšanas no Padomju Latvijas, prokuratūras orgāni atsāka veikt savus atbildīgos un godpilnos uzdevumus.

**КРАТКОЕ СОДЕРЖАНИЕ СТАТЬИ И. О. ДОЦЕНТА, КАНД. ЮРИД.
НАУК С. ГРАУЖИНИС «ЗАМЕЧАНИЯ О СОЗДАНИИ И РАЗВИТИИ
ПРОКУРАТУРЫ ЛАТВИЙСКОЙ ССР В 1940 И 1941 гг.»**

Данная статья посвящена изучению вопросов, связанных с созданием и развитием прокуратуры Латвийской ССР в 1940 и 1941 годах. Этот вопрос в юридической литературе до сих пор слабо освещен.

В статье разрабатывается вопрос слома и упразднения реакционной прокуратуры буржуазной Латвии в период восстановления советской власти в Латвии в 1940 году.

Далее показывается роль и значение прокуратуры в укреплении и развитии советской власти в республике и в борьбе за соблюдение и укрепление социалистической законности.

Прокуратура Латвийской ССР в своей деятельности руководствовалась советскими законами и указаниями Коммунистической партии.

В статье освещается роль IX съезда Коммунистической партии Латвии, состоявшегося с 17 по 19 декабря 1940 года, на котором большое внимание уделялось вопросам улучшения работы судебных и прокурорских органов.

В феврале 1941 года состоялось первое инструктивное совещание работников Прокуратуры республики, которое сыграло важную роль в дальнейшем улучшении прокурорской работы.

Прокуратура Латвийской ССР, под руководством Коммунистической партии при самой активной поддержке трудящихся, используя опыт братских советских республик, успешно боролась за соблюдение и укрепление социалистической законности в республике.

ПАМЯТИ М. Х. ЯКОБСОНА-АНДЕРСОНА

28 июня 1959 года скончался один из наиболее выдающихся деятелей юстиции Советской Латвии, заведующий кафедрой уголовного права и процесса и криминалистики Экономико-юридического факультета Латвийского Государственного университета имени П. И. Стучки полковник юстиции Макс Христофорович ЯКОБСОН-АНДЕРСОН.

М. Х. Якобсон-Андерсон родился в 1897 году в бедной крестьянской семье в Тадайкинской волости Гробинского уезда Курляндской губернии.

В тяжелом труде и лишениях прошло его детство и ранняя юность. В годы первой мировой войны началась его революционная деятельность. В 1915 году он уезжает в Петроград, где приобретает к революционному движению петроградских рабочих.

В 1916 году М. Х. Якобсон-Андерсон был призван в армию. Позднее он руководит выступлениями солдат в демонстрациях пролетариев Петрограда, участвует в отряде Красной гвардии в борьбе против Краснова, затем в рядах Красной Армии проходит весь тяжелый и славный боевой путь гражданской войны.

В 1918 году М. Х. Якобсон-Андерсон вступает в ряды КПСС и до последних дней своей жизни остается принципиальным большевиком-ленинцем; всю свою жизнь посвятив борьбе за осуществление идеалов партии.

В течение многих лет М. Якобсон-Андерсон занимал командные и командно-политические должности в рядах Красной Армии. С 1925 года он переходит на ответственную партийно-советскую и хозяйственную работу.

С 1931 года он находится на юридической и одновременно на педагогической работе. В 1933 году заканчивает с отличием Московский юридический институт имени П. И. Стучки, после чего выполняет ответственную юридическую работу в СССР и в торгпредстве СССР в Англии.

В годы Отечественной войны и весь послевоенный период

М. Х. Якобсон-Андерсон находится в рядах Советской Армии, работая в органах военной юстиции, а с 1949 года совмещает практическую деятельность с педагогической и научной работой на Экономико-юридическом факультете Латвийского Государственного университета имени П. И. Стучки. За участие в Великой Отечественной войне М. Якобсон-Андерсон награжден орденом Красного Знамени, двумя орденами Красной Звезды и многочисленными медалями.

С 1951 года до дня его кончины М. Х. Якобсон-Андерсон работал заведующим кафедрой уголовного права и процесса и криминалистики Экономико-юридического факультета Латвийского Государственного университета. Проводил серьезную научно-исследовательскую работу. Опубликовал ряд статей по вопросам права и советского строительства, принимал активное участие в работе по кодификации уголовного и уголовно-процессуального законодательства Латвийской ССР.

Макс Христофорович пользовался большим уважением и авторитетом среди судебных и прокурорских работников и советских ученых-юристов.

В работе и быту Макс Христофорович следовал высоким моральным принципам коммуниста.

Светлая память о Максе Христофоровиче Якобсоне-Андерсоне навсегда останется в сердцах его сотрудников, студентов и всех знавших его.

УЧЕННЫЕ ЗАПИСКИ

Том 44

Юридические науки

Латвийский Государственный университет им. П. Стучки.
Сдано в набор 12 VII 1962 г. Подписано к печати 24 X
1962 г. Печ. листов 12,75. Тираж 500 экз. ЯТ 17724.
Цена 90 коп. Отпечатано в Образцовой типографии Уп-
равления полиграфической промышленности Министер-
ства культуры Латвийской ССР г. Рига, ул. Пушкина, 12.
Заказ № 1210.

H27842

44/5759

LATVIJAS UNIVERSITĀTES BIBLIOTĒKA



0509052543